99-29
78-8

Б.И. Искандаров

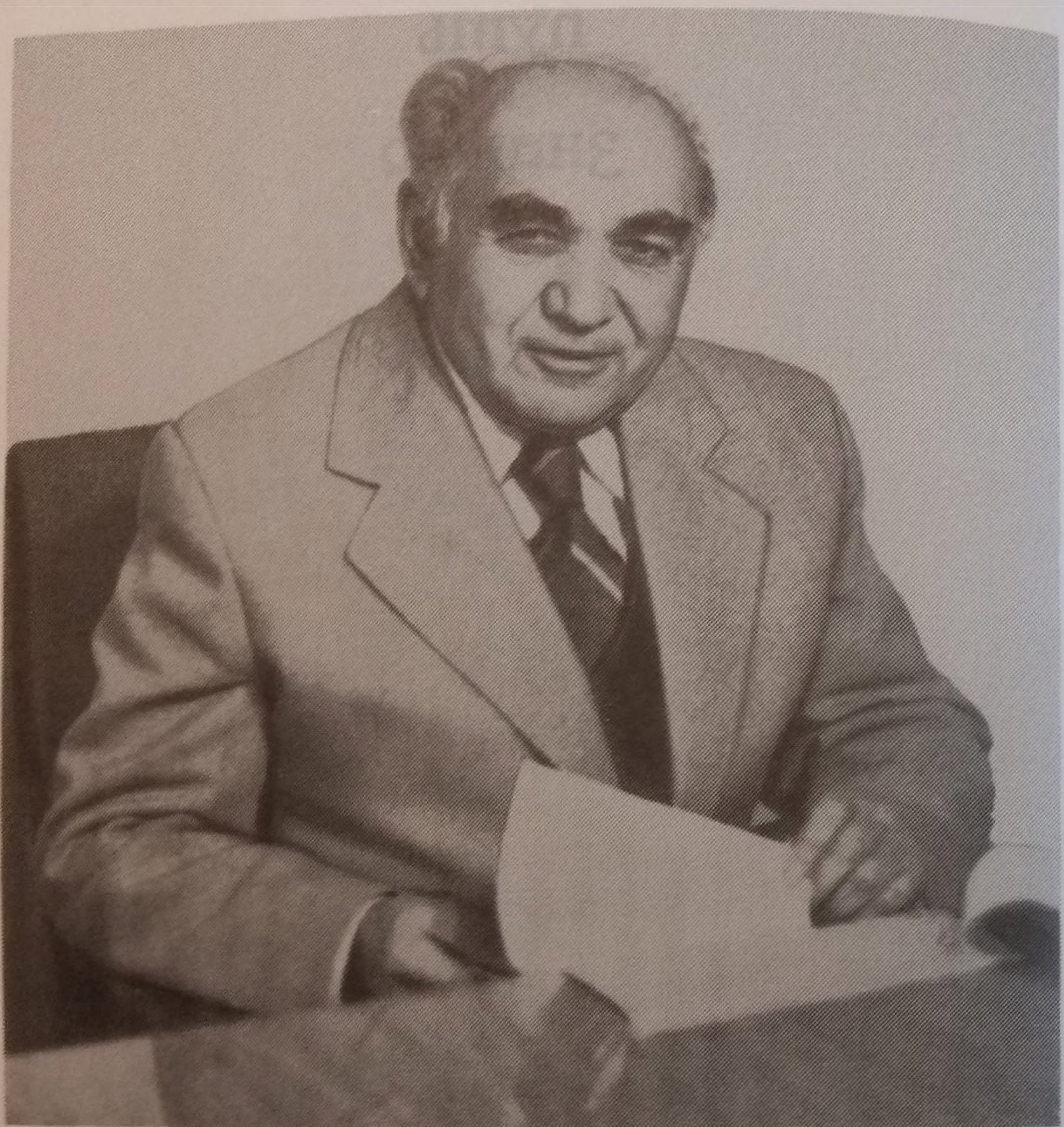
ОБЯЗАТЕЛЬНО
БЕСПЛАТНЫЙ

Трудный путь к знанию

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Б.И. Искандаров

Трудный путь к знанию

Академик АН Таджикистана
Боходур Искандарович Искандаров

2 99-29
78-8

Б.И. Искандаров

Трудный путь к знанию

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

1999

ФБ2

УДК 93/99
ББК 63.3(2)
И 86

2007328638

Российская
Государственная
библиотека
1999

Искандаров Б.И.

И 86 Трудный путь к знанию. — М.: Издательство Московского университета, 1999. — 160 с.

ISBN 5-211-02542-3

Воспоминания крупнейшего советского востоковеда, академика АН Таджикистана Б.И. Искандарова — повествование о жизненном пути ученого, неустанном поиске знания и освоении “белых пятен” в истории Средней Азии, Памира и Гиндукуша. Автор рассказывает о трудной жизни в памирских кишлаках в 20-е годы, учебе в знаменитом ЛИФЛИ, участии в Великой Отечественной войне, многолетней работе в Институте истории АН Таджикистана (директором его Б.И. Искандаров был с 1962 по 1994 г.), встречах со многими замечательными учеными.

УДК 93/99
ББК 63.3

ISBN 5-311-02543-3

© Искандаров Б.И., 1999 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мне хотелось бы начать свои воспоминания с нескольких бейтов великого персидского поэта Фирдоуси. Это строки из поэмы "Шах-наме", из той части "Вступления" к поэме, которая носит название "Слово в похвалу разума":

Иди же вслед за разумом с любовью,
Разумное не подвергай злословью.

К словам разумных ты ищи пути,
Весь мир пройди, чтоб знанье обрести.

О том, что ты услышал, всем поведай,
С упорством корни знания исследуй.

Лишь ветви изучив на древе слов,
Дойти ты не сумеешь до основ[1].

О Фирдоуси я слышал еще в детстве, когда не только не умел читать, но даже не мог мечтать обучиться грамоте. И конечно, ни сам я, сирота из затерянного в горах кишлака, и никто другой помыслить не могли тогда, что я стану ученым человеком. Да и вряд ли кто в наших дальних краях, где самым грамотным человеком был обычно мулла, мог толком представить, что значит быть ученым и историком.

КНИГА ИМЕЕТ

Листов печатных	Выпуск	В перепл. един. соедин №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	200 г.

уси глубоко
ройди, чтоб
зни. Может
многих го-
никогда не
ышал, всем
м, но и в са-

ство "Художест-
эзии двустишие,

УДК 93/99
ББК 63.3(2)
И 86

2007328638

Российская
Государственная
библиотека
1999

Искандаров Б.И.

И 86 Трудный путь к знанию. — М.: Издательство Московского университета, 1999. — 160 с.

ISBN 5-211-02542-3

Воспоминания
АН Тад
ученого,
Средней
жизни в
участии
Институт
был с 196

ISBN 5-3

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мне хотелось бы начать свои воспоминания с нескольких бейтов великого персидского поэта Фирдоуси. Это строки из поэмы "Шах-наме", из той части "Вступления" к поэме, которая носит название "Слово в похвалу разума":

Иди же вслед за разумом с любовью,
Разумное не подвергай злословью.

К словам разумных ты ищи пути,
Весь мир пройди, чтоб знанье обрести.

О том, что ты услышал, всем поведай,
С упорством корни знания исследуй.

Лишь ветви изучив на древе слов,
Дойти ты не сумеешь до основ[1].

О Фирдоуси я слышал еще в детстве, когда не только не умел читать, но даже не мог мечтать обучиться грамоте. И конечно, ни сам я, сирота из затерянного в горах кишлака, и никто другой помыслить не могли тогда, что я стану ученым человеком. Да и вряд ли кто в наших дальних краях, где самым грамотным человеком был обычно мулла, мог толком представить, что значит быть ученым и историком.

Сейчас, когда я пишу эти воспоминания, стихи Фирдоуси глубоко отзываются в моей душе, потому что слова "весь мир пройди, чтоб знанье обрести" могли бы быть девизом всей моей жизни. Может быть, пройти весь мир мне и не удалось, но я побывал во многих городах и странах. Может быть, я не обрел всего знания, но никогда не превращал его в омертвелую материю — "о том, что я услышал, всем поведал". Мой путь к знанию действительно был трудным, но и в са-

---

[1] Перевод С. Липкина. Цит. по изданию: Фирдоуси. Шах-наме. М.: Издательство "Художественная литература", 1978. — С. 22. Бейт — в арабской и персидской поэзии двустишие, обычно содержащее законченную мысль. — *Прим. автора.*

мые тяжелые минуты я не забывал о науке, которой намерен был служить.

Я был не только свидетелем, но был участником великих перемен, которые происходили в нашей стране. Люди моего поколения прошли трудный путь, но мы можем считать себя счастливыми уже хотя бы потому, что каждый из нас внес свою лепту в строительство новой жизни. Плоды этих славных деяний мы ощущаем до сих пор, в нашем повседневном существовании.

Как историк, я очень хорошо знаю, что "времена меняются". Но как честный свидетель эпохи, я хочу добавить только одно. Вся моя жизнь самым тесным образом связана с Советской властью. Именно она сформировала меня как личность, определила мое мировоззрение и самое главное — дала мне возможность заниматься делом моей жизни — наукой историей. И множество моих земляков могут сказать то же самое. На собственном примере я знаю, что нам дала Советская власть, как она помогла нам стать равноправными гражданами своей великой страны. В самые критические моменты на помощь мне приходила Советская власть, она помогла мне и многим таким, как я, стать настоящими людьми и хозяевами своей собственной судьбы.

Окончательное суждение о перипетиях моей жизни, моих успехах и неудачах, моих поисках истины (и этих воспоминаниях) пусть вынесет читатель. Я же считаю своим долгом выразить искреннюю благодарность коллегам и друзьям — старшему научному сотруднику Института этнографии АН СССР им. Миклухо-Маклая Л.Ф. Моногаровой, младшему научному сотруднику Института истории АН Таджикистана им. А. Дониша А.Н. Секретову, старшему научному сотруднику того же института К.Д. Митюковой за содействие и помощь при подготовке моих воспоминаний к публикации.

Глава I
ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ

1. Ранние детские годы

Я родился 12 апреля 1912 г. в бедной крестьянской семье в небольшом кишлаке Сохчарв на Западном Памире (сейчас это территория Шугнанского района Горно-Бадахшанской автономной области Республики Таджикистан). Когда я подрос, я стал расспрашивать стариков, как появился наш кишлак и откуда пришли его жители. Из рассказов выходило, что Сохчарв возник позже других кишлаков, что правители Западного Памира одаривали своих людей землей в этих местах и поэтому население здесь было пришлым.

Сохчарв мало отличался от множества таких же селений. Располагались они в долине реки Пяндж и прилегающих к ней ущельях то спускаясь к самой реке, то поднимаясь чуть ли не к гребню гор. Наш кишлак окружали крошечные поля с оградами из камней и обломков скал, яблоневые сады, ореховые рощи, а чуть дальше, в глубине ущелий, были пастбища. Горные речки, впадающие в Пяндж, придавали памирским кишлакам особую прелесть, а пирамидальные тополя давали желанную тень в летний зной.

Земля здесь была каменистой и было ее очень мало, поэтому использовался и обихаживался любой, самый небольшой ее клочок. С давних времен здесь были замечательные мастера оросительных сооружений. Арыки — каналы, отведенные от горных ручьев, — часто прокладывались буквально по отвесным скалам. Туда спускались на веревках и дробили скальную породу простыми кирками. В наших местах всегда было нелегко прокормить семью, приходилось и голодать, особенно весной, когда истощались скудные запасы.

Я не долго жил с родителями. Отец мой умер в конце 1919 или начале 1920 года, вслед за ним через несколько месяцев умерла и мама. Мы, четверо детей (я был самым младшим), остались сиротами. Следить за хозяйством было некому, и оно разрушалось с каждым днем,

даже в прямом смысле — зимой соседи начали растаскивать сараи и прочие постройки на топливо. Дошло до того, что люди боялись ходить ночью мимо нашего дома, пошли слухи, что он стал чуть ли ни обиталищем нечистых духов. После смерти моих родителей наш дом стал символом несчастья. До глубокой осени 1920 г. мы жили в этом запустелом доме. Наступали холода, и положение наше становилось безысходным. Хотя родственников у моего отца было более чем достаточно, никто не решался приютить нас и сохранить наше хозяйство. Мы оказались лишними и никому не нужными.

И вот когда судьба наша висела на волоске, на помощь пришла семья моей тети по отцу. Нас и остатки нашего имущества перевезли в большой кишлак Поршнев. И лишь теперь я со всей остротой почувствовал, что вхожу в чужой дом, что потерял отца и мать. Я плакал и никак не мог остановиться. Приютившая нас семья была большой. Сыновья моей тети, их было четверо, жили все вместе. Двое из них были женаты, а двое других еще холостые. Тетя, простая неграмотная женщина, отнеслась к нам очень хорошо, она поистине заменила нам мать, особенно добра она была ко мне — самому младшему сыну своего брата. Но остальные члены семьи, особенно снохи, мало считались с нею, поэтому мы все же чувствовали себя сиротами. А тетя все больше болела.

Устройство дома, в котором мы поселились, было типичным для кишлаков Западного Памира. Фундамент складывался из необработанного камня, скрепленного глиной, стены — из сырцового кирпича или из того же камня, что и фундамент. Традиционное жилище, обычно прямоугольное, почти квадратное, представляло собой одну большую комнату, к которой иногда пристраивали нечто вроде сеней. В местностях с более мягким климатом дома имели открытую с одной стороны веранду. Кровля над центральной частью дома имела характерное ступенчатое перекрытие в виде сужающегося кверху свода — "чор-хона", образованного несколькими (обычно четырьмя, иногда пятью) квадратными деревянными рамами. Их накладывали одну поверх другой таким образом, что углы каждой следующей рамы, меньшей по размеру, приходились на середину стороны предыдущей. Последняя, самая маленькая рама, венчала свод, образуя отверстие для выхода дыма (топили "по-черному") и для освещения, поскольку окон в стенах не делали. Кровля поддерживалась четырьмя-пятью центральными и несколькими пристенными столбами. Опорные столбы ("стан") часто украшали резным орнаментом.

Остальная часть жилища имела балочное перекрытие. В верхней части стен укрепляли поперечные и продольные балки, на которые настилались доски потолка. Такое устройство кровли снижает давление балок на стены, что позволяло строить большие дома — на всю многочисленную патриархальную семью. Кроме того, подобная архитектура придает жилищу определенную сейсмостойкость. Внутри дома вдоль боковых стен и стены напротив входа складывались широкие суфы (нечто вроде топчанов), глинобитные или из камня, обмазанного глиной, высотой 80–100 см. Суфы разделялись невысокими глинобитными валиками. В середине одной из суф, слева или справа от входа, устраивали открытый очаг — круглое или овальное углубление, расширяющееся книзу. Через боковое отверстие в него подкладывали топливо — кизяк и хворост. Такой очаг служил и для отопления, и для приготовления пищи.

Ближе к двери хранили утварь и продукты. На суфе напротив входа обычно устанавливали ткацкий станок. Суфы застилали соломой и покрывали сверху паласами, а зимой — кошмами и шерстяными коврами, в зависимости от зажиточности семьи. Одежду хранили в сундуках и больших круглых коробках, повседневную одежду вешали на гвозди, вбитые в пристенные столбы. До появления керосиновых ламп жилище освещалось огнем очага или лучиной, которую вставляли в деревянную подставку, укрепляемую на одном из центральных столбов. Хозяйственные постройки (хлевы, кладовые и т.п.) обычно пристраивали непосредственно к дому, так что их кровли сливались. На плоских крышах домов раскладывали для сушки фрукты, чаще всего абрикосы и ягоды шелковицы. Летом на крыше и спали, особенно дети и подростки.

Жизнь моя не была легкой. Тетя старалась заменить мне мать и была, пожалуй, единственным по-настоящему родным человеком. Она заботилась обо мне как могла, хотя была старенькая и сильно болела. Зимой она собирала шерсть, из которой ткала грубую ткань и шила мне одежду — нечто вроде халата. С детства я привык к работе. Как правило, летом тетя всегда забирала меня с собой на пастбище, я помогал ей следить за скотом, носил воду. Лишь иногда мне удавалось поиграть с другими ребятами и сбегать искупаться в Пяндже. Плавать я научился быстро, причем плавал отлично. Это были счастливые дни.

Кишлак Поршнев, весьма многолюдный, состоял из нескольких маленьких кишлачков. Мы жили в Буведе, в самом центре Поршнева.

Местоположение Буведа было благоприятным, жители его имели хорошие пастбища, выращивали на своих полях пшеницу, горох и другие культуры. Однако жизнь оставалась трудной из-за постоянной нужды, суровых холодов зимой и многого другого. По сравнению со многими соседями семья моей тети была более обеспеченной, но и нам приходилось нелегко.

Зимой обилие снега и сильные морозы приковывали людей к дому. Мужчины главным образом ухаживали за скотом и заготавливали топливо, некоторые охотились на горных козлов; женщины занимались домом и детьми. Свободное время женщины, как правило, проводили отдельно от мужчин. В гости обычно ходили в дни праздников или же несчастий. Что касается нас, мальчишек, то мы тоже навещали друг друга и чаще всего играли в бабки.

Самыми заметными событиями в жизни кишлака были свадьбы, которые праздновали всей общиной. Мне вспоминаются слова известного в XIX в. русского романиста А.К.Шеллера-Михайлова, который заметил, что "песни успокоительно действуют на небогатых людей, возвышая им минуту отдыха и собирая их в тесный кружок". Именно так и было, когда на свадьбах люди веселились с наступления темноты и почти до самого утра. Певцы и музыканты собирались на свадьбы из кишлаков с обоих берегов Пянджа.

Победа Октябрьской революции внесла значительные перемены в хозяйственную и общественную жизни Памира. Это было сложное время. Вековая отсталость населения сильно тормозила осуществление социальных преобразований. В крае не было ни своего рабочего класса, ни демократической интеллигенции. Офицеры русских войск и члены Туркестанского комитета Временного правительства в подавляющем большинстве не приняли Советскую власть, боролись за сохранение прежнего строя, даже ценой превращения Памира в иностранную колонию. Этому способствовало и географическое положение моей родины — на стыке границ с Индией, Китаем и Афганистаном. Каждая из этих стран пыталась установить на Памире свое влияние. Особенное усердие проявляли британские колониальные власти, которые через реакционные круги Афганистана и Индии вели агитацию против нового строя.

Представители местного господствующего класса со своими иностранными пособниками всячески саботировали осуществление преобразований, начатых новой властью в области государственного управления, экономики и национальных отношений. Не остались в

стороне и представители бухарского эмира, которые, пользуясь запутанной обстановкой, стремились укрепить свои позиции на Западном Памире. В крае свирепствовали басмаческие банды, вырезая иногда целые пограничные гарнизоны и разграбляя их имущество.

Внутренняя борьба с каждым днем принимала все более острый характер. Закончилась она поражением сил контрреволюции и установлением на Памире Советской власти. Кроме всего прочего, этому способствовало и выступление хорогской молодежи. Во главе с революционером Хольмаковым, они изгнали из края представителей бухарского эмира. Хотя сам Хольмаков в 1919 г. погиб от рук белогвардейцев, его заслуга в установлении новой власти на Памире огромна. Местные реакционеры, чувствуя, что не в состоянии удержать власть, покидали страну. Многие из них, прежде чем бежать за кордон, грабили пограничные заставы Памира. Так, начальник Иркештамского пограничного поста бежал в Кашгарию, захватив около пуда серебра.

Попытки внутренней и внешней контрреволюции помешать укреплению Советской власти на Памире продолжались и позже. По личному указанию М.В. Фрунзе и В.В. Куйбышева, ответственных за проведение ленинской национальной политики в Средней Азии, на Памире был образован революционный комитет, опиравшийся на революционно настроенную молодежь. Благодаря его усилиям, а также приходу частей Красной армии, возглавляемых Семикиным, в 1920 г. Советская власть на "Крыше мира" победила окончательно. Большая заслуга в установлении Советской власти на Памире принадлежит таким выдающимся представителям памирского народа, как Навруз-бек, Бодур-бек, Исмаилов, Бокиев, С. Абдуллаев, Ш. Шотемур. Видную роль сыграли русские революционеры — братья А.М. и Т.М. Дьяковы.

Упрочению Советской власти на Памире противилось и местное духовенство во главе с поршневским ишаном Саидом-Юсуфом-Алишо. По некоторым сведениям, в 1922 г. он пытался организовать заговор против только что победившей Советской власти. Ишан был очень богат и, разумеется, новый строй ему был не по душе. У ишана было множество мюридов (учеников) как на правобережье, так и на левобережье Пянджа, в Афганистане. Они ежегодно платили ему дань продуктами и деньгами, по очереди безвозмездно работали на него. Среди его батраков были жители Шугнана, Дарваза, Читрала. Помню одну старую женщину по имени Шабон, родом из Читрала, которая всю жизнь проработала у этого ишана. На Памире были и

другие крупные скотоводы, особенно в долинах Шахдары и Гунта, которые продавали скот на кашгарском и ферганском рынках. Эти люди тоже были недовольны новым общественным строем.

Когда на Памире установилась Советская власть, в южных и юго-восточных районах Таджикистана еще активно действовали басмачи. Действия частей Красной Армии и добровольческого отряда из Хорога сыграли важнейшую роль в установлении новой власти в Дарвазе и в долине Ванча. Эти дни отчетливо сохранились в моей памяти. Помню, как весной 1922 г. Хорогский отряд и местные добровольцы, мобилизовав у населения буквально всех лошадей, отправились в Дарваз, где после ухода в 1921 г. из этого района Гиссарского экспедиционного корпуса, снова активизировались контрреволюционные силы. Басмаческие банды были атакованы со стороны Душанбе и Хорога и разбиты, а уцелевшие басмачи бежали за границу.

К этому времени население Памира оказалось в тисках жестокой нужды. Были прерваны практически все торговые связи с соседними районами. Голод, охвативший районы Поволжья, также отозвался на жителях Памира. Дело в том, что население края, ввиду скудости собственных ресурсов, веками вело торговлю с Ферганской долиной и юго-восточными районами Таджикистана. Эти регионы, в свою очередь, во многом зависели от ввоза хлеба из Поволжья. Исторически Памир также был тесно связан с сопредельными районами Афганистана, включая Гиндукуш, и Восточным Туркестаном, входившим в состав Китая. После победы революции в Средней Азии власти Афганистана и Китая, недоброжелательно или враждебно настроенные по отношению к новой власти, старались "отгородиться" от советской Средней Азии.

В силу всех этих причин и ограниченного количества годной для обработки земли население Памира столкнулось с острым продовольственным кризисом. Всех нас затронули лишения. Но мне было еще тяжелее — у меня не было родителей, некому было поддержать и утешить меня, а ведь я был еще совсем ребенком. Нередко, когда во время игр с ровесниками у нас возникали ссоры, меня обзывали сиротой, бездомным и даже нахлебником. Иной раз я слышал упреки и от взрослых. До самого поступления в интернат у меня была единственная рубашка. Я был близок к отчаянию, положение мое казалось безвыходным.

Вообще-то жители горного края жили дружно и всегда поддерживали друг друга в трудные дни. Конфликты случались лишь летом из-за нехватки воды для полива, либо потравы посевов чужим скотом, либо из-за пастбищ. Но такие размолвки улаживались без особого труда, чаще всего стариками, пользовавшимися уважением. Сколько помню, у нас не было ни родовой вражды, ни крупных раздоров и распрей.

Ко времени установления Советской власти население на Памире было почти сплошь неграмотным. Жители Западного Памира избегали посылать детей учиться в Бухару, которая до революции была религиозным и образовательным центром всей Средней Азии. По-видимому, помимо территориальной отдаленности была и другая причина — религиозная: население Бухарского эмирата исповедовало ислам суннитского толка, а на Западном Памире большинство населения принадлежало к исмаилитам, шиитской исламской секте.

До открытия в крае советских школ в отдельных поселениях можно было встретить старометодные школы, в которых преподавали грамотные люди из местных жителей, обычно муллы. Такие школы имели по 9–10 учеников, одних мальчиков. Девочки, если и учились, то только дома. Вообще возможность учиться имели в основном дети зажиточных людей. Кроме того, учение продолжалось лишь в зимний период, а летом, с наступлением полевых работ, всякая учеба прекращалась. “Учение” сводилось в основном к заучиванию азбуки и затверживанию изречений из корана и персидско-таджикской литературы; сами учителя вряд ли знали много больше. В Хороге до революции существовала так называемая русско-туземная школа, в которой в свое время учились многие будущие ответственные советские работники. Но в революционные годы школа закрылась, а учителя уехали из Хорога.

Правда, как мне вспоминается, жители Поршнева, отличались большей, чем в других кишлаках, грамотностью. Кстати, из нашего кишлака вышли многие видные местные советские руководители. Но и в Поршневе грамотных людей можно было сосчитать по пальцам. Некоторые из них получили образование в Индии или Афганистане, в Кабуле. Такое образование сводилось, главным образом, к изучению таджикско-персидской литературы. Народ любил своих поэтов, почти у каждого хотя бы мало-мальски грамотного человека можно было найти труды классиков персидско-таджикской поэзии:

Фирдоуси, автора знаменитой поэмы "Шах-наме", Омара Хайяма, Джалаледдина Руми, Шамседдина Хафиза и других.

В Поршневе также жил весьма образованный для своего времени человек, его звали Мухаммед Шах-зода. Он считался врачевателем и лечил по рецептам Авиценны. Я помню этого мудрого старика, который каждую весну уходил в горы собирать лекарственные травы. За помощью к нему обращались жители не только советского Шугнана, но и левобережья р. Пяндж, т.е. афганского Шугнана. Дом Шах-зода всегда был полон людей. Некоторые наиболее состоятельные соседи отдавали ему своих детей в обучение. В отличие от многих других "образованных" людей, он хорошо владел и арабским языком.

Я очень интересовался поэзией и историческими преданиями, когда выдавалось свободное время, любил посидеть со стариками и послушать их разговоры. Так, однажды, слушая старых женщин, я узнал о страшной трагедии — вторжении на Памир войск афганского правителя Абдурахман-хана (это было в начале 80-х годов XIX в.). Тогда, спасаясь от иноземных войск, местные жители вынуждены были покинуть свои дома и бежать в Дарваз (Восточную Бухару) и южную часть Киргизии. О революции я тоже узнал от стариков, ведь все события этого бурного времени были предметом их оживленного обсуждения. Конечно, тогда я не понимал сути перемен, которые произошли в стране.

Как я уже говорил, некоторые из местных жителей сами обучали своих детей грамоте. Вспоминаю, как один из жителей кишлака давал своим сыновьям очередной урок. Дети громко читали какой-то старый букварь, а я, сидя на крыше этого дома, внимательно слушал их. Так повторялось не один день. Однажды "учитель" проверял, как его ученики усвоили урок, но они ничего не могли вспомнить. Тогда я крикнул с крыши: "Я вам повторю ваш урок!". Учитель согласился, я повторил, правда с большими ошибками, так как тогда я был абсолютно неграмотен и запоминал все чисто механически. Но "наставник" был очень удивлен даже и этим.

Я нисколько не преувеличиваю, но мысль об учебе, о получении образования захватила меня с самого раннего детства. Но пока в нашем кишлаке не открылась начальная школа, мне и мечтать об учебе не приходилось — ведь в школу, в которой учились дети состоятельных людей, трудно было попасть ребенку из бедной семьи.

2. Школьные годы

Наконец, осенью 1923 г. в Поршневе была открыта первая советская начальная школа. Затем началась организация школ в центре Рушана Вомаре, Ишкашиме, Мургабе, а позднее и в других крупных кишлаках Памира. Учителей не хватало, хотя молодежь, посылаемая для учебы в Ташкент, в основном возвращалась в родные места. Многочисленные мелкие кишлаки еще оставались вне поля зрения отдела народного образования.

Помню, что открытие первой за всю историю Поршнева школы произвело огромное впечатление на жителей кишлака, этот день стал большим событием, почти праздником. Все старались отправить своих детей в школу, видимо полагая, что для овладения грамотой хватит каких-нибудь нескольких дней. В школу привели даже нескольких детей с левого, афганского, берега Пянджа. Попал в эту школу и я. Поэтому я вечно благодарен своему двоюродному брату — старшему сыну моей тети Сокибеку, который отправил меня в школу вместе со своими племянником и сыном.

Возраст учеников был самый разный: учились даже женатые мужчины, наравне с семи- и восьмилетними детьми. Уровень подготовки учеников также различался — одни могли более или менее уверенно читать классиков таджикско-персидской литературы, другие, например я, даже не знали букв. Помещения у школы не было, и мы начали заниматься в старом пустующем и мало пригодном для уроков доме, принадлежавшем Саид-Куддусту Мансурову, грамотному и прогрессивному по своим взглядам человеку. В прошлом он был одним из активных сторонников скорейшего присоединения края к России, а позднее стал ответственным работником.

Нашего первого учителя, мулло Назар-бека, мы обычно называли охуном. Он был родом из Поршнева и для своего времени был весьма образованным человеком, но со сколько-нибудь современной методикой преподавания знаком не был. Учеба наша проходила без всякой системы. При чтении букваря мы хором громко повторяли урок. Если что-то было непонятно, каждый из нас со своим букварем подходил к учителю и спрашивал. Результат у такого преподавания был один: днем в школе мы изучали арабские буквы, а к вечеру, возвратившись домой, уже забывали их.

Мебели в школе не было, о столах и стульях мы не имели понятия. Ученики сидели на полу, поджав ноги, многие приносили свои паласы и кошмы. Доски не было, мы писали, держа бумагу на коле-

нях. Из школьных принадлежностей нам дали по одной тетради и одному карандашу, а также по букварю на арабской графике, называвшемуся "Мутафоуль талим". Поскольку уровень подготовки и возрастной состав учащихся был неодинаков, то почти все, за исключением малышей, занимались по более солидным книгам, а некоторые специально снимали с них копии, обучаясь каллиграфии. Одни ученики, в том числе я, писали обыкновенным простым карандашом, другие приносили с собой тростниковую ручку. Не все могли приобрести такие ручки, так как их можно было купить лишь у бадахшанских купцов в Хороге. Однажды я потерял свой карандаш и долго плакал, потом наш учитель дал мне новый, но строго предупредил, чтобы я больше не терял его.

Со временем многие ученики оставляли школу, продолжали учебу лишь самые упорные. Среди тех, с кем мне довелось учиться, был Мирсаид Миршакар, племянник муаллима Саид-Кудуста Мансурова. Позднее Миршакар стал народным поэтом Таджикистана и лауреатом Государственной премии. Он гораздо раньше меня овладел грамотой и обычно упражнялся в правописании арабских слов. Он мало играл со сверстниками, предпочитая читать. Когда начался прием в комсомол, то Миршакара приняли, а меня нет — я был еще слишком молод.

В начальной школе я проучился с 1923 по 1926 год. Специального школьного здания по-прежнему не было и каждый год помещение для учебы менялось. Зимой мы занимались в одном из старых домов, то у Саид-Куддуста, то у Сокибека, с наступлением весны — чаще всего во дворе, в тени под деревьями. Мы приносили с собой лепешки и во время перемены ели их всухомятку. Нередко Памирский пограничный отряд выделял нам рис, муку, даже мясо, и учеников кормили бесплатно.

Занятия велись без всякого расписания. Никакой дисциплины ученики не соблюдали, на занятия можно было являться или не являться по собственному желанию. С наступлением весны из-за полевых работ многие опаздывали или пропускали уроки. Каникулы фактически наступали в конце мая и тянулись до конца сентября, что объяснялось прежде всего занятостью подростков на сельскохозяйственных работах. Учитель один-два раза в год мобилизовывал нас на обработку своего участка. Особого контроля за ходом учебы вышестоящие инстанции не вели.

Раз в неделю из Хорога приезжал почтальон Шокамол, который привозил газеты и журналы. Его приезд всегда вызывал у нас особую радость. Учитель читал газеты и журналы и иногда рассказывал нам их содержание. Затем эти газеты снова складывали в хурджумы и почтальон вез их дальше, в Рушан. Из Хорога к нам часто приезжали представители Памирского пограничного отряда. Они читали лекции, чаще всего о положении в стране. Русского языка тогда мы еще не знали, переводчиком в таких случаях был Саид-Куддуст.

Наша школа казалась жителям Поршнева чуть ли не университетом, они часто приходили посмотреть, как мы учимся. Но из-за плохой методики преподавания мы успевали за лето позабыть почти все, что изучали в "университете" зимой. К тому же наш учитель больше обращал внимание на правописание отдельных арабских букв, чем на содержание текстов, поэтому порой целые дни были заняты каллиграфией. Учеба мне давалась легко. Однажды из Хорога приехал проверять наши знания Мараматшо Зинатшоев, работник облоно. Почти никто из учеников не сумел дать ответ на его многочисленные вопросы, удалось только мне. В награду он обещал купить мне рубашку, но так и не купил. Признаться, я долго еще ждал обещанного.

По мере того, как я подрастал, мои родственники все больше настаивали, чтобы я помогал им в работе. Как утром, до ухода в школу, так и после возвращения, я должен был заниматься по хозяйству: пригнать скот к очередному пастуху (односельчане пасли скот по очереди), а после школы — забрать скот. Но все равно я часто слышал упреки, что мало помогаю в домашних делах. Сначала это были лишь намеки, но постепенно все, особенно снохи моей тети, начали открыто упрекать меня. Конечно, хозяйство было большое и управляться с ним, особенно во время сезонных работ, было нелегко.

Вообще в сельской местности дети, начиная лет с семи, уже принимали посильное участие как в домашнем хозяйстве, так и в работах в поле. Еще до поступления в школу я регулярно пас скот. Обычно к середине дня меня клонило ко сну. Если я засыпал, мои коровы разбегались по чужим посевам и учиняли потраву. Сельский староста их забирал и штрафовал хозяина. Проснувшись, я в слезах приходил домой, а кто-то из старших должен был сделать приношение старосте, чтобы тот вернул коров. Теперь же, став школьником, я считался совершенно взрослым, с меня и требовали как со взрослого, не считаясь с тем, что я учусь. Времени на уроки уже не оставалось, мне нередко приходилось пропускать занятия. К сожалению, в те

времена многим детям не удавалось закончить образование — желание учиться было большое, а возможности у сельских подростков, особенно таких сирот как я, отсутствовали.

Я уже говорил, что учитель в нашей школе был весьма слаб как педагог. У меня был единственный букварь, другие учебники отсутствовали. Условий для самообразования в кишлаке не было и быть не могло. Но даже такая, по нынешним понятиям примитивная, учеба все же помогла нам осмыслить значение нового общества, в котором мы, подростки, начали жить. Мы начали понимать суть нового советского строя. Образ Ленина стал нам близок, мы оценили его величие и важность усилий новой власти по оказанию помощи угнетенным в прошлом народам.

При всех ее недостатках, советская школа во многом превосходила старую дореволюционную школу, где преподавали муллы. Но население не всегда понимало значение и задачи новой школы. Однажды весной 1924 года я решил навестить своих брата и сестру в Сохчарве. По пути мне встретились памирские таджики с левого берега Пянджа, мы разговорились. Их поразило то, что я учусь по книжке, в которой ни слова не говорится о религии. Один из них долго размышлял над этим, по его мнению бесполезным, делом и наконец сказал, что в советской школе учат детей для того, чтобы они могли быстро отвечать на любые вопросы.

В кишлаке народ жил по-прежнему бедно, особенно те, у кого не было своей земли. Очень трудно приходилось зимой, когда наступали сильные холода, а топливо было не у всех, по весне люди нередко голодали. Пограничный отряд оказывал помощь , однако обеспечить всех было невозможно. Но жизнь менялась. В Поршневе становилось все больше и больше грамотных людей, молодежь училась не только в Хороге, но и в Ташкенте. В Поршневе мы, школьники, помимо букварей, карандашей, тетрадей, газет и т.п. впервые увидели керосиновые лампы. Ведь на Памире, да и в Таджикистане, и вообще в Средней Азии, до установления Советской власти народ понятия не имел о керосиновой лампе. Теперь, в начале 20-х годов она постепенно входила в быт. А весной 1926 г. мне даже удалось увидеть трактор, видимо американского происхождения. На тракторе пахали ранее не поддававшиеся обработке заброшенные земли.

Все эти новшества, постепенное улучшение жизни трудящихся Памира не остались незамеченными жителями соседних стран. Если память мне не изменяет, в 1924 г. на левобережье Пянджа вспыхнуло

крестьянское восстание под предводительством дехканина Махрама. Восстание было подавлено, и местное население, спасаясь от солдат, весной того же года буквально поголовно бежало через Пяндж на нашу сторону. Правда, спустя месяц или два они постепенно начали возвращаться на родину. Наиболее же активные участники восстания, в том числе и сам Махрам, приехали в Душанбе, где получили разрешение поселиться в Джиликуле. Быть может, ныне там живут их потомки или даже кто-то из них самих.

Летом я вместе с тетей отправлялся в горы на пастбище, где и жил до осени. Это было сопряжено с определенным риском. Я должен был пасти скот и охранять его от хищников, а между тем с наступлением осени горные барсы, не говоря уже о волках, спускались к самым пастбищам. Барс — безжалостный зверь, он может в один миг зарезать десяток баранов или коз. К моему счастью, встретиться с барсом или медведем мне не пришлось, но волки заставляли побеспокоиться. Однажды в сумерках неизвестно откуда перед стадом вдруг появились два громадных волка. Мои овцы и козы сбились в кучу и жалобно блеяли. Я и сам дрожал от страха, не мог даже кричать, да никто и не услышал бы моего крика — мы были слишком далеко от дома. К счастью, все обошлось.

Мне часто приходилось оставаться с кем-нибудь из старших сыновей моей тети на пастбище до наступления холодов. Жить в горах было тяжело, не хватало еды и одежды. Холодные осенние дни на горных пастбищах тихие и печальные, лишь изредка можно было слышать голоса горных орлов и куропаток, а иной раз и вой волков. Другие животные уже начинали постепенно спускаться в долину. В такие дни, отрезанный от внешнего мира, я особенно остро ощущал свое сиротство и часто плакал.

Все эти трудности мало огорчали бы меня, если бы я чувствовал благодарность родных. Но когда после долгого лета в горах я, немытый и оборванный, возвращался в кишлак, мои родственники, особенно жены моих двоюродных братьев, встречали меня довольно холодно, как чужого. Тетя моя все это понимала, но она с каждым днем старела и к тому же совсем оглохла, с ней вообще не считались. Я ничем не мог ответить на незаслуженные попреки, только иногда втихомолку плакал. Сиротская жизнь в чужом доме все сильнее тяготила меня.

Мои родственники мало заботились обо мне, их не интересовало, как я одет и обут. Только бедная моя тетя каждую осень собирала у

соседей шерсть самой разнообразной расцветки и на домашнем стан-
ке делала ткань, чтобы сшить из нее для меня халат. Другой одежды у
меня не было. В сильные холода муаллим Мансуров нередко не отпу-
скал меня домой, боясь, что по дороге я просто замерзну. Среди уче-
ников начальной школы в Поршневе я был одет хуже всех. Я взрос-
лел и воспринимал это все более болезненно, порою мне было
стыдно появляться на людях. Конечно, в те годы всем было тяжело,
все дети одевались скверно, от нужды страдал не один я. Но среди
моих сверстников я выглядел самым бедным и беспризорным.

Разумеется, я неизменно благодарен моим родственникам за то,
что в тяжелые минуты нашей жизни они приютили меня, моего брата
и сестер, не оставили нас на произвол судьбы. Я благодарен им всем,
особенно старшему сыну моей тети, который отдал меня наравне со
своими сыновьями в поршневскую школу. Однако отношение ко мне
становились все хуже. Мои двоюродные братья отделились и каждый
стал жить своим домом. Однажды весной, когда подошло время па-
хать, тот, в чьем доме я жил, заставил меня пойти к другому брату и
забрать у него его единственного быка, строго предупредив меня, что
если я не приведу быка, то могу домой не возвращаться. Мне при-
шлось упросить брата отдать быка, а ведь ему самому нужно было
пахать его маленькое поле.

Я уже начал понимать, что наша школа давала нам слишком мало
знаний, мы попусту тратили много времени на чистописание. Хотя
наш учитель, мулло Назар-бек неплохо разбирался в персидско-тад-
жикской классической литературе и считался прекрасным каллигра-
фом, он просто-напросто не умел преподавать, не мог научить нас хо-
рошо читать и писать. Тем не менее я надеялся продолжать даже
такую учебу и остался в Поршневе и после того, как мои повзрослев-
шие сестры вышли замуж, а брат вернулся в родной кишлак, где по-
селился у отца своей будущей жены.

С уходом моих брата и сестер отношение домашних ко мне стало
совсем плохим. С каждым днем все сильнее чувствовалось, что я
лишний человек в доме. Хотя я все больше работал по хозяйству, это
казалось моим родственникам далеко не достаточным. При этом, по-
сылая меня охранять урожай в поле или плодовые деревья, они не
считали нужным поинтересоваться, что я буду есть и где ночевать, не
говоря уже о том, во что я оденусь. Между тем одежда на мне была
хиленькая, полурваная, обувь совершенно развалилась, а в наших

местах сильные холода начинаются уже с сентября. Зачастую мне приходилось ютиться по ночам на гумне или в чужих домах.

Однажды ночью старшая сноха моей тети подняла меня и велела сходить на мельницу смолоть немного зерна. Мельницы были расположены в глухом ущелье, добраться туда в кромешную ночную тьму было непросто. К тому же по пути к мельницам стоял мазар, т.е. гробница местного святого. Идти мимо этого мазара одному, тем более ночью, было очень страшно. Но деваться было некуда и я, тринадцатилетний подросток, преодолев страх, сделал все, что было велено.

Помню, зимой 1925 г. в Поршнев из Хорога приехали советские представители, как я сейчас понимаю, в связи с выборами в местный Совет. Все они были хорошо одеты и приехали на сытых конях. Меня уговаривали обратиться к ним за помощью, но, хотя я страшно нуждался, гордость не позволила мне просить помощи.

Большое влияние на меня оказал комсомол. Принимать молодежь в комсомол постепенно стали и у нас в школе. Наши комсомольцы часто бывали в Хороге, где в пограничном отряде им показывали кинофильмы. Комсомольцы приходили в Поршнев, работали с подростками, вели борьбу против отживших традиций, несмотря на неодобрительное ворчание стариков. Все это помогло мне лучше осмыслить мою жизнь.

Тем временем положение мое становилось совершенно невыносимым, и в конце концов весной 1926 г. я бросил поршневскую школу и вернулся в родной кишлак Сохчарв, который покинул в возрасте семи лет. Здесь жили мои брат, сестра и много других родственников. Я был здесь своим. Население здесь, за редким исключением, было неграмотным. Чтобы составить какой-нибудь документ, сюда приходили грамотные люди, в основном из кишлака Хоса. Ни о какой школе тогда не было даже и разговора: не было помещения, не хватало учителей, учебных принадлежностей. Среди жителей кишлака я оказался единственным, кто мало-мальски знал грамоту, хотя написать, например, заявление или другую бумагу еще не умел. Кроме того, я уже мог немного говорить на таджикском языке. Дело в том, что все мы тогда разговаривали только на шугнанском языке (и он, и все местные языки письменности не имели). Языком межнационального общения служил таджикский, но им владели только более-менее грамотные люди. Мы, школьники, изучали таджикский язык в основном по книгам и разговорной практики не имели.

В Сохчарве я сильно тосковал по школе и друзьям. Родственники убедили нас с братом восстановить наш старый дом и советовали мне не думать больше о школе. Мы много работали, к тому же чуть ли не каждый житель Сохчарва приходил к нам и просил помочь — пасти скот, косить сено или делать что-нибудь еще. Я был воспитан в труде и не боялся никакой работы. Но я серьезно задумывался о своем будущем. Я понимал, что еще немного — и я растеряю даже те элементарные знания, которые успел приобрести. С другой стороны, я чувствовал себя уже достаточно взрослым и должен был работать, чтобы прокормить себя, сносно одеваться, обуваться и т.д.

3. Учеба в интернате

Наступила осень 1926 года. Мои ровесники в Поршневе снова начали учиться. Между тем по-прежнему не было никакой надежды, что в Сохчарве откроется школа. Я понял, что сам должен позаботиться о своей судьбе, а конкретно — найти способ продолжать учебу. Иначе я остался бы в стороне от всего нового и интересного, что с каждым днем все больше входило в жизнь даже самых дальних уголков Памира. Это коснулось и моего брата Джонбобо: несмотря на молодость, он отправился в Хорог работать на строительстве. Помню, он привез оттуда бязи, а сестра сшила мне штаны и рубашку. Но мне податься было некуда — и Душанбе, и Ташкент были слишком далеко.

И вот на этом перепутье мне и встретился один старик, имя которого к великому моему сожалению, я забыл. Старик был мастером-каменотесом и каждую осень приезжал из Поршнева в Сохчарв делать жернова для мельниц. Он знал моих родителей и дал мне замечательный совет, за который я благодарен ему по сию пору. Он сказал, что единственный выход для меня — поступить в интернат в Хороге, где, по его словам, детей не только учат, но и кормят, одевают и обувают. Его слова запали мне в душу, но я не знал, как попасть в Хорог и к кому там обратиться. Наконец я решился посоветоваться с сестрой. Она одобрила мои намерения. Я кое-как починил свою рваную обувь и с узелком, где лежала горсть ягод тутовника, покинул Сохчарв.

Наступила глубокая осень, по утрам и вечерам уже подмораживало. Первую ночь по пути я провел в Поршневе, у среднего сына своей тети, который, как и его жена, относились ко мне лучше других. Тетя тоже жила у них. Наутро я отправился дальше. Поршнев навсегда остался позади. Спустя много лет мне, конечно, случалось бывать в

Поршневе, но я никогда больше там не ночевал. Помню, когда я уходил из кишлака, мои ровесники с удивлением смотрели на меня, не очень понимая, куда и зачем я иду. Некоторые из них сочувствовали мне. Мне и самому было немного грустно, но надежда на лучшее будущее окрыляла меня. Дорога на Хорог была очень оживленной. Одни путники спешили попасть в город на праздники, другие шли в соседние кишлаки навестить своих родственников — после сбора урожая настало время отдыха.

Наконец я дошел до Хорога. Маленький городок, скорее поселок, показался мне большим городом и произвел на меня громадное впечатление. Здесь я впервые увидел двухэтажные дома и множество разных людей — жителей Кашгара, готовивших на базаре манты, таджиков из афганского Файзабада, продававших в своих ларьках индийские и английские товары, ошских узбеков и киргизов с Восточного Памира. На улицах было немало молодежи, жизнерадостной и, по сравнению со мной, хорошо одетой. В городе было несколько небольших магазинов, где продавались товары из центральных городов Средней Азии. Прямой дороги из Ферганской долины в Хорог тогда еще не было, товары доставляли в основном жители Восточного Туркестана, караванами, на верблюдах и ишаках. Я увидел множество вещей, о которых раньше вообще не имел представления. За покупками в город приезжали жители не только Советского Памира, но и соседнего Афганистана.

Хорог был не только административным, но и культурным центром Горно-Бадахшанской автономной области. Здесь располагались командование Памирского пограничного отряда, множество различных учреждений, имелись школы, в том числе и женская. Здесь жила наиболее образованная интеллигенция. Немало было русских — командиры, бойцы и служащие пограничного отряда, сотрудники областных учреждений. В те дни город интенсивно строился, сооружались новые, большие по местным меркам здания для разных учреждений, в том числе для больницы. На стройках работали местные жители, руководили ими русские специалисты.

В день моего прихода в Хороге праздновали годовщину Октябрьской революции, все жители города вышли на улицы. Было устроено козлодрание[2], и я весь день любовался этим зрелищем. Но наступил

---

[2] Козлодрание (тадж. бузкаши) — народная спортивная игра у таджиков и других народов Средней Азии, состоит в индивидуальной или командной борьбе всадников за тушу козла. — *Прим. ред.*

вечер и надо было думать о ночлеге. Мне встретились сохчарвцы, взявшие меня с собой в дом старика Хасана, сноха которого была родом из моего родного кишлака. На следующий день я снова пошел смотреть козлодрание и состязания местных борцов. В них участвовали жители не только правобережья, но и афганского Бадахшана. Словом, я снова посвятил весь день многочисленным увеселениям, но к вечеру опять не знал, куда мне идти. На этот раз я решил лучше провести ночь где-нибудь под открытым небом, чем просить о ночлеге незнакомых людей.

Я совсем уж было нашел подходящую лужайку, но тут ко мне подъехал на хорошем коне мужчина средних лет, державший в поводу запасную лошадь. Он долго смотрел на меня и я, почувствовав его участие ко мне, решился попросить о ночлеге. К моей радости, это оказался близкий родственник моей мамы, звали его Бахтдавлат. Видимо, он давно наблюдал за мной, но не подавал виду и ожидал, куда же я пойду. Он посадил меня на другую лошадь и велел следовать за ним. Если бы не он, я скорее всего остался бы ночевать на лужайке и наверняка сильно простудился бы. Имя Бахтдавлата я слышал от моего старшего брата Джонбобо, знал о его доброте и благородстве, но никогда его не видел. Человек он был состоятельный и хлебосольный, дом его всегда был полон гостей.

И сейчас я с благодарностью произношу имя этого человека. В его доме меня приняли очень хорошо, особенно его старик отец по имени Ширмамад, который с большим уважением отзывался о моей покойной матери. Я все-таки заболел, и обо мне заботились как о собственном сыне, делая все, чтобы я быстрее выздоровел. Через несколько дней мне стало лучше и я начал готовиться перейти в интернат. Впрочем, мои новообретенные родственники сказали, что если я не смогу туда поступить, то останусь жить у них.

Бахтдавлат повел меня к одному человеку, которого звали, если не ошибаюсь, Абдурахмон. Он и написал для меня заявление о приеме в интернат и рассказал, как его найти. И вот наконец я с волнением подошел к моему будущему дому. У дверей стоял русский человек в буденовке. Он спросил, что мне нужно, и вызвал директора интерната. Спустя некоторое время появился суровый худощавый, немного косоватый мужчина лет сорока. Это был муаллим Сулаймоншо. Он взял меня за руку и повел в интернат. Я сильно робел, к тому же был грязный, одежда моя уже изрядно истрепалась. Меня осмотрел врач, затем мне выдали комплект одежды и повели в баню в расположении

пограничного отряда. Я вымылся, оделся и в замечательном настроении вернулся в интернат.

В школе при хорогском интернате, помимо его воспитанников, учились и дети горожан. Постоянно в интернате жило около 40 детей. Учителей было двое — директор муаллим Сулаймоншо и Шофутур. Сулаймоншо тоже жил при интернате и к тому же выполнял обязанности завхоза. Шофутур только преподавал, а после уроков уходил домой. Он был очень образованным и интеллигентным человеком, и даже писал стихи, в которых прославлял новую жизнь на Памире. Об обоих моих первых настоящих учителях я сохранил самые теплые воспоминания. Некоторую нехватку знаний они восполняли тем, что вкладывали в наше воспитание буквально всю душу. К сожалению, после того, как я уехал с Памира (это было в 1928 г.), я надолго потерял с ними связь. Нам довелось встретиться только в 1953 г. Застал я их уже глубокими стариками. То, что я получил ученую степень, очень их порадовало — тогда кандидатов наук среди жителей Памира почти не было.

Здание интерната было построено еще до революции. В нем было три или четыре комнаты, в двух самых больших проходили занятия, одна поменьше служила спальней для воспитанников. У нас был свой повар и своя пекарня. Позднее интернату выделили еще одну комнату, где занимались более подготовленные дети. Здание освещалось электрическим светом, который я здесь увидел первый раз в жизни. Первый год я учился в общей группе, а позже был переведен в более сильную группу, где занимались почти все “приходящие” хорогские ребята.

Продовольствие интернат получал из пограничного отряда. Командование отряда осуществляло непосредственный контроль и постоянно интересовалось ходом нашей учебы. Со стороны облоно нас курировал его работник Абдулалишо Зинатшоев. Интернат считался самым крупным просветительным учреждением Хорога, я бы даже сказал, всего Западного Памира. Не было случая, чтобы кто-либо из числа приезжавших в Хорог ученых или ответственных работников не побывал у нас. Учащиеся хорогских школ и интерната оказывали посильную помощь государственным учреждениям — например мы часто записывали под диктовку тексты документов. Дело в том, что машинисток, печатающих на таджикском языке, еще не было и мы их таким образом заменяли. Очень часто помещение интерната использовалось для проведения общественных меропри-

тий. Зала для собраний в Хороге не было, пока в 1927 г. здесь не построили клуб.

Учебу в интернате, конечно, было не сравнить с поршневской школой. Прежде всего, гораздо больше было учебных пособий и других книг. Наркомат просвещения Таджикистана каждую осень присылал нам литературу. Очень часто привозили книги из Душанбе хорогские милиционеры. Нашим любимым поэтом тогда был Лахути. Выходя в город в праздничные дни или отправляясь на прогулку, мы всегда пели песни на его стихи.

Наиболее подготовленных и способных выпускников Хорогской школы-интерната направляли на учебу в Ташкент, Самарканд и Душанбе, а также в отдаленные районы области в качестве учителей начальных школ. Закончивших курс в Ташкенте и других городах, по возвращении, как правило, помимо педагогической работы, назначали на различные административные должности. Образованные люди были в сильном дефиците, поэтому учителями в особо отдаленных кишлаках нередко назначали наиболее грамотных представителей старшего поколения.

Основным центром подготовки кадров для Таджикистана в первые годы Советской власти был Ташкент, где находился Таджикский институт просвещения (Таджикинпрос) и многие другие высшие и средние учебные заведения, в том числе технические училища. Среди них выделялись Среднеазиатский коммунистический университет (САКУ) и Среднеазиатский государственный университет (САГУ). Но в последнем студентов не только с Памира, но и вообще из Таджикистана было мало, ввиду слабой подготовки местной молодежи. В Самарканде и Бухаре также было подготовлено немало работников культуры для Таджикистана. В Ташкенте на таджикском языке издавался журнал "Рохбари дониш" ("Путеводитель знания"), а в Самарканде выходила газета "Овози точик" ("Голос таджика"). Журналы и газеты, издаваемые в Ташкенте и Самарканде, уже в дни моей учебы в интернате, поступали к нам в Хорог, приходила также газета "Бедории точик" ("Пробуждение таджика"), издававшаяся в Душанбе.

На втором году обучения в интернате более грамотным ребятам преподавал муаллим Хусров Мусрифшоев, вернувшийся из Ташкента после трехлетней учебы в Таджикинпросе. Это был первый наш учитель, знакомый с новыми методами обучения. Учительствовал в интернате и муаллим Бошо Бандишоев, также закончивший Таджи-

кинпрос. Конечно, их подготовка была далека от совершенства, но на том этапе, в условиях Памира, они на голову превосходили других учителей своими знаниями.

Таджикский язык и некоторые другие дисциплины нам, старшеклассникам, преподавал учитель, не имевший специального образования. Однако за два года моего пребывания в интернате я хорошо освоил таджикский язык и уже свободно владел им. Но русский язык я тогда еще не знал, и только-только начал с трудом его понимать. Мы очень хотели изучать русский, но нам его не преподавали. Это была большая ошибка, и я до сих пор не могу понять, почему так получилось. В Хороге это можно было бы легко организовать, ведь здесь было много русских женщин, жен наших пограничников, которые могли быть учительницами.

В интернате был довольно строгий режим. Рано утром приходил директор Сулаймоншо и поднимал нас. После завтрака мы приступали к учебе. Около 10 часов вечера — отбой. Из старших ребят у нас было сформировано нечто вроде профкома, или общественного совета. По вечерам он обычно собирался для обсуждения наших насущных дел. Интернат имел небольшой участок земли, где мы выращивали помидоры, огурцы и капусту. Порядок у нас был строгий, нарушителям дисциплины давали "наряды вне очереди", например отправляли убирать школьный двор.

Летом воспитанники интерната, как правило, отправлялись в пионерский лагерь, чаще всего в долину Шахдары в кишлак Речист, обычно в сопровождении муаллима Сулаймоншо. В лагере мы совершали экскурсии по близлежащим кишлакам, занимались физкультурой. Каких-то других познавательных мероприятий не было, видимо, наш учитель ничего другого себе и не представлял. В лагерь к нам часто приезжали представители партийных органов и командования пограничных войск. Нередко нам присылали подарки, главным образом конфеты и печенье.

Все, кто учился в те дни в Хороге, с теплотой и благодарностью вспоминают своих первых учителей. Жизнь в Хороге вспоминается мне как один из лучших периодов моей жизни. Весной 1928 г. я вступил здесь в комсомол. Секретарем обкома комсомола был товарищ Ющак (позднее, в 1941 г., я встретил его в Москве, в Институте истории, где он выступал с докладом о международном положении). Дни были наполнены учебой, мое стремление узнать как можно больше наконец могло осуществиться. Однако в интернате, кроме таджик-

ского языка, начал математики, да элементарных сведений по естествознанию и географии, другие дисциплины практически не изучались, опять-таки из-за отсутствия подготовленных учителей. Но несмотря на недостатки преподавания, за два года учебы в Хороге я стал вполне грамотным человеком.

Теперь я часто помогал местным жителям составить тот или иной документ. Помню, в то время тем, кто осваивал пустоши, выдавались денежные кредиты, и крестьяне часто обращались ко мне с просьбами написать заявление о выделении им средств на освоение нового участка земли. Больше всего таких земель было в долинах Гунта и Шахдары, и туда переселялись жители густонаселенных кишлаков Шугнана и Рушана.

Хорог в период моего пребывания в интернате менялся буквально на глазах. Люди стали гораздо лучше одеваться, магазины наполнялись всевозможными промышленными товарами, в том числе сельскохозяйственным инвентарем. По воскресеньям в городе был базар, куда привозили на продажу товары, главным образом свежие фрукты, причем не только с нашего, но и с левого берега Пянджа. Наши пограничники также поддерживали хорошие отношения со своими афганскими "коллегами", которые нередко приезжали в Хорог с дружескими визитами. К концу 20-х годов Хорог играл уже довольно важную роль в культурной жизни всего Западного Памира. Огромная заслуга в этом, несомненно, принадлежит русским, особенно из пограничного отряда, которые оказывали неоценимую помощь в культурном строительстве в области.

Помню, как весной 1928 г. в Хорог приезжал председатель ЦИК Таджикской АССР Нусратулло Максум. Из тех, кто сопровождал Максума, помню старейшего работника правительства Таджикистана Дейлями. Он заходил к нам в интернат и интересовался нашими делами. Максум и Дейлями перед отъездом устроили большое собрание в хорогском клубе, на котором отвечали на многочисленные вопросы местных жителей.

4. Отъезд в Ташкент

К лету 1928 г. учителя стали выделять меня среди других учащихся. Директор Сулаймоншо даже счел возможным передоверить мне и трем другим учащимся некоторые свои обязанности. Мне был поручен прием дров на зиму от местных жителей и выдача им соот-

ветствующих расписок. Кроме того, я охранял огород, чтобы не растаскивали овощи, особенно огурцы.

Между тем в августе 1928 г. в Хорог поступила разнарядка для отправки 15 человек на учебу в Ташкент и Самарканд. В этой группе остались две вакансии. Узнав об этом, я обратился к заведующему облоно товарищу Мансурову (дяде Миршакара), который хорошо помнил меня еще по поршневской школе и знал о моем желании учиться дальше. Сначала он мне отказал из-за моей молодости, но я просил снова и снова. Наконец он согласился отпустить меня на учебу в Ташкент, и даже разрешил сходить в Сохчарв попрощаться с братом и сестрой. И вот я, 16 лет от роду еду в Ташкент на учебу. Среди отъезжающих самыми младшими были я и Комбар Абдол Шабдолов. Нашим руководителем был товарищ Моисеев, до этого он работал по партийной линии в Хороге.

Добираться до Ташкента надо было через город Ош в Киргизии. Поскольку в то время дорогу из Хорога до Оша только начали строить, мы должны были верхом ехать в Ош через Мургаб (сейчас это райцентр на Восточном Памире). Облоно выделил средства, на которые в Хороге и соседних селениях нам наняли лошадей до Мургаба. Нам также выдали муку, чтобы родственники могли испечь нам лепешки на дорогу. В день отъезда проводить нас пришли многие жители Хорога. И до нас на учебу в Ташкент каждую осень отправлялась молодежь, но из уехавших мало кто возвращался.

Тогда путь от Хорога до Мургаба занимал около семи дней. По этой дороге стояли лишь отдельные пограничные заставы, людей в этих местах жило мало, редкие киргизские селения располагались в основном в боковых ущельях, где были хорошие пастбища. До самого Мургаба мы ехали почти в полном безлюдье. В Мургабе мы рассчитались с хозяевами лошадей и отправились посмотреть поселок. После “столичного” и оживленного Хорога Мургаб показался нам довольно мрачным, новых зданий здесь еще не было. Единственным более или менее заметным сооружением было здание пограничной заставы несколько выше Мургаба, построенное русским инженером Серебренниковым еще в конце прошлого столетия.

На месте нынешнего Мургаба стояло несколько глинобитных домишек, в которых жили рабочие из местных жителей и приезжие из Кашгара, которые чаще всего вели мелкую торговлю или были заняты в здешнем “общепите”. Готовили они в основном только манты. Еще здесь жило некоторое количество киргизов-скотоводов. Сели-

лись они в юртах, так как были еще в полном смысле слова кочевниками. Суровые климатические условия мало способствовали переселению в эти места, особенно из более благоприятных в природном отношении районов Западного Памира. Но строительство здесь уже началось, на заработки приезжали рабочие с Западного Памира.

Теперь возник вопрос, как добираться дальше. Нам повезло — в это время через Мургаб проходил торговый караван кашгарцев, возвращавшихся к себе на родину через Ош. Мы арендовали у них несколько ишаков и отправились с караваном. Путь от Мургаба до Оша был очень утомительным, приходилось преодолевать высокогорные перевалы и речки, порою с очень быстрым течением и ледяной водой. Населенных пунктов до самой границы с Киргизией практически не было и иной раз случалось ночевать буквально у дороги. Горячей пищи не варили и питались мы одним чаем с лепешками. Дорога от Мургаба до Оша заняла около семи дней, а всего, если считать от Хорога, то пятнадцать. За это время мы ни разу как следует не мылись, а те, у кого уже росла борода, и не брились. Для нас это было первое столь долгое и трудное путешествие, и от усталости мы просто валились с ног.

Однако мы не могли не заметить, что правительство постепенно обустраивает дорогу. По пути нам встречались бригады дорожных строителей, на обочинах уже были поставлены телеграфные столбы. Первым благоустроенным поселком на пути к Ошу была Гульча (сейчас районный центр в южной Киргизии). Здесь мы задержались на пару дней, чтобы наконец по-человечески отдохнуть. В Гульче жили таджики и узбеки, некоторые из них имели свои небольшие лавочки, торгующие всякой мелочью. Долина, которой мы ехали к Ошу, была очень красивой, а в придорожных селениях мы могли отдохнуть и поесть горячей пищи и фруктов.

Понравился нам и сам Ош. Город был красивый, хотя и состоял в основном из глинобитных домов. Европейских зданий там было очень мало, зато был громадный базар с изобилием фруктов и овощей. В Оше мы познакомились с земляками, переселившимися сюда в 80-е годы XIX в., в период вторжения на Западный Памир Абдурахман-хана. Переселенцы обжились тут и были довольны своей судьбой, хотя некоторые и признавались, что скучают по своим прежним очагам. Здесь мы неплохо отдохнули, по мере возможности привели себя в порядок и снова отправились в путь.

В Оше я впервые увидел автомобиль и велосипед, о которых до этого только читал в книжках, и узбекскую арбу на высоких колесах. Она показалась мне неуклюжей и очень неудобной. Еще больше меня поразило, что здешние женщины закрывали лицо чадрой. Я этого не понимал. У нас на Памире женщины не носят чадру, активно участвуют в жизни кишлака, на праздниках веселятся вместе с мужчинами. А здесь все женщины, кроме русских и маленьких девочек, ходили с закрытыми лицами. Потом я понял, что причиной такого контраста были различия между течениями исламской религии, которые исповедовали здесь и на Памире.

К Ошу железную дорогу еще не провели, и конечной тогда была небольшая станция Кара-Су. До нее мы добрались на грузовой машине. Пока мы ехали в Кара-Су, местные жители смотрели на нас не без любопытства и даже с некоторым удивлением. Все мы были загорелыми, многие из нас высокого роста, да и одеты мы были совсем иначе — не в халаты, а в штаны и рубахи или в чекмени (одежда типа халата, но иного покроя).

От Кара-Су до Ташкента мы добирались в переполненном общем вагоне около полутора суток. О Ферганской долине и ее городах я уже имел некоторое представление. Жители Памира, особенно западных районов, с давних пор торговали с Ферганой, а некоторые имели там родственников. Эти связи еще более укрепились после присоединения Ферганской долины к России. Крупнейшие города долины — Коканд, Андижан, Маргилан и другие стали главными центрами отходничества для жителей Памира, в основном Каратегина и Дарваза. Отходники работали на рудниках, шахтах, железной дороге. Особенно много отходников появилось в период освоения и развития хлопковых плантаций. Некоторые горцы с Памира переселялись в Ферганскую долину окончательно. Среди железнодорожных рабочих на станциях мы видели немало своих земляков.

Каждая станция, где останавливался поезд, производила на нас, особенно на меня, прямо-таки волшебное впечатление. Особенно запомнился мне Андижан, который мы проезжали поздним вечером. Из окна вагона город был прекрасно виден, он был хорошо освещен, в парке гуляли веселые и хорошо одетые люди. Среди публики было много русских. Пожалуй, именно в этот момент мы по-настоящему почувствовали, что едем в “большую жизнь”, о которой прежде только слышали либо читали в книгах.

Наконец поезд пришел в Ташкент. Прибыли мы в середине дня, были грязные, немытые, обросшие щетиной и в потрепанной одежде. До Таджикского института просвещения, главной кузницы кадров для Таджикистана, мы добирались на трамвае. Наше появление в трамвайном вагоне произвело на многих пассажиров, особенно на русских, такое впечатление, как если бы мы свалились с луны. Жители Памира в те времена были редкими гостями в Ташкенте, в основном они оседали в городах Ферганской долины.

Ташкент был крупнейшим научным и образовательным центром Средней Азии. Среди ташкентских вузов особое место занимали Среднеазиатский коммунистический университет и Среднеазиатский государственный университет. Первый готовил партийных работников, второй — специалистов в области естественных наук, экономики, сельского хозяйства, горного дела и других отраслей. Оба университета были образованы по личному указанию В.И. Ленина, по его инициативе сюда были направлены крупные ученые из Москвы, Петрограда и других городов.

Кроме названных, в Ташкенте были созданы и другие высшие учебные заведения, причем особое значение приобретали те, которые готовили кадры для хлопководства, мелиорации и освоения новых земель. Так, в Среднеазиатском государственном университете был создан факультет сельского хозяйства и орошения. С целью ускорения подготовки специалистов учеба в некоторых вузах продолжалась только три года. Кроме высших учебных заведений, в Ташкенте имелось множество средних технических училищ — ирригационных, мелиоративных и других.

Создание Таджикского института просвещения именно в Ташкенте было обусловлено прежде всего наличием квалифицированных преподавателей. Душанбе в этом отношении уступал Ташкенту, здесь только начинали организовывать училища, главным образом педагогические, и различные краткосрочные курсы. Многие из тех, кто оканчивал такие курсы, затем поступали в высшие учебные заведения Ташкента.

Таджикский институт просвещения был организован в 1924 г. и считался крупнейшим учебным заведением Таджикистана. Институт готовил кадры для Таджикской Автономной Советской Социалистической республики, которая была образована также в 1924 г. и вплоть до 1929 г. входила в состав Узбекской ССР. Фактически институт давал среднее образование. Выпускники Таджикинпроса направлялись

в основном на педагогическую работу, хотя очень многие работали, например, в издательствах и на административных должностях. Роль и значение института с каждым годом все возрастали, особенно после создания Таджикской ССР и увеличения в связи с этим потребности в кадрах для народного хозяйства и культуры.

Нас распределили в разные учебные заведения. Вместе с двумя-тремя товарищами я попал в Таджикинпрос. Первым, кого я здесь встретил, был мой земляк из Поршнева Мастибек Тошмухаммедов, который приехал сюда еще в 1925 г. и уже заканчивал институт. Он обрадовался мне, тут же повел в баню, а затем помог купить одежду. Это было кстати, потому что пришлось ждать еще месяц, пока наш завхоз, если не ошибаюсь Арзуманов, выдал мне полагающееся обмундирование.

В Таджикинпросе мы, по сути, впервые встретились с профессиональными преподавателями. Я познакомился с первым из моих будущих учителей — Маноф-зода. По учебникам, написанным им, мы учились еще в Хороге. Для определения уровня наших знаний был устроен экзамен, прежде всего по таджикскому языку. Меня определили на первый курс группы "Б". Мой почерк очень понравился моим новым учителям, ведь я научился красиво писать арабской графикой еще в Хороге. Маноф-зода был прекрасным человеком. Он встретил нас как отец и старался помочь нам скорее привыкнуть и освоиться в незнакомом городе.

Из других учителей мне особенно запомнились преподаватели математики Панкратов и географии Маджи. Маджи долгое время работал секретарем посольства в Кабуле и, помимо фарси и пушту, великолепно знал арабский язык. Заместителем директора института по научной части был И.М. Краснобаев, родом из Ленинграда. Позднее он стал профессором Ташкентского университета. Были и другие хорошие преподаватели: биологии и естественных наук — Абасов, общественных наук — Бахрами, физкультуры — Змиевский и другие. Наши педагоги быстро сориентировали нас на правильное и быстрое усвоение знаний. За короткий период многие из новых студентов добились успехов в таджикском языке и литературе и в других дисциплинах. Учебный корпус, в котором проходили занятия, был совсем новый, с прекрасными кабинетами и оборудованием. Вся атмосфера института с самого начала заставляла нас учиться не жалея сил.

К нашему приезду в Таджикинпросе училось много таджикской молодежи со всех концов Таджикистана и из Узбекистана. Из стен

института вышли такие замечательные люди, как поэт Мирзо Турсун-заде, писатель Сатым Улуг-зода и еще целый ряд ученых и писателей. Здесь, начиная с 1924 г., училась и молодежь с Памира, многих из них я знал раньше. В моей памяти сохранились имена Тошмухамедова, Сафармамада Амдинова, Мулло Иркаева, Алиназарова. Увы, многих из моих товарищей по институту уже давно нет в живых.

В институт очень часто приезжали руководители Таджикистана, а также известные востоковеды, писатели, поэты, такие как С. Айни, А. Лахути и другие. Перед нами также выступали квалифицированные лекторы по международным вопросам, обычно из числа преподавателей САКУ и САГУ, иногда из Москвы. Выступить у нас приглашали также сотрудников находившихся в Ташкенте консульств Ирана, Афганистана и Китая.

В небольшом актовом зале Таджикинпроса собиралось на свои заседания Общество для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами. Членами Общества, созданного еще в 1925 г. по инициативе русских ученых и правительства Таджикистана, были такие выдающиеся востоковеды, как А.А. Семенов, М.С. Андреев, А.Э. Шмидт, географ Н.Л. Корженевский и другие. Участие в его работе принимал академик В.В. Бартольд. Общество активно включилось в комплексное изучение Таджикистана. На его заседаниях заслушивались доклады и сообщения, освещающие ход культурного строительства в Таджикистане. Из членов Общества в институте преподавали М.С. Андреев и А.А. Семенов.

В октябре 1928 г. в Таджикинпросе был организован студенческий кружок, который должен был стать филиалом Общества, привлекать студентов и преподавателей к краеведческой и научной работе. В те дни я только начал немного понимать русский язык и вообще весьма туманно представлял себе задачи самого Общества, но тем не менее решил записаться в кружок. Спустя много лет я был приятно удивлен, увидев упоминание моей скромной персоны в работе Е.С. Шагалова об истории Общества[3].

В те годы довольно бурно обсуждалась реформа алфавита таджикского языка — переход с арабской графики на латинскую. В этой дискуссии участвовали упомянутые мной ученые, а также преподаватели института О.А. Сухарова, Е.М. Пещерева и другие. Переход на латинский алфавит был вызван необходимостью ликвидации

---

3 *Шагалов Е.С.* Первое научное общество Таджикистана (Общество для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами). — Душанбе, 1966. — С. 23.

сплошной неграмотности в республике. Позднее, в 1940 г. таджикский язык перешел уже на кириллицу, но своевременная замена арабской графики способствовала быстрейшей ликвидации неграмотности населения не только в Таджикистане, но и в Средней Азии в целом, в Казахстане и Азербайджане.

Несмотря на культурно-бытовые различия, обусловленные изолированностью отдельных, особенно горных районов, студенты из разных местностей жили между собой дружно, во всем помогали друг другу. Нас сближала общая цель — как можно скорее преодолеть вековую отсталость нашего народа. Таджикинпрос был и своего рода клубом для всех таджикских студентов, учившихся в Ташкенте. В институте ставились спектакли силами самих студентов или с участием артистов из ташкентских театров. Часто проходили бурные общестуденческие и комсомольские собрания по самым различным вопросам, в частности по антирелигиозной пропаганде. Вспоминается, как мы устраивали ночные факельные шествия по Ташкенту.

Классовая борьба в стране и борьба за ликвидацию пережитков прошлого не могли оставить в стороне и студентов. Я хорошо помню, как женщины-узбечки и таджички в старом городе Ташкента по ночам собирались на демонстрации и бросали в огонь свои паранджи. Бывало, что на этой почве мужчины убивали своих жен. Помню в 1928 г., в день празднования 8 Марта, на окраине Ташкента бандитами была убита молодая женщина-активистка. В знак протеста и негодования ташкентская молодежь провела массовую демонстрацию, в которой участвовали и мы, студенты Таджикинпроса.

В самом институте количество студентов из Таджикистана с каждым годом росло, увеличивалось и число девушек-студенток. Кроме того, при Таджикинпросе действовали одногодичные учительские курсы, выпускники которых направлялись в ликбезы во все районы республики. В целом Таджикинпрос сыграл поистине великую роль в осуществлении культурной революции в Таджикистане. Огромная заслуга в этом принадлежит нашим институтским ученым и преподавателям, которые не только дали нам знания, но и привили нам принципы интернационализма и братства.

Ташкент тогда являлся и издательским центром, здесь выходила учебная литература и издавался журнал “Рохбари дониш”, который я читал еще в Хороге. Он был, если не ошибаюсь, единственным журналом, который публиковал произведения писателей и поэтов того времени. Некоторые студенты старших курсов, например Турсун-за-

де, Улуг-зода и другие тоже печатались в этом журнале. Очерки и статьи, напечатанные в "Рохбари дониш", были порою наивными, содержали не так много научных сведений, но мы читали их с интересом и с нетерпением ожидали выхода очередного номера. К нам также поступали издаваемая в Самарканде газета "Овози точик" и журнал "Шулаи инкилоб" ("Пламя революции"). Немало статей и очерков в них принадлежало перу Айни и Лахути. Как я уже говорил, оба они часто приезжали и выступали перед студентами Таджикинпроса. Мы любили их и каждый их приезд был для нас настоящим праздником, каждое их выступление принималось "на ура".

К сожалению, мне не пришлось доучиться в этом замечательном учебном заведении. Летом 1930 г. (я был на втором курсе) нас на время каникул направили в Душанбе в качестве учителей ликбезов. Оттуда меня послали в райцентр Ромит. Я пробыл там около двух недель, но никто из местных жителей на занятия так и не пришел. Тогда я присоединился к группе студентов, занимавшихся сбором хозналога по кишлакам. Вспоминаю один забавный факт. Из Ромита в кишлак приехал лектор, выступил перед крестьянами с лекцией, после чего ему задали вопрос "Что такое социализм?", так как он часто употреблял этот термин. Вдруг я услышал, что слушатели зовут меня — оказывается, горе-пропагандист не мог объяснить смысл этого слова. Я объяснил, чем выручил этого незадачливого лектора.

Я уже возвращался из Ромита в Ташкент, однако по пути меня встретила Казакевич, ответственный работник ЦК комсомола республики. По путевке комсомола я был направлен в Рохаты, кишлак близ Душанбе, на хлебозаготовки. Лишь к концу августа 1930 г. я вернулся в Ташкент, чтобы продолжить учебу. Фактически я только начал учиться по-настоящему. Но взяться за книги всерьез мне пока не удалось. С образованием Таджикской ССР острее, чем прежде, встала задача ликвидации неграмотности. Только северные районы, прилегающие к Ходженту, в предреволюционный период достигли определенного прогресса в области экономики и культуры, а юго-восточные районы оставались типичными отсталыми национальными окраинами. Республика нуждалась в кадрах, поэтому в декабре 1930 г. наиболее подготовленных комсомольцев, в том числе и меня, мобилизовали и снова отправили в Таджикистан работать в ликбезах. Это означало, что учебу придется пока оставить.

Глава II
УЧЕБА, РАБОТА, НАУКА

5. Работа в Таджикистане

Под новый, 1931-й, год мы прибыли в Душанбе. Столица Таджикистана в то время только начала строиться, железнодорожная станция стояла, можно сказать, в чистом поле. Вплоть до 30-х годов Душанбе имел вид обыкновенного кишлака с кривыми улочками и глинобитными домами. Зимой улицы были труднопроходимы из-за грязи, летом из-за пыли. По ночам город погружался во тьму, единственной дизельной электростанции (она находилась около нынешнего зеленого базара) было явно недостаточно. Автомобилей почти не было, пользовалось гужевым транспортом, который держали в основном осетины. От станции до города мы добирались на бричке.

Чуть ли не единственным современным зданием в городе был Дом офицеров, где проводились почти все городские и республиканские мероприятия. Из дореволюционных зданий сохранилась небольшая больница, построенная в 1911 г. эмиром бухарским. После образования сначала автономной (1924), а затем союзной республики (1929) в Душанбе работали многочисленные правительственные учреждения. Но и они, не говоря уже о жилых домах, не имели электричества и освещались керосиновыми лампами. Однако люди трудились не жалея сил. Огромную работу по развитию города и всей республики вынесли на своих плечах русские товарищи.

Для нас самым главным "начальством" были, конечно, ЦК комсомола республики и Наркомат просвещения. И там и там работала в основном молодежь. Наркомом просвещения тогда был Ниссор Мухаммед, человек неплохой, но весьма вспыльчивый. Мы же имели дело в основном с отделом кадров, которым в то время руководил Юсуфи. Нас направили в самые отдаленные районы республики. Мне достался Бальджувонский район Кулябского округа. Этот район

только что был выделен из состава Кизыл-Мазарского (затем Советского) района.

Район был самым захудалым в Таджикистане, хотя до революции Бальджувон был центром небольшого бекства Бухарского эмирата. Резиденция бека располагалась на холме, ее развалины существуют по сей день. В истории Таджикистана Бальджувон известен тем, что был центром крупнейшего крестьянского восстания во главе с Восе. Хотя герои этого восстания погибли, их имена тогда еще были живы в памяти народа. От участников восстания, которые жили в кишлаке Ишколь-дара, я узнал, как эмирские сарбозы захватили Восе в плен, заковали в цепи и отправили в Бухару. В 1916 г. в Бальджувоне произошло еще одно крестьянское восстание. В годы борьбы за установление Советской власти здесь довольно долго разбойничали банды басмачей. Недалеко от Бальджувона, в горном кишлаке Зувал, в бою с отрядом Красной Армии нашел свой конец глава басмачей Энвер-паша.

Добрался я до Бальджувона с большим трудом. На машине, шедшей в Куляб, я доехал до Кангурта, где пришлось долго ждать оказии. Места эти были для меня абсолютно незнакомыми, о них я знал только понаслышке. В Кангурте я просидел целый день, пока не нашелся один старик, который проводил меня до Бальджувона, довольно большого кишлака. Если даже Душанбе выглядел не слишком презентабельно, то что говорить о Бальджувоне. Государственные учреждения ничем не отличались от дехканских жилищ, располагались они в таких же глинобитных домах.

В Бальджувоне я нашел заведующего районо, местного уроженца, по имени Назри Набиев. Он принял меня хорошо, но "обрадовал" тем, что жить мне пока негде. Ночевать пришлось в канцелярии районо. Купив в магазине несколько одеял, я попытался как-то устроиться в неуютном и насквозь продуваемом помещении. Здесь я жил и дальше. Зима 1930 – 1931 годов была очень холодная, а условия абсолютно спартанские — спал я на полу. К тому же в Бальджувоне не было ничего похожего на столовую, весь "общепит" состоял из одной небольшой чайханы. Но мне было не привыкать.

Должность моя называлась "инструктор районо". Кроме меня, в районо были еще заведующий и завхоз, и никаких других штатных единиц. Завхоз по имени Карими в прошлом служил секретарем у бальджувонского бека, но работал честно. Через несколько дней Набиева перевели от нас в Муминабадский район (ныне Ленинградский

район Кулябской области) на должность заведующего районо. На его место назначили товарища Абдулхаева, тоже из Бальджувона, человека весьма достойного, хотя и малограмотного.

Секретарем райкома партии был товарищ Саттори, тоже не имевший образования, но хороший организатор и заботливый человек. В 1931 г. его сменил Виртиозов, грамотный и толковый работник. Председателем райисполкома в то время был Шагобутдин Таиров, в прошлом активный борец за Советскую власть в Бальджувоне и в Кулябском вилояте в целом. Таиров был самым популярным человеком в Бальджувоне и пользовался большим авторитетом во всей республике. Вот что пишет об этом замечательном человеке М.С.Топильский: "Шагобутдин Таиров с первых дней революции был известен в Кулябском вилояте, и больше всего в Бальджувонском районе, как активный борец за Советскую власть, защитник бедноты и мирного дехканства. Таиров сам был выходцем из бедной семьи, хорошо понимал нужды простых людей. Все бойцы его отряда были бедняками, ненавидящими басмачей и их пособников"[4]. Басмаческие банды долго охотились за ним. Как я потом узнал, басмачи украли его жену.

Среди административных работников района можно было встретить и бывших чиновников Бухарского эмирата. Они были грамотнее многих новых руководителей, но их роль в проведении мероприятий Советской власти была пассивной. Местный актив был немногочислен, состоял он в том числе из русских товарищей, активных участников борьбы с басмачеством. Правда, к нам часто приезжали представители Советской власти для сплочения трудящихся вокруг Советов и привлечения молодежи в школу.

"Культурным центром" Бальджувона была та же чайхана, куда мы обычно заходили днем вместе с товарищем Саттори. Там мы читали газеты посетителям. По вечерам чайхана не работала — не было света. Какие-либо просветительные мероприятия не проводились. Правда, в январе или феврале 1931 г. в Бальджувон приезжала агитационная группа, организовавшая "День просвещения". В группе мне запомнилась студентка Московского пединститута. Надо сказать, что работа в глухих кишлаках требовала тогда от русской женщины немалой смелости.

---

4 *Топильский М.С.* Ранние зори Таджикистана (1924 – 1931): Воспоминания. — Москва, 1968. — С. 97.

Мне, молодому человеку, не имевшему даже законченного сред-
него образования, эта первая в жизни практическая работа давалась
трудно, а учиться было особенно не у кого. Всего в моем районе на-
считывалась в тот период 31 школа. В райцентре была только одна,
остальные были разбросаны по отдаленным кишлакам. Подготовка у
многих учителей оставляла желать много лучшего, некоторые и во-
все были самоучками. Только несколько учителей-иранцев получили
хоть какое-то образование. Большинство школ не имело специальных
зданий, занятия велись в старых пустующих домах. Учебников и на-
глядных пособий не хватало, как и тетрадей, карандашей и прочего.

В тогдашних условиях работу по ликвидации неграмотности
можно назвать в полном смысле титанической. Живучесть вековых
обычаев сильно мешала привлечению подростков, особенно девo-
чек, в школы. Взрослые еще меньше стремились научиться грамоте,
мужья не разрешали женам посещать ликбезы. Родители уверяли,
что не могут отправить своих детей в школу из-за бедности и невоз-
можности купить хорошую одежду. Вековая отсталость и сильное
влияние религии мешали простым людям осознать необходимость
образования для себя и своих детей. К тому же не хватало учителей, а
те, что были, испытывали большие трудности, в том числе материа-
льные, и часто бросали работу, говоря, что лучше быть завмагом, чем
учителем. Местная власть во главе с райкомом партии, в полной мере
осознавая положение, оказывала огромную помощь, и в итоге дело
сдвинулось с мертвой точки. Учителям ежеквартально выделялось
по три пуда пшеницы, а девочкам-ученицам выдавали галоши и от-
рез ткани на платье. Чтобы привлечь женщин в ликбез, я письменно
благодарил мужей, которые разрешали своим женам учиться.

По долгу службы я часто бывал у учителей и очень хорошо знал
их нужды и заботы. “На огонек” собирались и местные жители — за
чашкой зеленого чая порасспросить приезжего человека и рассказать
о своей жизни. Многие их рассказы живы в моей памяти и по сей
день. Учителя в целом добросовестно относились к своим обязанно-
стям, но бывало, что и пропускали уроки, уйдя в гости, на свадьбу
или на семейный праздник. Однажды вдруг пропал учитель-иранец
по имени Джермен. Его долго искали и нашли только с помощью ми-
лиции. Оказалось, он бросил школу и семью и уехал в Сары-Хосор, в
кишлак Шайдан, к женщине, в которую был влюблен. Он отсидел в
“кутузке” несколько дней и был снова направлен в школу. Такие слу-

чан прощалось нашим учителям, отчасти из-за их молодости, отчасти потому, что кроме них работать было некому.

Весной 1931 г. обстановка на юге Таджикистана, в том числе и в Бальджувонском районе, была неспокойной. Басмаческая банда во главе с известным курбаши Ибрагим-беком, от рук которого погибли сотни людей, переправилась на территорию Советского Таджикистана. Несколько работников Советской власти были убиты бандитами. Появление банды встревожило население. Люди только и говорили о басмачах, многие боялись, ведь приход банды означал новое разорение и уничтожение всего того, что было создано Советской властью.

В этот период в республике уже полным ходом шло социалистическое строительство. Трудящиеся Таджикистана, при поддержке великого русского народа и других братских народов, достигли на этом пути немалых успехов: появилась промышленность, началась коллективизация сельского хозяйства. Исключительное значение имел Вахшстрой — строительство Вахшского оросительного канала, поскольку освоение безводной пустыни было неотложной задачей. В ходе преобразований возникла необходимость переселить в долины часть населения высокогорных районов, в том числе и Бальджувонского. Это была нелегкая задача. Жители даже самых далеких кишлаков не так легко соглашались покинуть привычные места, в которых жили испокон веку. Все работники района активно включились в эту важную работу.

Все это происходило в условиях острой классовой борьбы. Весной 1931 г. после перехода Ибрагим-бека на территорию Таджикистана басмаческое движение подняло голову. Банды терроризировали население, жестоко расправлялись с представителями Советской власти и активистами, с каждым днем расширяя сферу своей враждебной деятельности. Республиканские и районные власти, в свою очередь, активизировали борьбу с басмачеством и работу среди населения. Советские работники и сотрудники НКВД выезжали на ликвидацию очагов басмачества. Помимо мобилизации активистов районного центра, создавались отряды "краснопалочников" (крестьян-добровольцев), которые весьма успешно сражались с бандами.

Мне, как и всем в те дни, было очень тревожно, но я продолжал объезжать район, навещая своих учителей. Я слышал немало рассказов о бесчинствах басмаческих банд, но чувствовал себя относительно спокойно — местные жители старались оберегать меня от опасности. Вспоминаю, как я возвращался в Бальджувон из кишлака,

Российская Государственная библиотека 1999

расположенного недалеко от крупного селения Диктур. В дороге меня застала ночь, и мне пришлось остаться на ночлег в доме одного из крестьян кишлака Акбулак. После чаепития, на которое собралось немало соседей, хозяин взял мою постель и повел меня в какой-то овраг. Там он сидел со мной, пока я не заснул. С восходом солнца он разбудил меня, напоил чаем, привел мою лошадь, и я продолжил путь. Оказалось, крестьяне опасались, что я могу стать жертвой басмачей — по ночам банды нападали на кишлаки и убивали активистов.

У меня свежи в памяти события 1931 года, когда герой таджикского народа Мукум Султан захватил Ибрагим-бека. А ведь Ибрагим-бек был до того уверен в своем успехе, что заранее переправил на советскую территорию свою семью. В газетах сообщалось, что после захвата басмаческого главаря в Душанбе собрался большой митинг, народ просил показать им этого бандита. В разгроме банд огромную роль сыграли войска Красной Армии.

Я и мои товарищи работали без сна и отдыха. Главным моим делом во время моего пребывания в Бальджувоне было не только привлечение детей в школы, но и разъяснение сущности басмачества и мобилизация дехкан, особенно молодежи, на борьбу против банд. Чтобы было проще установить контакт с простыми людьми, я даже одевался в халат и чалму. Я также нередко замещал секретаря райкома комсомола и часто выполнял обязанности переводчика для крестьян, хотя сам еще слабо владел русским языком. Когда мне исполнилось восемнадцать лет, я подал заявление в партию и был принят кандидатом в члены ВКП(б). Рекомендацию мне дали старые коммунисты из числа русских товарищей, которые остались работать здесь после гражданской войны.

С началом летних каникул 1931 г. я отправил своих подопечных учителей на курсы переподготовки. Такие курсы чаще всего организовывались в Душанбе либо в окружных центрах, но в том году они были открыты в Ховалинге. Преподаватели на курсы приезжали обычно из Душанбе. В том году это были С.Арзуманов, А.Бухари-зода, Х.Рахматуллаев и другие. После того, как учителя уехали, для меня наступило вынужденное безделье. Хотя я уже завел в Бальджувоне друзей, они не могли много общаться со мной, поскольку были заняты своим домашним хозяйством. Другие мои знакомые придерживались старого уклада жизни, и общение с ними было для меня не особенно интересным. В конце концов я тоже поехал вслед за своими учителями в Ховалинг. В Ховалинге я остановился у секретаря райко-

ма комсомола, который очень хорошо меня принял. В день моего приезда здесь происходило козлодрание в связи с переходом на сторону Советской власти одного из предводителей басмачей. Сам он тоже присутствовал на состязаниях.

На курсах я познакомился с несколькими студентами из Ленинграда, приехавшими на практику. Одна из студенток, по имени Зоя, даже носила таджикскую национальную одежду. Они стали уговаривать меня поехать с ними в Ленинград и поступить в их институт — знаменитый Ленинградский институт философии, литературы и истории (ЛИФЛИ) — на восточное отделение. Первоначально это показалось мне неосуществимым — у меня было лишь неполное среднее образование и я плохо говорил по-русски. Но я серьезно задумался. В Ховалинге я встретил и своего земляка Толиба Назарова, который тоже посоветовал мне ехать на учебу. Но окончательно уговорила меня Зоя. Она даже написала письмо своей подруге, чтобы та помогла мне с устройством в общежитие и вообще оказала необходимую помощь.

Вернувшись в Бальджувон, я застал там студентов из Ташкента. Они уговаривали меня поехать с ними и поступить в Ташкенте в пединститут. Кроме того, в Бальджувон на практику приехали студентки из Харькова. Они тоже расхваливали свой вуз. И все-таки больше всего мне нравилась мысль продолжить образование в Ленинграде, и я твердо решил ехать туда. Однако местные власти отказывались отпустить меня — кадров и без того не хватало. Кроме того, я только что был принят кандидатом в партию, и неудобно было уехать, не получив даже кандидатскую карточку. Но мои знакомые из русских коммунистов рекомендовали мне без промедления ехать учиться. Наконец, набравшись храбрости, я обратился к секретарю райисполкома Таирову с просьбой отпустить меня на учебу. После долгого раздумья он согласился.

К лету 1931 г. Бальджувон во многом преобразился. Было организовано общественное питание, стала работать пекарня, появились швейные мастерские, ускоренно ремонтировалось помещение для хранения зерна, делалось и многое другое. Все больше приходило газет и журналов, пополнялся кадровый состав районных учреждений. Активисты из среды местной молодежи, особенно комсомольцы, тоже шли на работу в административные и другие учреждения. С началом учебного года должно было увеличиться число школ, а соот-

ветственно и учителей. Словом, жизнь налаживалась. Но я хотел только одного: уехать учиться.

Подводя итог этому этапу моей жизни, могу сказать, что работа в Бальджувоне имела большое значение для формирования моей личности. Да, временами было очень трудно. Но я близко узнал жизнь своего народа. Везде, где мне довелось побывать, я неизменно находил сочувствие и поддержку тружеников-дехкан и никогда не встречал недовольства или враждебности. Здесь я чувствовал, что работаю на победу культурной революции, вношу свой скромный вклад в приобщение трудящихся Таджикистана к строительству социалистического общества. Я научился работать с простыми людьми, вникать в их положение, находить подход к каждому человеку. Мне хочется верить, что люди искренне уважали меня. Я не раз слышал от родителей слова благодарности за то, что не жалею сил, помогая их детям приобщиться к грамоте. В конце июля, получив официальное разрешение, я покинул Бальджувон. Свою кандидатскую карточку я так и не успел получить и вместо партийных взносов продолжал в течение года платить комсомольские. Кандидатскую карточку я получил только спустя год в ЦК Компартии Таджикистана, приехав в Душанбе на каникулы.

Из Бальджувона я поехал в Душанбе через райцентр Кангурт и отдал все мое небогатое имущество — халаты, одеяла, даже галоши — в уплату за то, чтобы меня довезли до Кангурта. Райцентр этот, находившийся на границе Кулябского и Душанбинского округов, выгодно отличался от Бальджувона, здесь уже строились современные здания. Но дорога до Душанбе была еще “старорежимной” и встречала путников бесконечными ухабами и клубами пыли. Автобусного сообщения не было в помине, даже грузовые машины ходили чрезвычайно редко. Самым распространенным транспортом служили брички. Утомленные, запыленные и порядком проголодавшиеся, мы (я и трое моих попутчиков) через двое или трое суток добрались до Душанбе. Город произвел на меня довольно отрадное впечатление — он быстро рос и строился, появлялись новые здания, открывались рестораны, чайханы, магазины и т.д.

У Наркомпроса и ЦК комсомола по-прежнему толпилась молодежь, в основном те, кто желал уехать на учебу или поступить в учебные заведения Душанбе. К наркому невозможно было и подступиться, я смог попасть на прием только к начальнику отдела кадров Юсуфи. Я доложил о своем приезде и попросил разрешения ехать в

Ленинград, но Юсуфи и слышать об этом не хотел. Оказывается, уже было решение назначить меня заведующим Шурабадского района. ЦК комсомола тоже не мог мне помочь. Однако в Наркомпросе нашлись добрые люди, и с их помощью я все-таки добился разрешения выехать в Ленинград. Но тут я случайно встретил Виртиозова, бывшего секретаря Бальджувонского райкома партии, который незадолго до этого был назначен директором созданного в Ташкенте педагогического института. Он тут же предложил мне, почти потребовал, ехать вместе с ним в Ташкент. Мои доводы, что вопрос со мной окончательно решен и я уже получил разрешение на выезд в Ленинград, он пропускал мимо ушей. Пришлось буквально умолять его не мешать моим планам. Наконец Виртиозов дал себя убедить и пожелал мне счастливого пути.

6. Учеба в Ленинграде

Настало время отъезда. Тогда из Душанбе до Москвы шел всего один вагон, который прицепляли к поезду "Ташкент—Москва". С большим трудом я выхлопотал бронь на два билета, но мои попутчики, мужчина и женщина, оказались хитрее, и бронь досталась им. Мне пришлось купить билет только до Ташкента. Я надеялся, что в Ташкенте достать билет до Москвы мне поможет все тот же Виртиозов. Но оказалось проще: в Ташкенте женщина передумала ехать дальше и ее билет автоматически достался мне. Позднее я видел эту женщину в Ташкенте — она работала продавщицей. Другой мой попутчик, родом из Ура-Тюбе, ехал на учебу в Коммунистический университет.

Если не ошибаюсь, поезд шел до Москвы ровно четверо суток. Среди пассажиров было очень много военных, большинство которых участвовали в разгроме банд Ибрагим-бека и теперь возвращались домой. Вагона-ресторана в поезде не было, все мы сидели на сухом пайке. Я и мой попутчик отправились в такую многодневную поездку впервые и не догадались запастись продуктами. Перебивались тем, что продавали на станциях местные жители.

Поезд прибыл в Москву ночью. Мы, два молодых таджика, плохо знавшие русский язык, впервые оказавшиеся в столице, несомненно, не смогли бы без проводника добраться до Ленинграда. Нам помог один русский товарищ, с которым мы познакомились в поезде. Он долго работал в Таджикистане и хорошо знал таджикский язык. Фамилия этого человека была Миронов, по специальности, он был, кажется, горным инженером и тоже ехал в Ленинград. Кое-как найдя

пристанище на ночь (спать нам пришлось на каком-то столе), мы, с большим трудом купив билеты, на другой день уехали в Ленинград.

В Ленинграде Миронов объяснил, как нам добраться до места назначения. Трамваем я доехал до Университетской набережной, где располагался ЛИФЛИ. Выяснив, где кабинет директора, я отправился прямо к нему. Спросив, чего я хочу и узнав, что я приехал учиться, директор объяснил, что мне нужно не к нему, а в приемную комиссию. Туда я и пошел и сдал документы и направление из Таджикистана в этот институт.

Документы приняли и выделили мне провожатого, который отвел меня в общежитие на проспекте Добролюбова, где комендант определил меня на жительство. Спустя несколько дней начали съезжаться другие абитуриенты. В комнату, где я жил, поселили ребят из Армении, по национальности курдов. О том, что есть такой народ, я узнал впервые. Мы жили вместе до начала учебного года, потом нас расселили, но дружба между нами сохранялась на протяжении всех студенческих лет. Старшим из моих новых товарищей был К.К.Курдоев, впоследствии крупный филолог, профессор ленинградского филиала Института востоковедения. Среди них был также Джингоев, ставший известным поэтом Армении. Ближе всего я сошелся с младшим, Джафаром (он потом погиб на войне).

О Ленинграде я и раньше имел представление, а теперь увидел все собственными глазами. С моими друзьями-курдами мы гуляли по городу, осматривали исторические памятники, объездили все достопримечательные окрестности Ленинграда.

Из представителей республик Средней Азии и Кавказа больше всего в Ленинграде было армян. Студентов же из Таджикистана поначалу здесь было очень мало — в первый год учебы только двое, я и Т. Самади. Но после первого курса он уехал домой и больше не вернулся. Число таджиков в ленинградских вузах, особенно студентов-филологов, стало увеличиваться с 1932 – 1933 гг. Первым из встреченных мною в Ленинграде земляков был И.К. Нарзикулов, который учился в планово-экономическом институте. После окончания института он вернулся в Душанбе, занимал в республике большие посты, работал в Госплане. Позднее он перешел в систему АН Таджикской ССР, долгое время занимал пост ее вице-президента. К 1933 – 1934 гг. в ЛИФЛИ училось уже много молодежи из Таджикистана: Д. Таджиев (впоследствии профессор университета в Душанбе), М. Муллоджанов, А. Мирзоев, Д. Комиссаров (он был старше нас

и уже занимал какой-то пост в Таджикистане) и другие. Мирзоев рассказывал мне, что до приезда в Ленинград работал секретарем Председателя ЦИК Таджикской ССР. Он окончил восточный факультет института и стал крупным исследователем литературы народов Востока.

Я был зачислен на филологическое отделение института, в таджикскую группу, что на первых порах не очень меня устраивало, филология мало меня интересовала. Но тогда изучению таджикского и персидского языков уделяли особое внимание, потому что после революции в этой области наблюдался некоторый застой, а нашей молодой республике требовалось много квалифицированных специалистов. В первые дни желающих изучать языки было очень много, но потом многие перешли на литературный факультет.

Первым из преподавателей, кого я увидел на занятиях, был Иван Иванович Зарубин. Студенты из самых разных районов России с огромным интересом слушали его лекции о Памире и Таджикистане. Зарубин хорошо знал и любил Таджикистан, особенно Памир, где ему приходилось бывать несколько раз. В 1907 г. он поступил в Петербургский университет, причем занимался одновременно на двух факультетах — историко-филологическом и юридическом. Большое влияние на Зарубина как ученого оказал выдающийся тюрколог академик В.В.Радлов. В 1910 г. за участие в революционном движении Зарубин был арестован, а затем исключен из университета. По настоянию академика Радлова он экстерном окончил Харьковский университет и в 1914 г. первый раз побывал на Памире — в составе экспедиции Робера Готьо, французского языковеда и ориенталиста. Это было первое серьезное исследование живых иранских языков Памира, организованное при участии Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. Начало первой мировой войны прервало экспедицию, а сам Готьо через два года погиб на войне. После возвращения с Памира Зарубин опубликовал несколько работ, в том числе по этнографии долины реки Бартанг и по памирским языкам.

Через полтора года Зарубин предпринял вторую экспедицию в наиболее труднодоступные районы Памира. Поездка была весьма результативной, он объехал почти весь Памир, в том числе окрестности Сарезского озера и селения Орошор. Собранные им материалы отражали структуру языков не только Памира, но и сопредельных районов — Мунджана, Хунза и др. В 1917 г. Зарубин снова отправился на Памир, где продолжал изучать памирские языки, одновременно

исполняя административные функции при Памирском пограничном отряде. Он рассказывал мне, что по возвращении с Памира, во время "осиповского" контрреволюционного мятежа в январе 1919 г. в Ташкенте, он был схвачен мятежниками. Его должны были расстрелять, и только благодаря заступничеству известного в Средней Азии ученого-зоолога и орнитолога Н.А. Зарудного ему удалось спастись. В советское время, не оставляя научную деятельность, Зарубин активно участвовал в переписи населения в ходе национально-государственного размежевания Средней Азии. На Памире Зарубина помнят до сего дня.

И.И. Зарубин был выдающимся ученым, его труды по памирским языкам и поныне не утратили научного значения. Зарубина справедливо считают одним из основоположников научного таджиковедения и иранистики. "Не только признанный крупный исследователь, но и прекрасный педагог, И.И. Зарубин отдал много сил воспитанию кадров лингвистов. Большинство советских иранистов среднего и младшего поколения, занятых в настоящее время изучением живых иранских языков и диалектов, являются его учениками"[5]. Многочисленные его ученики — В.С. Расторгуева, О. Соколова, Л.В. Успенская, Х. Карамшоев, Р. Карамхудоев, А.З. Розенфельд и другие — продолжают его дело.

На первом курсе нам преподавал профессор А.А. Фрейман, член-корреспондент АН СССР. Он приходил на занятия с "Шах-наме" Фирдоуси и учил студентов читать и переводить текст. Читал я легко, но переводить — из-за плохого знания русского языка — еще затруднялся. Профессор Фрейман, крупный специалист в области иранских языков, уделял внимание всем студентам, интересовавшимся данной тематикой, и много сделал в области подготовки исследователей-иранистов. Когда в 1933 г. на горе Муг в районе Захматабада (сейчас Айни) были обнаружены тексты на согдийском языке, по указанию академика И.Ю. Крачковского туда был направлен именно Фрейман. Ему принадлежит немалая роль в расшифровке этих текстов. Профессор Фрейман в то время тесно сотрудничал с В.И. Абаевым, затем известным ученым-языковедом, профессором. А.А. Фрейман тогда участвовал в подготовке осетинско-русско-немецкого словаря (издан в 1934 г.), а В.И. Абаев впоследствии издал русско-осетинский словарь. Вспоминаю, что они дважды обраща-

---

[5] *Расторгуева В.С.* И.И. Зарубин — лингвист // Иранский сборник: К семидесятипятилетию профессора И.И. Зарубина. — М., 1963. — С. 3.

лись ко мне для уточнения и сравнения отдельных слов моего родного шугнанского языка с осетинским.

Мне также не раз приходилось общаться с членом-корреспондентом АН СССР профессором Е.Э. Бертельсом. В 1934 г. он вернулся из Тегерана и рассказывал много интересного об этом городе и окрестных селениях, которые, по его словам, выглядели, в отличие от столицы, весьма плачевно. На филологическом факультете читали лекции также известный языковед-иранист профессор А.А. Ромаскевич, академик Л.В. Щерба и другие. Однако, несмотря на разностороннюю учебную программу филологического факультета, несмотря на то, что уже на первом курсе И.И. Зарубин предлагал мне научное руководство, меня больше интересовала история, и даже не Востока, а СССР. Но и Зарубин, и другие преподаватели советовали мне специализироваться по истории Востока, если уж меня не привлекает филология.

Переход на исторический факультет был сопряжен с большим риском — надо было сдать дополнительные экзамены по предметам, которые не читали на филологическом факультете. Большое беспокойство у меня вызывал слабый уровень моей общей подготовки, особенно знания русского языка. Однако я надеялся на свою молодость и усидчивость и упорно изучал историю западноевропейских стран в средние века, историю партии, древнюю историю. Для меня самой трудной оказалась история средних веков с ее калейдоскопом имен королей и герцогов, о многих из которых я вообще ничего не знал.

Беспокойство мое оказалось напрасными. Экзаменаторы, понимая, что я приехал из далекой республики, входили в мое положение и относились ко мне вполне доброжелательно. Они даже успокаивали меня, говоря что я молод и еще успею усвоить их предмет. Примерно так сказал мне профессор Маторин, в прошлом активный участник гражданской войны, потерявший в боях руку. Он поставил мне "тройку", хотя мой ответ оставлял желать лучшего. Исключительное внимание ко всем нам проявлял профессор Ленинградского университета В.В.Мавродин, который тогда исполнял обязанности заместителя декана. При его поддержке мне удалось сдать необходимые экзамены и наконец перейти на исторический факультет.

Теперь оставалось только как можно лучше учиться. На историческом факультете ЛИФЛИ читали лекции крупнейшие ученые Советского Союза, многие с мировым именем, — академики В.В. Бар-

тольд, Б.Я. Владимирцов, Н.Я. Марр, Е.В. Тарле. Здесь работал Б.Д. Греков, который до профессора Граве был деканом исторического факультета, а в 1935 г. стал академиком. Б.Д. Греков был не только крупным ученым, но и образцом настоящего русского интеллигента. Он читал нам курс истории Киевской Руси. Позднее я не раз встречался с ним — когда он был директором Института истории АН СССР в Москве, а я аспирантом этого института.

Забегая вперед, отмечу, что в моей жизни Борис Дмитриевич Греков сыграл не последнюю роль. До конца своей жизни он был ответственным редактором "Исторических записок", издававшихся Институтом истории. В 1951 году в "Записках" была опубликована одна из моих первых научных работ — "Подготовка Англией Бухарского плацдарма для интервенции в Советский Туркеста́н (1918 – 1920)". Появление моей статьи на страницах этого замечательного издания, в котором печатались крупнейшие ученые, было для меня огромной честью. За это, как и за многое другое, я вечно благодарен академику Грекову, которого я с полным правом могу назвать своим учителем.

Курс лекций по истории древнего Востока читал в ЛИФЛИ академик В.В. Струве. В 1934 г. один из наших студентов записал этот курс, и была выпущена книга по истории древнего Востока, основанная на этой записи. Опять-таки забегая вперед, скажу, что с академиком Струве я снова встретился в 1958 году, когда Ленинградский государственный университет должен был дать внешний отзыв на мою докторскую диссертацию. В квартире В.В. Струве на улице Халтурина мы подолгу беседовали о тех днях, когда я был студентом и слушателем его лекций.

Мне также посчастливилось слушать лекции таких замечательных профессоров, как С.И. Ковалев (история античности), Н.Н. Розенталь (история средних веков), А.И. Молок (новая и новейшая история). Профессор С.И. Ковалев одновременно был и профессором Военно-политической академии, которая тогда находилась в Ленинграде. Увлечение, с которым он читал свой курс, невольно передавалось слушателям. Нам особенно импонировало, что он не боялся признать, что допустил неточность, если это иной раз случалось. Всегда очень интересными были лекции по новой и новейшей истории профессора Молока, крупного специалиста по западноевропейским странам. Мне запомнились его рассказы о жизни Маркса и Энгельса, их дружбе и революционной деятельности, о помощи Энгельса Марксу в трудные минуты жизни последнего. Профессор П.П. Щеголев, автор

известного труда о французском революционере Бабефе, читал лекции об эпохе Возрождения и великих географических открытиях. Однако П.П. Щеголев скончался в январе 1936 г. в расцвете своих научных и творческих сил. В похоронах участвовали и мы, студенты. Большой популярностью у студентов пользовались также профессор Годес, который читал нам историю Коминтерна, и Балабанов (в прошлом революционер-народник), читавший лекции по истории торговли и экономических связей с западноевропейскими странами. Более молодые преподаватели, доценты института, вели у нас семинары. Иногда для чтения лекций по тем или иным дисциплинам в ЛИФЛИ приглашались специалисты из других городов, чаще всего из Москвы.

Учась на истфаке ЛИФЛИ, я чувствовал себя счастливейшим из людей, ведь я видел и слышал крупнейших историков Советского Союза. Наши преподаватели пользовались огромным, я бы сказал всеобщим, успехом. На их лекции нередко приходили студенты других факультетов, а иногда и просто горожане. В нашем институте выступали поэты, писатели и государственные деятели того времени. Кроме того, студентов старших курсов часто приглашали в другие города РСФСР читать лекции по историческим дисциплинам.

В ЛИФЛИ учились студенты самого разного уровня знаний и возраста — и молодежь 18–19 лет, и зрелые люди с опытом партийной и советской работы. Студентов национальных республик называли в ЛИФЛИ принятым тогда словечком “нацмен”. Многие из “нацменов” были подготовлены слабо, плохо знали русский язык. Может быть поэтому, на историческом факультете к моменту моего перевода учились практически только русские.

Общеизвестно, что климат в Ленинграде специфический и не всем подходит. Сырость, туманы, постоянный ветер с Финского залива — все это отражается на здоровье приезжих, причем больше всего страдают выходцы из республик Средней Азии и Кавказа. Я же был еще и плохо одет и поэтому часто простужался. Однажды в декабре 1931 г. вернулся я с занятий и мне почему-то очень захотелось спать. Проснувшись, я обнаружил, что потерял голос и не могу разговаривать. Мои соседи по комнате, один из Москвы, а другой из Пензы, догадавшись, что я сильно простудился, о чем-то между собой поговорили и куда-то ушли. Оказалось, что они продали букинистам несколько своих книг и купили вина. Они заставили меня выпить (я тогда вообще не пил), и спустя час я снова смог говорить. Так мои

друзья спасли меня от долгого заболевания и, возможно, больницы. Мы дружили до самого окончания института. Хочу верить, что и я был надежным другом.

Спустя год, в декабре 1932 г., я из-за собственной неосторожности заболел более серьезно. У меня открылось крупозное воспаление легких, и целых два месяца я пролежал в больнице имени Мечникова. Как мне потом рассказывали, несколько дней я был без сознания. В институте никто не знал о том, что я болен, все думали, что я бросил учебу и уехал, и меня успели исключить из института. Когда через два с лишним месяца я вернулся и зашел в деканат, заместитель декана В.В.Мавродин сильно мне удивился. Я был страшно истощен и очень слаб. Руководство и общественные организации института с большим вниманием отнеслись ко мне, дали мне путевку в дом отдыха в Петродворец. Там я провел почти месяц. К моменту моего возвращения в институте уже начались экзамены за первый семестр, к которым я был абсолютно не готов.

Меня могли и в самом деле исключить из института. Вот тут мне очень помогли однокурсники, которые быстро и просто объяснили мне пройденные предметы. Этого, конечно, было недостаточно, но все же лучше, чем ничего. С такой подготовкой я и пошел на экзамены. Однако каждый из экзаменаторов, в том числе академик Тарле, зная об уважительных причинах пропуска мною занятий, ставил мне отметку “три”. Огромная благодарность к моим профессорам стала для меня серьезным стимулом, я старался как можно быстрее наверстать упущенное. Скажу без хвастовства, что на третьем курсе я уже чувствовал себя равным по знаниям с другими студентами, активно участвовал в семинарах. Помню, в передаче радиоузла нашего общежития меня даже назвали примерным студентом.

Учеба в Ленинграде, в прекрасном институте, где у меня были замечательные преподаватели и верные друзья, осталась в моей памяти как лучшие годы моей жизни. Ленинградские ученые были нам не только учителями, но и воспитателями, подлинными наставниками, они дали направление всей нашей дальнейшей жизни. Среди тех, у кого я учился, были блестящие историки, пользовавшиеся уважением во всем мире. Они воспитывали в нас честность, чувство справедливости, учили не бояться труда, любить родину, и все это осталось с нами на всю жизнь.

В те далекие времена нам, студентам Востока, уделялось особое внимание. На улице Связи тогда работал Дом Востока. По субботам

там собирались студенты из республик Средней Азии и Кавказа, перед нами выступали артисты, ученые, писатели и поэты. Студенты из Таджикистана имели свое землячество. Нам присылали из Таджикистана одежду, таджикское представительство иногда выделяло стипендии в дополнение к тем, что мы получали в институте.

Жизнь у студентов того времени была нелегкой, трудности, которые испытывала страна, не могли не коснуться и нас. Аудитории не всегда отапливались, как и комнаты в общежитии. Иногда студенты сидели на лекциях в верхней одежде. С питанием дело обстояло неважно, столовая и буфет обеспечивались продуктами крайне скудно. Помогали нам наши молодость, оптимизм и взаимовыручка. Мое положение было хуже, чем у многих, ведь других средств, кроме стипендии и того, что нам присылали из Таджикистана, я не имел. Одно время, несмотря на то, что я ушел на другой факультет, И.И. Зарубин, зная, что я ниоткуда не получаю помощи, под видом гонораров за переводы с шугнанского на русский платил мне каждый месяц по 100 руб. И только потом я узнал, что это были деньги из его собственной зарплаты. Иной раз он как бы случайно давал мне деньги, чтобы я сходил в кино или музей. Летом, когда я приезжал в Душанбе, было немного легче, я подрабатывал на различных курсах.

В 1936 г. я окончил ЛИФЛИ. В моем дипломе было записано, что я — историк по истории СССР, научный работник второго разряда. Мое пребывание в Ленинграде окончилось. Конечно, мне хотелось продолжить учебу в аспирантуре, но я понимал, что еще не готов к этому — не хватало знаний. Осенью 1936 г. я вернулся в Таджикистан с намерением по мере сил помочь своему народу.

7. Педагогическая деятельность

В Душанбе в то время было только два высших учебных заведения — Педагогический институт им. Т.Г. Шевченко и Комвуз при ЦК КП(б) Таджикистана. В Пединституте училось примерно 300 студентов, он располагался в так называемом "школьном городке". Комвуз, куда поступали активисты из сельских районов, размещался в центре города. Кроме того, в Душанбе было несколько средних специальных учебных заведений разного профиля. Еще один вуз, пединститут, успешно работал в Ленинабаде.

Ректором (директором, как он тогда именовался) пединститута был Хакбердиев, родом из Самарканда, человек добрый и честный, но далекий от науки. Говорили, что он даже не имел высшего образо-

вания. Фактически все его обязанности выполнял его заместитель, по национальности русский, весьма опытный человек. Неплохо справлялся со своей работой и заместитель директора по хозяйственной части товарищ Троицкий, в прошлом активный участник борьбы против басмачества.

Педагогический институт был тогда своего рода университетом, ведущим вузом республики. Меня приняли туда младшим преподавателем. Всего в институте было 40–45 преподавателей, в том числе немало кандидатов наук. В основном это была молодежь из Самарканда, лишь несколько человек были местными выходцами. Текучесть кадров была довольно высокой. Многие преподаватели работали здесь не больше года-двух, редко задерживаясь на три. Некоторые оставались не иначе как на условиях исполняющего обязанности профессора.

В 1937 – 1938 гг. и в начале 1939 г. на кафедре истории СССР работали доцент А. Аксенов, и.о. профессора Владарский (кстати, обладатель большой библиотеки) и я. Позже к нам присоединились кандидат исторических наук К.Н. Гаврилкин и специалист по всеобщей истории Хижняк. Но преподавателей хронически не хватало, и в институте по совместительству работали некоторые ответственные работники ЦК и СНК республики, а также приезжали ученые из Москвы, Ленинграда и других городов.

Душанбе тогда не был еще вполне благоустроенным, многие улицы оставались темными и ходить по ним было небезопасно. Лишь после завершения в 1937 г. строительства Варзобской ГЭС город был наконец освещен, и то не полностью. Я помню, какое огромное ликование вызвал пуск Варзобской ГЭС, это был праздник для всего Таджикистана. Из учреждений наконец исчезли керосиновые лампы. Несмотря на небольшую мощность ГЭС (7500 киловатт), центральные улицы стали светлыми, горожане могли ходить по ним без опаски. Единственным театром в Душанбе был театр им. Маяковского, где давались представления на русском и таджикском языках.

Учебные корпуса института (два небольших здания), располагались, как я уже говорил, в “школьном городке”. Рядом находилось трехэтажное студенческое общежитие — сейчас это учебный корпус факультета иностранных языков Душанбинского пединститута. Аудитории зимой не отапливались. Электричества в зданиях института, кроме главного корпуса, не было вплоть до 1937 г. Не было его и в двух небольших ветхих домишках мрачного вида, в которых жила

Б.И.Искандаров (*в 1-ом ряду второй справа*) среди преподавателей Таджикского педагогического института

основная часть преподавателей. Дорога между "школьным городком" и городом была очень плохой, неасфальтированной, летом она тонула в пыли, а зимой — в грязи.

На момент своего создания пединститут обладал прекрасной библиотекой — сюда был переброшен из Ташкента фонд восточного факультета Среднеазиатского государственного университета. Библиотека института была во многих отношениях лучше, чем городская. Но из-за отсутствия надлежащего надзора и частой смены руководителей библиотеки ценнейшие книги терялись или растаскивались. Многие книги были в 1937 – 1938 гг. просто уничтожены. И все это происходило тогда, когда не только студенты, но и преподаватели, особенно молодые, испытывали острую потребность в учебных пособиях и литературе для подготовки лекций. Студенты часто вынуждены были готовиться к экзаменам только по конспектам лекций.

Другая трудность состояла в том, что большинство студентов не знало русского языка, лекции они могли понимать лишь через переводчиков. Также через переводчиков студенты задавали, а преподаватели отвечали на вопросы и вообще вели диалог. Многие студенты приходили в институт только со знаниями, полученными в ликбезе. Разброс по возрасту также был значительным: от совсем юношей до совершенно взрослых. Сейчас мне вспоминается как курьез, что в моей группе на вечернем отделении был студент Таджиддин, который учился чуть ли не с Садриддином Айни в Бухаре. Человек он был весьма образованный, особенно в области таджикско-персидской литературы. Потом он работал заведующим библиотекой Института востоковедения АН Таджикской ССР и оказал мне большую помощь в чтении трудов таджикского писателя и просветителя XIX в. Ахмада Дониша.

Студентов в институте было не так уж много, но все они активно участвовали в общественной и культурной жизни института и республики в целом. По мере расширения культурной революции, особенно после 1937 – 1938 гг., число студентов увеличивалось. Со временем в институт стали поступать не только юноши, но и девушки, молодежь из самых отдаленных уголков Таджикистана, из горных районов, в том числе с Памира. Институт был многонациональным, здесь учились таджики, русские, узбеки, татары и другие. На каждом факультете существовали национальные группы.

Как уже было сказано, нехватка преподавателей оставалась одной из главных проблем. Многие образованные таджики старшего поколения не хотели работать в Таджикистане, предпочитая оставаться в Самарканде и Ташкенте, где в тот период имелось несколько более крупных вузов. Между тем наши студенты нуждались в преподавателях, которые могли бы читать лекции на их родном языке. Мы же, молодые люди, только что окончившие вузы, не имели достаточного опыта, а порой не хватало и знаний. Но мы читали лекции, вели семинары, по вечерам приходили в общежитие, воспитывая студентов в духе преданности нашему советскому государству. Теперь, когда я сам начал преподавать, я часто жалел, что не смог в полной мере усвоить все то, что нам преподавали в ЛИФЛИ, и горько упрекал себя. Приходилось много работать над собой, буквально день и ночь, не жалея сил.

Хотя студентов и преподавателей было не так много, наша общественная жизнь протекала весьма бурно. Ведь чтобы стать настоящими строителями нового общества, молодежь нуждались не только в знаниях, но и в соответствующей идеологической подготовке. Поэтому ЦК Компартии Таджикистана и СНК республики уделяли институту постоянное внимание. К нам приезжали руководители Таджикской ССР, постоянными гостями были также поэты С. Айни и А. Лахути, молодые писатели, такие как Турсун-заде, Улуг-зода и другие. Для Н. Масуми, Т. Пулоди и других молодых писателей и поэтов, вышедших из стен Педагогического института, Лахути был учителем в полном смысле слова.

В 1939 г. меня приняли в партию. Работать приходилось очень много — наряду с преподаванием я вел и большую общественную работу. Сотрудники института помногу выступали перед трудящимися Душанбе на самые разные общественно-политические темы. Я, в числе прочих, выступал по несколько раз в неделю. Нередко я участвовал в передачах радиоузла Душанбинского гарнизона. Мои выступления слышал и начальник гарнизона комбриг Т.Т. Шапкин, один из активных участников борьбы с басмачеством в бытность его командиром 7-й отдельной Туркестанской кавалерийской бригады. Ему, как потом мне передали, особенно понравилась моя лекция о восстании Пугачева. Меня даже просили еще раз выступить на эту тему. В самом институте также проходило много собраний, на которых я часто был переводчиком с русского языка.

Большая загруженность по общественной линии отнимала много времени, иногда в ущерб основной работе. К лекциям надо было готовиться со всей серьезностью, ведь наша преподавательская деятельность регулярно контролировалась работниками ведомства просвещения, нас нередко посещали журналисты. Часто всю ночь напролет я сидел над книгами и конспектами. Недостаток литературы заставлял меня прибегать к трудам дореволюционных русских историков, в частности В.О. Ключевского и С.М. Соловьева, книги которых имелись в нашей библиотеке. Из-за нехватки преподавателей приходилось брать на себя и лекции "чужого" профиля. Так, меня буквально заставили читать курс по всеобщей истории — предмету, который я никогда специально не изучал. Пришлось напрячься, чтобы дать студентам хотя бы общее представление об этой дисциплине. По мере увеличения числа студентов и повышения их образовательного уровня, руководство института старалось приглашать специалистов "со стороны", но и этого было недостаточно. Постепенно появилась возможность привлекать в качестве преподавателей и переводчиков наиболее подготовленных студентов.

Работая в институте, сначала младшим, а затем и старшим преподавателем, я значительно обогатил свои знания, приобрел бесценный опыт. Я учил молодежь и, в свою очередь, учился у нее. Испытав на себе, как тяжело не иметь никаких средств и рассчитывать только на себя, я старался помогать особенно нуждающимся студентам. Не хочу быть нескромным, но среди студентов я пользовался уважением и даже популярностью.

Помимо пединститута, я работал также в Комвузе на должности доцента. Курировал Комвуз отдел пропаганды и агитации ЦК Компартии Таджикистана. Заведующим агитпропом был сначала И.С. Брагинский, а затем В.П. Губанов. Время от времени я также читал лекции по истории СССР ответственным работникам из районов, которых периодически собирал в столице Центральный комитет Компартии Таджикистана.

Около двух лет мне пришлось по совместительству работать начальником управления школ и педагогических училищ Наркомата просвещения. Народное образование испытывало большие трудности в обеспечении школ благоустроенными помещениями, необходимым оборудованием и учебными принадлежностями. Надзор над школами, особенно сельскими, был тогда недостаточным, учительский состав не имел необходимой подготовки, плохо соблюдалась

дисциплина. Острым оставался вопрос обеспечения учебниками, особенно на таджикском языке. Существенную помощь в написании учебников оказали С. Арзуманов, К. Нестеренко, Хилол Каримов и многие другие. Наряду с этим началось внедрение в школы русского языка и подготовка учителей для его преподавания.

Таким образом, я был полностью поглощен преподавательской и административной работой. Сейчас мне трудно представить, как мог один человек занимать столько должностей сразу и со всем справляться. Оказывается, можно, если требуют обстоятельства. Но о научной работе в таких условиях я не мог и мечтать, не было ни времени, ни квалифицированных научных руководителей по истории Средней Азии, в том числе Таджикистана, ни полиграфической базы. Между тем потребность в высокопрофессиональных научных кадрах, особенно в годы перед Великой Отечественной войной, с каждым днем увеличивалась.

В то время интеллигенция Таджикистана росла и количественно и качественно, что стало заметно уже к 1939 году. Начали возвращаться молодые специалисты, ранее направленные в различные высшие учебные заведения. Многие, например, О. Джамолов и Б.И. Ниязмухаммедов, защитили кандидатские диссертации. Из молодых специалистов тогдашнего времени отмечу Б.Г. Гафурова, который работал в ЦК Компартии республики, преподавал в Комвузе, вел большую работу по линии атеистической пропаганды. Талантливая молодежь по-прежнему отправлялась учиться в Москву, Ленинград, Киев, Ташкент. Вузы этих городов были постоянными "поставщиками кадров" для Таджикистана. Но была и обратная тенденция: на местах под самыми различными предлогами, особенно нехватки кадров, старались не отпускать молодежь для продолжения образования.

Повторю: научно-исследовательская работа в республике находилась лишь в стадии зарождения. Определенную роль стала играть Таджикская база Академии наук СССР, однако ее возможности оставались весьма ограниченными. Упоминавшиеся ранее А.А. Семенов и М.С. Андреев, жившие в Ташкенте, часто публиковали работы, посвященные истории, этнографии и культуре таджикского народа. Изредка помещал этнографические очерки в научных сборниках Н.А. Кисляков, печатал отдельные статьи И.С. Брагинский, а Б.Г. Гафуров и Н.Н. Прохоров опубликовали небольшую книжку "Падение Бухарского эмирата: К 20-летию Советской революции в Бухаре (1920 – 1940)" (Сталинабад, 1940), ставшую весьма популярной. Из-

редка выходили и другие работы по истории. Многие из них носили, к сожалению, поверхностный, фрагментарный характер, были далеки от подлинно научного раскрытия исторических проблем.

Сотрудники пединститута, в том числе и автор этих строк, практически не занимались научной работой. О причинах я уже говорил, добавлю лишь, что в республике в то время условий для научной работы еще не было. Единственная публичная библиотека — библиотека имени Фирдоуси — только начала комплектоваться, причем сюда поступала далеко не вся выпускаемая литература. Много книг из фонда библиотеки ходило по рукам и часто не возвращалось. Государственный архив на том этапе только приступил к сбору документов в учреждениях, специалистов по архивному делу не было. И библиотека, и архив не имели подходящих зданий, а помещались в глинобитных кибитках, где книги и документы от сырости и неправильного хранения приходили в негодность.

Многие из нас стремились совершенствоваться в своей профессии и заниматься научно-исследовательской работой. Далеко не всем это удалось. Я тоже получал отказ за отказом на свои просьбы отпустить меня с работы для продолжения учебы. В нашей среде случались мелкие интриги, люди завидовали и мешали друг другу. После Л. Евсеева Пединститут в 1939 г. возглавил Х. Садыков, который заботился больше о собственном благополучии, чем о развитии науки. Тогдашний нарком просвещения П. Пулатов, сам по себе человек неплохой, также не много сделал для подготовки кадров.

8. Начало учебы в аспирантуре

За четыре года работы в Пединституте я расширил свой научный кругозор, стал членом Коммунистической партии, приобрел определенное уважение руководителей республики и преподавателей института. Тем не менее моей мечтой оставалось продолжения образования. В 1940 г. я поехал в Ташкент и поступил там в заочную аспирантуру. К сожалению, тогда я еще не был знаком с А.А.Семеновым, и стать моим научным руководителем согласился профессор И.К.Додонов, заведующий кафедрой истории.

Возвратился я в Душанбе с горячим желанием начать подготовку к сдаче кандидатского минимума, но сначала решил все же съездить в Москву. Там, в Институте истории АН СССР я случайно встретил академика Б.Д. Грекова. Я уже говорил, что был его студентом в Ленинграде. Он сразу меня узнал и пригласил в свой кабинет. Расспро-

сив меня, он посоветовал мне поступить в аспирантуру в Москве. Я решил так и сделать.

Наркомат просвещения Таджикской ССР дал мне разрешение на выезд для сдачи вступительных экзаменов в аспирантуру московского Института истории АН СССР. Осенью 1940 г. я снялся с партийного и военного учета и уехал в Москву. Новая обстановка и незнакомые профессора вызывали во мне определенную тревогу за исход экзаменов, особенно по истории. Однако я все сдал благополучно и в ноябре 1940 г. был зачислен в аспирантуру Института истории.

В тот период в институте работало много известных ученых — академики С.В. Бахрушин и Ю.В. Готье, будущие академики АН СССР М.Н. Дружинин, А.М. Панкратова, В.И. Пичета, М.Н. Тихомиров и другие. Известный философ профессор О.В. Трахтенберг читал нам курс по философии и вел семинары. По отдельным направлениям лекции читали такие выдающиеся ученые как М.В. Нечкина, К.В. Базилевич, политэмигрант из Чехословакии профессор Зденек Неедлы. Последний жил тогда в Советском Союз, а после освобождения его родины от фашистских захватчиков стал министром школ и народного просвещения, затем министром школ, наук и искусств, а с 1952 г. до самой своей кончины был президентом АН ЧССР. Он читал нам историю и культуру западных славян. Отношение профессоров к нам было неизменно доброжелательным.

Помимо занятий, все мы присутствовали на многочисленных заседаниях и собраниях, которые проходили в актовом зале Института истории. Институт находился тогда на Волхонке, 14. В этом сравнительно небольшом здании размещались тогда почти все институты общественных наук Академии наук СССР. Здесь я впервые услышал выступления крупных советских государственных деятелей и революционеров-политэмигрантов из Испании, Германии и Венгрии, которые жили в нашей стране.

Аспирантские группы были довольно маленькими, аспирантов вообще было немного. Лучшими моими друзьями были Готовцев, ранее инструктор ЦК партии, участник испанских сражений Кларк, старый коммунист Т.Т. Барышев. Все аспиранты были весьма образованными людьми. Отношения между нами были самые дружеские. Все мы жили на проспекте Ленина на последнем этаже одного из больших "академических" домов, а в нижних этажах этого большого дома жили крупные ученые Академии наук СССР, в частности А.Н. Бах, Б.Д. Греков, П.Ф. Юдин и другие.

Учебная программа была обширной, особенно в области философии и языка. Одновременно мы слушали несколько факультативных курсов. Распорядок учебы и требования к нам были очень строгими, “вольностей” и “свободного графика” в то время не полагалось — все аспиранты обязаны были “как штык” либо являться в институт, либо работать в библиотеке. На первом курсе главной задачей было сдать кандидатский минимум по философии и истории СССР. На семинаре по философии каждый аспирант делал один доклад, с предварительной раздачей остальным текста тезисов. Такой же порядок действовал и в отношении истории СССР. Сдача минимума включала представление реферата по заданной теме. Помимо учебы мы выполняли общественные поручения, участвовали во всех общественных и научных мероприятиях сектора, к которому были прикреплены, и института в целом.

Мое кратковременное пребывание в институте накануне Великой Отечественной войны дало мне возможность познакомиться с лучшими историками нашей страны. Я был счастлив, наконец попав в крупнейший в Москве и всей стране центр исторической науки. Это были памятные для меня дни, казалось, близится осуществление моей заветной мечты, которая долго была несбыточной. Но довести дело до конца не удалось.

В те дни страна жила мирно, но советские люди испытывали глубокую тревогу в связи с надвигающейся угрозой войны. Хотя все мы читали о встрече В.М. Молотова с Гитлером, тем не менее в дружбу и искренность главаря нацистов нам не верилось. Фашистская Германия к тому времени оккупировала почти все европейские страны, устанавливая везде свой “новый порядок”, державшийся на терроре и насилии. Высшее руководство СССР уже знало, что война рано или поздно начнется. Фашисты, опьяненные победами на Западе, весной 1941 г. начали захват балканских стран. Еще в апреле 1941 г. в печати появилось сообщение о частичном внутреннем перемещении наших войск с востока на запад, о концентрации войск фашистской Германии на нашей западной границе. Газеты сообщали о зверствах фашистов в оккупированных европейских странах.

По вечерам в общежитии мы бурно обсуждали международные события. Слухи ходили самые разные, но толком никто ничего не знал. Свое участие в войне, если она начнется, мы представляли каждый по своему. Одни намерены были идти на фронт добровольцами, некоторые говорили, что если их призовут, они пойдут воевать, а

если нет, будут завершать диссертацию. Но никто не верил, что фашисты станут свято блюсти пакт с СССР о ненападении. Все мы чувствовали, что приближается момент, когда наша страна, хотим мы того или нет, будет втянута в водоворот войны. В марте или апреле 1941 г. я был вызван в военкомат на медицинский осмотр. Там было много молодежи. После осмотра у меня забрали военный билет и выдали вместо него красную карточку с пометкой "по особому вызову". Я понял, что в случае войны буду призван в армию.

Глава III
ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

9. Первый год на войне

Война застала меня в Москве в разгар подготовки к сдаче кандидатского минимума. Тот выходной день 22 июня запомнился мне до мелочей. В 12 часов по радио выступил председатель Совета народных комиссаров В.М. Молотов. С тревогой и болью мы услышали о вторжении немецких войск в нашу страну.

На общем собрании института была объявлена мобилизация всех сотрудников на защиту Родины под лозунгом "Место коммуниста в бою". Собрание проходило бурно, участники его выражали гнев и негодование вероломным нападением фашистской Германии. Многие не верили в возможность значительного продвижения противника вглубь нашей территории. Помню, член-корреспондент АН СССР А.И.Яковлев высказался в том духе, что эта война — продолжение исторического противостояния между немцами и славянами, которое уже не раз приводило к войнам. Его слова вызвали возмущение других ученых, говоривших, что Яковлев не отличает интересы трудящихся от интересов фашистов и что трудящиеся массы Германии никогда не пойдут на войну против Советского Союза. К несчастью, жизнь показала, что это не так.

На третий день после собрания коммунисты института написали заявления об отправке на фронт. Мои друзья Готовцев и Кларк, как партийные работники, были мобилизованы сразу. Оба они погибли в самом начале войны. Меня не взяли потому, что я еще не служил в армии и не проходил другой военной подготовки. Сколько я ни доказывал, что я хороший стрелок, что в лагерях Осоавиахима под Ленинградом на студенческих соревнованиях по стрельбе занял второе место, мне неизменно отвечали, что, прежде чем идти на фронт, надо пройти военную подготовку.

Повестка мне пришла через шесть или семь дней после начала войны. Рано утром я собрал свои вещи, положил в портфель диплом о высшем образовании и отвез все это на склад в подвале дома, где находилось аспирантское общежитие. Из наволочки я сделал себе вещмешок и пошел на призывной пункт. Народу было много, вызывали по списку. Только во второй половине дня я услышал свою фамилию. Я попал в группу, которую направили на краткосрочные курсы политруков при Московском военном округе. Базировались они на севере столицы, недалеко от Ленинградского шоссе, в лесу. За три месяца мы должны были освоить программу военного училища. Дисциплина у нас была строгая. Командир нашей роты, строевой офицер Веселовский, человек требовательный и справедливый, всегда находился при нас. Слушателями курсов были в основном квалифицированные специалисты разных отраслей, все с высшим образованием. Многие имели за плечами большой опыт партийно-советской работы, а некоторые и военной службы.

На курсах было только три выходца из Средней Азии, все таджики — писатель Улуг-зода, Пирмухаммед-зода, младший брат писателя Дехоти, и я. Пирмухаммед-зода и я попали в один взвод, Улуг-зода — в другой. После окончания курсов Пирмухаммед-зода служил политруком в противотанковых войсках и геройски погиб осенью 1941 г. под Москвой. Сознаюсь, в физическом отношении я был слабее своих земляков и мне сначала было трудно. Но мои товарищи, с которыми я служил и учился, в трудные моменты, особенно во время марш-бросков, всегда помогали мне переносить тяготы службы.

Курсы постоянно находились в центре внимания командования округа, представители которого часто приезжали к нам. Нас регулярно информировали о событиях на фронтах. Все мы тревожились за судьбу Родины и тяжело переживали из-за поражения, которые в 1941 г. терпели наши войска. Помню, с каким напряженным вниманием мы слушали выступление И.В. Сталина 3 июля. Оно во многом усилило нашу веру в победу. Тем не менее обстановка становилась все более тревожной: фашистские войска быстро продвигались к Москве.

Ровно через месяц после начала войны, в ночь с 21 на 22 июля 1941 г. фашистская авиация начала регулярные бомбардировки Москвы. Первая ночная бомбежка была особенно тяжелой. Почти всю ночь на город сбрасывали фугасные и зажигательные бомбы, причем фашисты не делали разницы между жилыми домами, военными объектами и промышленными предприятиями. На вторую ночь наши

ошибки, видимо, были учтены, и ПВО Москвы действовала гораздо эффективнее.

Мы же продолжали учебу, совмещая занятия с работой по обеспечению порядка и дисциплины. Нередко нам до утра приходилось тушить пожары, которые возникали в городе. Много времени занимала работа с населением: мы разъясняли и контролировали соблюдение светомаскировки. Учеба на курсах продолжалась до середины сентября 1941 г. К этому времени уже начались дожди, становилось холодно и жить в палатках было все труднее. Обстановка вокруг Москвы с каждым днем осложнялась, и нас перевели в казармы на Таганской площади. Мы по-прежнему проходили военное обучение, часто совершали длительные марши.

К концу сентября в Москве уже была слышна артиллерийская канонада. Население пребывало в тревожном ожидании; шла эвакуация, и ночные прощальные сцены на вокзалах, производили на нас тяжелое впечатление. Наши сердца наполнялись еще большей ненавистью к врагу, мы всеми силами стремились на фронт. Между тем в военной Москве продолжали работать заводы, фабрики и учреждения. Женщины и молодежь не только заменили мужчин на производстве, но также строили вокруг Москвы оборонительные сооружения. Сотни тысяч людей рыли окопы и противотанковые рвы. Из добровольцев-москвичей было сформировано 12 (позже еще 4) дивизий народного ополчения, ядро которых составляли коммунисты. В одной из этих дивизий потом сражался и я.

В октябре нам зачитали постановление Государственного комитета обороны о введении осадного положения. В нем говорилось, что в "целях тылового обеспечения обороны Москвы и укрепления тыла войск, защищающих Москву, а также в целях пресечения подрывной деятельности шпионов, диверсантов и других агентов немецкого фашизма Государственный комитет обороны постановил: 1. Ввести с 20 октября 1941 г. в г. Москве и прилегающих к городу районах осадное положение. ... 4. Нарушителей порядка немедля привлекать к ответственности с передачей суду Военного трибунала, а провокаторов, шпионов и прочих агентов, врагов, призывающих к нарушению порядка, расстреливать на месте". В Москве вводился комендантский час с 12 часов ночи до 5 часов утра. Слушатели курсов тоже участвовали в обеспечении режима осадного положения, в ночное время патрулировали улицы города.

Враг все ближе подходил к Москве, и мы тяготились нахождением в тылу. Понимая, что решается судьба столицы и всей нашей Родины, мы рвались в бой. Но командование неизменно отвечало: "Повевать успеете". В октябрьские дни родственники курсантов, зная, что не сегодня-завтра мы будем отправлены на фронт, часто подходили к нашим воротам попрощаться. Поскольку почти все курсанты были москвичами, каждый раз у ворот казарм собиралось много народу. Однажды всех нас, курсантов и офицеров-преподавателей, подняли по тревоге и построили во дворе казарм. Мы долго стояли с винтовками, ничего не понимая, пока не был дан отбой. Много лет спустя я прочитал в воспоминаниях одного генерала, что нас должны были бросить в бой, если немцы прорвут фронт. Но этого не случилось.

Наконец однажды вечером нам сообщили о присвоении нам воинских званий и в течение нескольких часов распределили по частям и соединениям. Я и еще несколько человек вместо отправки на фронт получили задание сопровождать имущество Московского военного округа в город Горький. Это оказалось не так уж и просто — по пути к Горькому наш эшелон два-три раза в день бомбили. Немецкие самолеты к этому времени проникали вглубь территории Советского Союза вплоть до Волги. Однако мы благополучно доставили имущество по назначению.

В Горьком я и два моих товарища получили приказ выехать во Владимир, где формировался специальный отдельный батальон. Тыловой город, Владимир испытывал все трудности военного времени, чувствовался недостаток продовольствия. Сельские районы тоже выглядели бедными. Нас разместили в селе Боголюбово, недалеко от Владимира. Первоначально меня назначили политруком роты, но буквально через несколько дней я стал секретарем партийной организации всего батальона.

К концу ноября немцы вышли на ближние подступы к Москве, на северо-западе форсировали Истринское водохранилище и вели бои за Крюково, на юге подошли к Кашире и Туле. Это были дни наивысшего напряжения, судьбой Москвы жила в те грозные дни вся страна. Собирались силы, чтобы отстоять столицу и нанести сокрушительный удар врагу. Было радостно сознавать, что в этой героической борьбе принимают участие и мои земляки — из Таджикистана на помощь Москве подошли полки 20-й Краснознаменной ордена Ленина кавалерийской дивизии. К концу ноября гитлеровские орды были измотаны упорной обороной наших войск, понесли

громадные потери и уже не могли продолжать наступление. Наоборот, Красная Армия накапливала силы, оснащалась новой боевой техникой, и соотношение сил изменялось в ее пользу. Это создало условия для контрнаступления советских войск, начавшегося 5-6 декабря, и сокрушительного разгрома немецко-фашистских войск под Москвой.

В декабре 1941 г. мой батальон закончил формирование и был переброшен на фронт под Нарофоминск. Мы ехали через Москву, и я вновь прошел по заснеженным улицам столицы. На стенах зданий висело множество плакатов с призывом стоять насмерть. Когда мы прибыли в Нарофоминск, он был уже освобожден, но практически полностью разрушен. На месте окрестных деревень дымились пепелища и торчали обожженные трубы. Повсюду лежала разбитая вражеская техника.

Солдаты в нашем батальоне в основном были из москвичей, немолодые, некоторые служили еще в первую мировую войну. Работать с ними было довольно трудно, не все трезво смотрели на ход военных событий. Много говорили о подлости фашистов, но в то же время неудачи первых месяцев войны вызвали у некоторых пораженческие настроения. В этом я убедился, когда мы ехали из Владимира. Чувствовалось, что солдаты недовольны неподготовленностью нашей армии к войне. Жаловались они и на недостаток продовольствия и обмундирования. Зимой 1941 – 1942 гг. стояли сильные морозы, до 40–42 градусов, а одеты мы были легко. Большой бедой было отсутствие теплой обуви. Приходилось учитывать настроения солдат, объяснять им всю сложность обстановки, внушать уверенность и бодрость духа.

После разгрома фашистов под Москвой Красная Армия успешно преследовала противника. Мы двигались во втором эшелоне, нашей задачей было способствовать продвижению войск, а главное — работе обслуживавшего их транспорта. Батальон действовал в Смоленской области, где весной 1942 г. наши войска закрепились на подступах к Вязьме. Я хорошо помню “дороги Смоленщины” весны 1942 года, разбитые и труднопроходимые — в том году весна и лето были дождливыми, солнечных дней мало. Между тем движение военного транспорта продолжалось безостановочно днем и ночью.

Моральное состояние личного состава в целом оставалось на должном уровне. Все солдаты хорошо знали меня — я часто бывал с ними, и относились ко мне с уважением. После войны, когда я учился

в аспирантуре в Москве, я встречал некоторых моих сослуживцев на улице или в метро, иной раз они кричали на всю улицу: "Вон наш комиссар!" Прохожие с любопытством оглядывались на "комиссара" в сугубо штатской одежде.

Я прослужил в этом батальоне (на должности секретаря парторганизации) до июля 1942 г. Эти были тяжелые дни. Летом 1942 г. фашистские войска рвались к Сталинграду и Северному Кавказу. Очень важно было целенаправленно доводить до сознания солдат понимание той опасности, которая нависла над нашей Родиной. Мы знакомили их с ежедневными сообщениями Совинформбюро, рассказывали о героизме нашего народа на фронтах и в тылу, убеждали в том, что успехи немцев временны, и ход событий очень скоро будет переломлен. В эти дни, как никогда, требовалось поддержать в солдатах боевой дух, не допускать паники. С заместителем командира батальона по политчасти мы жили и работали дружно. До войны он работал секретарем Брянского горкома, фамилия его, если не ошибаюсь, была Брилов. Он во многом помогал мне.

Однажды в батальон приехал бригадный комиссар Васильев. Он сказал мне: "Хватит тебе здесь, пора в другую часть". Васильев был очень простым, но весьма обходительным человеком. Мне нередко приходилось обращаться к нему по делам службы, и могу сказать, что работать с ним было легко. При встречах он всякий раз обстоятельно расспрашивал меня об обстановке и настроении в батальоне. Позднее я интересовался его судьбой, говорили, что он погиб.

10. В 113-й стрелковой дивизии

Вдвоем с политруком Долгоруковым (он был одним из активнейших комсомольцев-строителей Комсомольска-на-Амуре) мы прибыли в политотдел 33-й армии Западного фронта. Там мы получили предписание явиться в распоряжение начальника политотдела 113-й стрелковой дивизии. Командиром дивизии был генерал-майор Е.С.Алехин, участник гражданской войны, начальником политотдела — старший батальонный комиссар Шабунин, в прошлом партийный работник. Я уже говорил о дивизиях народного ополчения Москвы, так вот, 113-я стрелковая первоначально была сформирована как 5-я дивизия народного ополчения Фрунзенского района.

Долгоруков и я попали в 1288-й стрелковый полк. Командовал им кадровый офицер подполковник Логинов, а комиссаром был старший батальонный комиссар Федчен, до войны — председатель гор-

совета Оренбурга. В полку Долгорукова и меня назначили комиссарами батальонов, но очень скоро Долгоруков был тяжело ранен и выбыл из строя. Что же касается меня, то после одного из боев я был назначен старшим инструктором по политчасти полка, то есть фактически — заместителем комиссара полка. Позднее, с конца 1942 г. нас стали именовать агитаторами полка. Хочу сказать здесь слова благодарности командиру и комиссару — за доброе и чуткое отношение ко мне, за те знания и опыт, которые я у них почерпнул.

В августе 1942 г. на Западном фронте советские войска вели кровопролитные наступательные бои, чтобы сковать силы противника, лишить его возможности перебрасывать подкрепления на южное (сталинградское) направление. На Западном фронте немцы, пользуясь возникшей здесь временной передышкой, укрепились, построив многочисленные долговременные оборонительные сооружения. Войска фронта, в том числе 33-я армия, сумели немного, на 30–45 км, продвинуться вперед. Потери с обеих стороны были очень велики.

После августовских боев место расположения дивизии и полков часто менялось. Мне, как заместителю комиссара полка, и моим товарищам — политработникам, парторгам и комсоргам, нужно было поспевать всюду, чтобы поговорить и поддержать каждого бойца. Положение на Западном фронте оставалось тяжелым. До нас доходили тревожные сообщения, что враг рвется к Волге. Мы отвлекали силы противника с юга, постоянно тревожили его, везде, где можно, навязывали ему бой. Нередко наши и немецкие позиции сближались буквально на расстояние вытянутой руки. Жизнь в смоленских лесах была трудной. Лето и осень выдались дождливыми и холодными, солдаты почти не вылезали из окопов, а вода в них стояла по колено.

Главная обязанность агитатора полка — всегда находиться среди солдат, особенно во время боев. Кроме того, я постоянно работал с политруками рот. В дни отдыха, особенно когда в полк прибывало пополнение, моей обязанностью было выступать перед солдатами, поднимать их моральный дух, знакомить с ходом боевых действий. В обязанности агитатора входило также помогать солдатам писать письма родным. Одновременно агитаторы периодически выступали перед офицерами с обзором международной обстановки.

Солдаты заметно различались по уровню образования, что требовало индивидуального подхода к каждому. Полк был неоднородным

и по национальному составу, причем некоторые солдаты плохо знали русский язык. Поэтому нередко приходилось исхитряться, объяснять чуть ли не "на пальцах". Я часто бывал в политотделе дивизии, корпуса и армии. В свою очередь, и начальство наведывалось к нам, информировало нас о событиях на других фронтах. Помню, солдат очень волновало, когда будет открыт второй фронт — союзники оттягивали высадку в Европе.

На войне человек — на то она и война — рискует собственной жизнью. Не однажды так случалось и со мной. Как-то меня вызвали в штаб армии на совещание. Освободились мы только к вечеру и отправились по своим частям. Я ехал верхом. Быстро стемнело, пошел сильный дождь. Отъехав около километра, я понял, что заблудился. Ночь, темень, дождь и вдобавок довольно сильная артиллерийская перестрелка. Я не знал, где нахожусь, а оставаться в лесу под проливным дождем и на холоде было просто немыслимо. Признаюсь, я растерялся. На всякий случай я вынул пистолет из кобуры, потом отпустил лошадь, надеясь, что она знает, куда идти. И в самом деле, лошадь нашла дорогу, по которой я ехал утром, и благополучно привела меня к своей конюшне.

Наша дивизия воевала на Западном фронте примерно до начала декабря 1942 г. Все это время мы жили в лесу в землянках или шалашах. Все жилье в этих местах было разрушено в ходе боев или его сожгли фашисты при отступлении. Нередко они уничтожали при этом и население. Уцелевшие — женщины, старики и дети, поскольку все мужчины ушли на фронт, — тоже жили в землянках. Из еды у них была только картошка. Да и в тех селах, где дома чудом уцелели, люди жили в жутких условиях. И такую картину я видел везде — в Московской области, где служил в начале войны, затем в Смоленской, где воевал больше года, и в других местах. 1942 год был труднейшим периодом как для фронта, так и для тыла. Но и в это тяжелое время мы были окружены вниманием и заботой советских людей. Каждый месяц мы получали от населения посылки. Мы чувствовали с какой любовью и верой смотрит на нас наш народ, и это нас очень поддерживало.

Начало коренному перелому в войне положил разгром немецко-фашистских войск под Сталинградом. В феврале 1943 года началась Харьковская наступательная операция Красной Армии. В ходе наступления оккупанты были изгнаны почти со всей территории Харьковской области. 16 февраля войска Воронежского фронта ос-

вободили Харьков. В конце февраля немцы перегруппировали силы, подтянули свежие резервы и в начале марта перешли в контрнаступление. Руководил этой операцией генерал-фельдмаршал Манштейн, которого Гитлер в свое время посылал на выручку окруженной в Сталинграде группировки. 16 марта 1943 г. наши войска вынуждены были снова оставить Харьков, 18 марта — Белгород, но к 25 марта противник был остановлен на рубеже Краснополье — Белгород — река Северский Донец. Во многих из этих событий довелось участвовать и мне.

Наша дивизия вступила на территорию Украины в районе станции Пятихатки (Харьковской области). Наступление все чаще наталкивалось на сопротивление противника, нередко мы подвергались налетам авиации. Марш был очень утомительным, к тому же мы были одеты в зимнюю форму — полушубки, валенки и шапки-ушанки. Дивизия так быстро двигалась вперед, что тылы сильно отставали от передовых частей. Это затрудняло наши действия.

Как уже говорилось, под ударами превосходящих сил противника советские войска, в том числе и наша дивизия, были вынуждены отступать. В середине марта, за два или три дня до начала отступления, мы попали в критическое положение и укрылись в небольшом лесу. Немцы обрушили на нас удары с воздуха. Тем не менее мы все равно ожидали приказа о наступлении, однако поступило распоряжение отходить. Отход проходил в тяжелейших условиях, враг с закрытых позиций вел огонь по отступавшим войскам. Мы потеряли всю технику и много людей. Отступление истощило наши силы, но в противном случае мы могли быть окружены и полностью уничтожены. В те дни я на собственном опыте убедился, что человек вполне может спать на ходу.

Однажды я чудом избежал гибели. Я и один мой друг, Григорьян, догоняли ушедший вперед полк. Вдруг видим: навстречу нам летит немецкий самолет, и, заметив нас, открывает по нам огонь. Мы упали в снег, чтобы переждать налет, но фашист вернулся и снова нас обстрелял. Повторялось это трижды, и спаслись мы лишь тем, что притворились в снегу мертвыми.

Население Украины очень тепло относилось к нам — и в дни наступления, и когда мы отступали. Перечесть примеры этого просто невозможно. Помню, в одном селе под Харьковом я попросил женщину, стоявшую у калитки вместе с другими, дать мне напиться. И эта женщина вынесла мне буханку белого хлеба и большой кусок

масла. Я сердечно поблагодарил и отказался, хотя не ел. Но женщина очень упрашивала меня взять продукты. Я почувствовал, что сильно обижу ее отказом, и мы приняли ее подарок. Этот эпизод навсегда остался в моей памяти.

В конце марта 1943 г. остатки нашего полка во главе с подполковником Логиновым наконец вышли к берегу Северского Донца. Река еще была покрыта льдом, но уже непрочным, рыхлым. Мы с трудом переправились на другой берег и начали укреплять рубеж обороны. К райцентру Печенеги на противоположном берегу тем временем уже подступили фашистские войска, шедшие за нами буквально по пятам, и в свою очередь стали укреплять свои оборонительные позиции.

Дивизия наша была полностью истощена и понесла тяжелые потери в людях и боевой технике. Населенные пункты, где нас расквартировали, были полностью разрушены, сохранились лишь отдельные, хотя тоже сильно поврежденные, строения в деревне Мартово. Необходимо было воспользоваться передышкой, пополнить дивизию людьми и вооружением. В апреле 1943 г. дивизию передали в состав вновь сформированной 57-й армии. На Северском Донце мы стояли до лета 1943 г., то есть до Курской битвы и Белгородско-Харьковской операции. Действия на нашем участке фронта ограничивались боями местного значения.

Основную свою работу я мог вести только вечером и ночью, так как днем до окопов было не добраться. С наступлением темноты я, секретарь парторганизации Васильев и секретарь комсомольской организации Адаменко часто до самого утра ходили по подразделениям, рассказывая солдатам о событиях в стране и новостях с фронтов. Чувствовали мы себя уже увереннее, ведь за плечами Красной Армии были две блестящих победы — под Москвой и Сталинградом. Хотя фашисты ожесточенно сопротивлялись и вооружались новыми танками, самоходными орудиями и самолетами, мы понимали, что война перевалила через свой водораздел.

Мощь нашей армии усиливалась с каждым днем, приходили людские пополнения, новая мощная боевая техника. Теперь в ходе постоянных артиллерийских дуэлей мы не оставались в долгу. Активизировалась и наша авиация, штурмовики наносили все более массированные удары по вражеским войскам. В этих условиях агитаторы полка могли уже на конкретных примерах говорить о растущей силе нашей армии, готовя солдат к дальнейшим боям — за полное

освобождение Родины. Чаще всего мы беседовали с солдатами прямо в окопах.

В нашем полку, как я говорил, были люди самых разных национальностей. В связи с этим мне вспоминается один случай. Нам удалось захватить небольшой плацдарм на правом берегу Северского Донца. Туда в срочном порядке была переброшена одна рота, которая зарылась в землю буквально под носом у фашистов. Немецкая артиллерия даже не могла обстреливать позиции нашей роты, боясь задеть своих. Однажды ночью я переправился на лодке на тот берег и вдруг увидел человека с ведром. На мой вопрос "Кто идет?" ответа не последовало. Из разговора с солдатом выяснилось, что он — таджик, идет к реке за водой, а не ответил потому, что по-русски говорит плохо, и к тому же заика. Я был рад увидеть земляка, но спустя два дня, когда я снова переправился ночью на нашу "малую землю", солдата этого в живых уже не застал.

Обстановка во время нашего пребывания на Северском Донце была сравнительно спокойной. Мы "обжились" тут, привели в порядок себя и обмундирование, стали более регулярно получать газеты и журналы, политотдел дивизии даже организовывал для нас лекции. Но курорта на войне не бывает. Бои, несмотря на их "местное значение", не становились менее ожесточенными, стрельба почти не затихала. Моя работа оставалась неимоверно трудной — необходимо было постоянно обходить роты и взводы, а делать это часто приходилось под огнем.

Большую роль в развитии идеологической работы в армии сыграло постановление ЦК ВКП(б) от 24 мая 1943 г. о реорганизации структуры партийных и комсомольских организаций в Красной Армии и усилении роли фронтовых, армейских и дивизионных газет. Опыт показал, что для укрепления связи с массами необходима более широкая сеть партийных организаций. Этим постановлением в стрелковых полках были созданы партийные бюро, в батальонах — первичные, а в ротах — ротные партийные организации. Особое внимание уделялось дальнейшему расширению форм и методов агитационно-массовой работы.

Агитаторы во время боевых действий должны были находиться в батальонах, а если обстановка потребует, то и в ротах. Задачи агитаторов, в зависимости от изменяющейся боевой обстановки, также менялись. Но обычно мы проводили собственно агитацию, секретарь парторганизации осуществлял прием в партию, комсорг полка вел

работу с молодежью. Руководил всей агитационно-воспитательной работой заместитель командира полка по политической части. Все политработники действовали в тесном контакте, хотя каждый имел собственные задачи. Состав политработников в ходе боев часто менялся, но мне больше всего запомнились парторг Васильев и комсорг Адаменко. Пожалуй, это были мои самые близкие друзья тогда. Все вместе мы могли собираться только за ужином где-нибудь в землянке, куда старшина приносил нам суп или кашу.

В ходе наступательного этапа Курской битвы начали наступать и мы. Помню, накануне фашистские войска всю ночь и весь день вели сильный огонь по нашим позициям, чтобы задержать начало нашего наступления. Продвигаясь к Харькову, мы сталкивались с ожесточенным сопротивлением немецких войск. Много было снайперов на высоких деревьях, как во время финской войны.

Вспоминается бой за освобождение деревни Каменная Яруга, недалеко от города Чугуев. Немцы яростно сопротивлялись, и я провел в полку митинг, на котором еще раз объяснил бойцам важность нашей задачи. В результате успешной атаки враг вынужден был с большими потерями отступить. Ломая сопротивление фашистов, полк шел вперед. Наконец мы остановились в 10–20 км от Харьковского тракторного завода, и здесь попали под внезапный налет вражеской авиации. В эти минуты я находился в батальоне, которым командовал мой лучший друг капитан Астахов, прекрасный человек и лихой офицер. Тут мы потеряли почти половину бойцов и командиров. Бои на окраинах Харькова завязались 17 августа, город окутали разрывы снарядов, дым и пыль. Стрелковые части несколько дней вели уличные бои. 23 августа Харьков был освобожден повторно и на этот раз окончательно. В ходе боев город был сильно разрушен.

В конце августа началось гигантское сражение, известное в истории как "Битва за Днепр". Нам была поставлена задача наступать в направлении на Полтаву. Мы двинулись вперед и, преодолевая сопротивление противника, подошли к городу. Наш полк участвовал в боях за освобождение Полтавы. Это произошло 23 сентября 1943 г. Город, расположенный на возвышенном берегу реки Ворсклы, был полностью разрушен, не было ни одного более или менее целого здания. Нам встречались группы людей, которых отступающие немцы намеревались угнать с собой, но, к счастью, не успели. Все оставшиеся в городе жители радостно приветствовали нас.

Все эти события происходили в конце лета и начале осени, когда на благодатной украинской земле как раз поспевал урожай фруктов. Солдаты, особенно из республик Средней Азии и Кавказа, просто набрасывались на помидоры и огурцы, груши и яблоки, и поглощали их в огромных количествах. Из-за этого многие страдали расстройством желудка. Но людей никакими силами нельзя было оттащить от свежих овощей, по которым они истосковались — за два года войны мы их почти не видели.

Жители сел и деревень, через которые мы проходили, встречали нас как своих освободителей. Отмечу, что на Украине население далеко не испытывало таких тягот и нужды, как в Смоленской области. Многие населенные пункты Украины пострадали очень мало. Правда, отступающие фашистские войска повсюду разрушали железнодорожные пути (по ним пускали специальный паровоз с гигантским крюком — он ломал шпалы и корежил рельсы). Были разрушены почти все элеваторы, а вдоль дорог, по которым отступали немцы, лежало множество туш убитого ими крупного и мелкого скота. Словом, они уничтожали все, что не могли увезти.

Некоторые солдаты нашего полка были родом из этих мест. Одни встречали по пути родителей или родственников, другие узнавали о гибели родных и близких во время оккупации. Наши ряды с каждым днем пополнялись добровольцами из местных жителей, причем не только мужчинами, но нередко и молодыми женщинами. Полк и дивизия доукомплектовывались и за счет молодежи, призываемой в армию, а также оснащались новой боевой техникой.

После Курской битвы стратегическая инициатива перешла к советским войскам, противник откатывался на запад. Фашистские главари твердили, что отход немецких войск происходит лишь по стратегическим соображениям, происходит "выпрямление" линии фронта и т.п. На самом деле, под натиском наших войск и партизан, враг оказался не в состоянии удержать фронт на Левобережной Украине. Но впереди нам предстояло форсирование Днепра — на этом рубеже немцы надеялись остановить наступление Красной Армии.

Наша дивизия в составе 57-й армии (с 9 августа 1943 г. Степного, а с 20 октября — 2-го Украинского фронта) летом–осенью 1943 г. активно участвовала в освобождении Левобережной Украины. В ходе наступления к Днепру мы встречали все более упорное сопротивление фашистов. И чем ближе был Днепр, тем ожесточеннее оно стано-

вилось. Враг бросал в бой отборные части, которые дрались фанатично, не считаясь с потерями. Приходилось нам сталкиваться и с частями власовской "Русской освободительной армии".

Наши войска стремились форсировать Днепр до наступления холодов. Когда мы подошли к Кременчугу, был конец сентября, дыхание осени уже чувствовалось. В самом городе полк остановился лишь на несколько часов для небольшой передышки, после чего вышел на берег Днепра. Великая река выглядела мутной, серой и довольно мрачной. Здесь должна была решиться дальнейшая судьба войны.

В том месте, где мы переправлялись, был наведен единственный понтонный мост, по которому шла в основном техника. Пехота переправлялась сама, как могла. Все это происходило под ураганным огнем врага. Дальнобойные орудия с высокого правого берега обстреливали нас непрерывно, вода буквально кипела от разрывов снарядов. Над нашей головой шли беспрерывные воздушные бои, но, несмотря на прикрытие нашей авиации, самолеты противника осыпали переправу бомбами. Однако наш полк переправился в целом удачно. Немцы еще удерживали высоты правого берега, нам пришлось занять оборону под холмами на довольно протяженном участке.

Как известно, советские войска в ходе битвы за Днепр создали на его правом берегу несколько стратегических плацдармов и смогли освободить значительную часть Правобережной Украины. Наш 2-й Украинский фронт расширил захваченный плацдарм, действуя на кировоградском и криворожском направлениях. Работа политработников в этих условиях сильно осложнилась. Подразделения, выполняя конкретные боевые задачи, порой далеко отрывались друг от друга. Между тем политработники должны были во что бы то ни стало делать свое дело, информируя бойцов о ходе боев и событиях на фронте и в стране.

Я продолжал регулярно обходить все подразделения полка, невзирая на погоду или время суток. Случалось, что, не имея точных данных о местоположении подразделения, я до утра оставался в поле. Однажды близ деревни Мышеловка под Кривым Рогом я искал одну из наших рот, но потерял дорогу. Наступила полная темнота, вокруг шла ожесточенная перестрелка, и мне ничего не оставалось, кроме как спрятаться в скирду и ждать утра. Были и другие случаи, когда приходилось всю ночь просто стоять под деревом, пережидая сильный дождь, а с рассветом выяснять, где находится нуж-

ное подразделение. Ни одному полковому агитатору, особенно в пе-
хоте, не удавалось избежать таких приключений.

Были трудности и иного рода. После ухода Федчена (еще в 1942 г.) с должности заместителя комполка по политчасти мне часто приходилось исполнять эти обязанности, в том числе своевременно представлять донесения в политотдел дивизии. В боевой обстановке задержки были неизбежны, и я нередко получал замечания, не всегда заслуженные, от начальника политотдела подполковника Шабунина, который относился ко мне несколько предвзято. Возможно, причиной такого отношения был инструктор политотдела Титов. Он часто заглядывал ко мне, казался человеком дельным и дружески расположенным. Но, как потом выяснилось, не упускал случая "накапать" на меня начальству. Сам же Шабунин был человеком неплохим, с хорошим партийным стажем, но любил выпить, что отрицательно сказывалось на работе.

Невозможно описать все, что нам пришлось преодолеть — непрерывные тяжелые бои, болота, большие и малые реки, распутица. Почва здесь была глинистая, зимой и весной из-за постоянных дождей дороги превращались в кашу. Хотя у нас были сильные кони, типа орловских тяжеловозов, они часто гибли, и солдатам приходилось тащить пушки на себе. Через реки мы переправлялись своими силами, на всех доступных средствах, а иногда и вплавь. На одном из зимних ночных переходов мы таким образом форсировали какую-то реку, и я сильно простудился. Медсанбат остался далеко позади, но мне повезло: полк остановился на несколько дней, и я смог отлежаться на печке. Плеврит, который я тогда "заработал", и по сей день дает о себе знать, но на фронте на такие болезни старались не обращать внимания.

Несмотря ни на что, мы продвигались вперед. Сопротивление врага не становилось менее ожесточенным. Помню, в Кировоградской области, возле деревни Верблюжка, мы надолго задержались, выбивая немцев с железнодорожной станции Куцовка. Наконец станция была освобождена, но фашисты успели разрушить не только линию железной дороги, но и элеватор с запасом зерна. А население в тот момент остро ощущало нехватку продовольствия и семян.

Однажды в марте 1944 г., во время ночной разведки местности под растаявшим снегом мы нашли тела многих наших убитых бойцов и командиров. Я попросил солдат поискать у погибших документы. Среди этих документов была сберегательная книжка на имя пол-

ковника инженерной службы, причем на большую сумму. Был указан адрес — город Сталинабад, ул. Путовского. Я тут же написал письмо и отправил сберегательную книжку вместе с ним. Спустя месяц я получил ответ уже из Тбилиси, куда переехала жена погибшего с дочерью. Эта женщина очень благодарила меня и просила написать, где я буду после войны. Но встретиться нам так и не удалось.

В марте 1944 г. наш полк участвовал в ожесточенных боях на Южном Буге. Немцы прочно укрепились на правом берегу реки, заняли все высоты и другие выгодные позиции, с которых прицельно обстреливали нас из орудий и минометов. Днем подойти к реке было невозможно, и мы готовились к ночным переправам. Три ночи мы пытались форсировать эту сравнительно небольшую реку, но каждый раз лодки с солдатами накрывал шквальный огонь. У нас были большие потери.

Занятый нами участок на левом берегу реки был каменистый, и при каждом разрыве вражеских снарядов на нас сыпался град стальных и каменных осколков. Открыто передвигаться по берегу было почти невозможно. Я продолжал выполнять свою работу, обходя подразделения полка, беседуя с солдатами и рассказывая им новости. Однажды накануне переправы, когда я пробирался между камнями, я вдруг увидел бойца, которого раньше не знал. Он оказался таджиком, родом из Пенджикента, только что призванным в армию. Встреча с земляком на войне всегда большая радость, и мне хотелось о многом поговорить с ним, расспросить о родных краях. Однако в тот момент я никак не мог задержаться. Я обещал земляку, что как только снова буду в их расположении, мы поговорим обо всем. Но по возвращении я узнал, что его уже нет в живых: он был убит пулей немецкого снайпера. Я видел уже много смертей, и если можно так сказать, "закалился". Под огонь снайперов я тоже попадал не раз, бывало, спасался лишь тем, что притворялся мертвым. Тем не менее смерть этого юноши, так далеко от родных мест, потрясла меня. В нашей дивизии были, конечно, и другие бойцы из Таджикистана. Нередко по заданию того же Шабунина, я выступал перед ними на таджикском языке.

После двух или трех неудачных попыток форсировать Южный Буг, в которых участвовал и я, на тот берег все-таки перебралась рота автоматчиков и после ожесточенного ночного боя к утру выбила немцев из деревни Виноградный Сад[6]. Но дальнейшее продвижение застопорилось, наш авангард целый день оставался на одном месте под

---

[6] ЦАМО РФ, ф. 33, оп. 686044, д. 4633, л. 214.

огнем противника. Немцы сосредоточили здесь крупные силы и пытались любой ценой удержать советские войска за Бугом. Лишь к вечеру, после тяжелого боя, противник отступил, и путь для переправы полка, а затем и дивизии, был открыт.

В ту памятную ночь ротой, которая первой переправилась на тот берег и сломила сопротивление противника, командовал заместитель комполка по строевой части. Это был умный и добрый человек и храбрый офицер. На другой день, еще до подхода основных сил полка и дивизии, он подготовил списки особо отличившихся и представляемых к награждению. Там была и моя фамилия — я и еще трое-четверо моих товарищей были представлены к званию Героя Советского Союза. Но этому не было суждено осуществиться. В тот же день, когда мы вчетвером сидели в окопе, шальная пуля угодила нашему командиру прямо в сердце. Он успел сказать только "Прощайте, товарищи". После его гибели об этих списках как-то забыли.

В целом, как мне вспоминается, в полку, в том числе среди политработников, было очень мало награжденных. На мой взгляд, это объяснялось прежде всего тем, что командиры и старшие политработники часто менялись. Начальник же политотдела дивизии Шабунин и инструкторы политотдела плохо знали личные и деловые качества рядовых политработников. Главная причина этого заключалась в том, что Шабунин, как я уже говорил, злоупотреблял спиртными напитками, почти не вникал в политическую работу и не замечал отличившихся.

На освобожденной территории Украины началось восстановление промышленности и транспорта. Вспоминаю, как в феврале 1943 г. мы прибыли на станцию Пятихатки и туда же приехали члены правительства республики, чтобы организовать работу по восстановлению народного хозяйства. По мере освобождения Украины, политработники, помимо непосредственной работы с личным составом, часто выступали перед населением с докладами о задачах по быстрейшему восстановлению разрушенного. Если обстановка позволяла, войска также оказывали помощь техникой и выделяли солдат для участия в восстановительных работах.

Форсировав Южный Буг, советские войска вышли на оперативный простор. Напряжение боев и теперь не ослабевало, фашисты продолжали сопротивляться отчаянно. Но мы чувствовали, что сила на нашей стороне, били врага и шли вперед и вперед. К началу мая наша дивизия прошла всю Украину, достигла Молдавии и вышла к

Днестру. Всего с 9 августа 1943 г. по 1 мая 1944 г. наша 113-я стрелковая дивизия прошла с боями 1510 км и освободила 167 населенных пунктов[7]. К весне 44-го уже явно чувствовалось, что немцы в значительной степени деморализованы, вражеские солдаты стали все чаще сдаваться в плен. Среди пленных нередко встречались молодые новобранцы, совсем мальчишки, в спешном порядке отправленные на фронт. Мы брали немало трофеев, в том числе в наши руки попадали мулы, очень сильные и выносливые животные. Кстати, в качестве тягловой силы использовались также верблюды, которые таскали пушки.

Немецко-фашистское командование стремилось любой ценой удержать за собой Румынию как важнейший стратегический плацдарм на Балканах. Поэтому были предприняты отчаянные попытки вытеснить советские войска из северо-восточных районов Румынии и ликвидировать наши плацдармы на западном берегу Днестра. Нам было очень важно не только удержать, но и расширить эти плацдармы, чтобы использовать их для разгрома южного крыла германской армии и вывода Румынии из войны, а также освобождения других балканских стран.

Весной 1944 г. на Днестре развернулись ожесточенные сражения. Против нашей армии (с 22 февраля она входила в состав 3-го Украинского фронта) действовали войска немецкой группы армий "А" (с 5 апреля — "Южная Украина")[8]. С 11 по 14 апреля войска фронта переправлялись на правый берег Днестра, несколько последующих дней выбивали врага с занимаемых им высот. В результате беспрерывных боев на земле и в воздухе сопротивление врага было сломлено, мы окончательно закрепили свои позиции и временно перешли к обороне. Был самый разгар весны, цвели яблони, и в эти дни было особенно больно терять товарищей. При взятии одной из высот погиб и мой близкий друг, командир роты Юдин.

Вместо погибшего на эту должность был назначен лейтенант Ермолаев. Это был человек исполнительный и старательный, но делал он обычно ровно столько, сколько было отмерено распоряжениями старшего начальника. В боевой же обстановке он не умел учитывать меняющиеся обстоятельства и ставил перед ротой непосильные задачи, отчего мы несли большие потери. Об этом я вынужден был до-

---

[7] Московское ополчение: Краткий исторический очерк. — М., 1969. — С. 163.

[8] Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил во второй мировой войне.— М., 1971. — С. 139, 143.

ложить в политотдел дивизии, но на мой доклад никто не обратил внимания. Кончилось тем, что в одном из боев Ермолаев был тяжело ранен и потерял ногу. Помню его мрачную шутку, что теперь в Советском Союзе надо производить на один сапог меньше. Конечно, жалко было терять боевого друга, но я не мог простить ему безразличие к жизни солдат, напрасно погибавших из-за его необдуманных действий.

Однажды мы с одним из моих друзей-политработников (к великому сожалению забыл его имя и фамилию) решили сходить в наш "тыл", то есть хозяйственную часть, и заказать себе фуражки. Начальник хозчасти Алексеев, сибиряк, принес нам водки, сала и лука, и мы расположились закусить. Вдруг, случайно посмотрев вдаль, мы увидели, что наши войска отходят к реке. Сначала мы не придали этому особого значения, такое на фронте бывало часто. Однако отход очень быстро превратился в общее беспорядочное отступление, почти бегство. Несколько минут спустя мы увидели, что к самому нашему "тылу" по берегу подходит немецкая пехота и вот-вот окружит тех, кто еще остался на правом берегу, в том числе и нас. Мы мигом спустились к лесу и берегом пробрались к штабу батальона. Тем временем повальное отступление наших солдат с занятых позиций к Днестру продолжалось. Чего греха таить, некоторые отступавшие, даже офицеры, бросали оружие и скидывали форму, чтобы легче было переплыть Днестр. Из всего полка осталась лишь горстка офицеров и солдат, человек 100–150. Мы окопались на опушке небольшого леса, твердо решив стоять насмерть.

Немцы подошли к лесу, и сквозь деревья мы и враги могли видеть друг друга. Их артиллерия огонь не открывала, опасаясь задеть своих, но немецкие самолеты полностью отрезали нас от противоположной стороны реки, где находились и штаб полка, и основные силы дивизии. Трое суток, отрезанные от своих, с одним стрелковым оружием, мы удерживали нашу позицию. Кроме всего прочего, нам нечего было есть. Хорошо еще, что солдаты случайно нашли где-то в лесу мешок гороха, которым мы и питались. Немецкие самолеты постоянно летали над нашим лесочком, сбрасывая зажигательные и фугасные бомбы. Как мы уцелели, до сих пор не пойму. Лишь на третью ночь, после сильной артиллерийской подготовки, к нам наконец подошла подмога. Прорыв был ликвидирован. Этот случай показал, что враг еще силен, способен на контрмеры и накапливает силы в надежде остановить наступление наших войск.

Беспрерывные бои вымотали нас всех до крайности. Усталость вытеснила даже страх перед смертью. Казалось, никакая другая жизнь просто невозможна. Я никогда не был уверен, что вернусь домой живым, и каждую минуту был готов к гибели. Я часто рисковал жизнью, друзья даже упрекали меня за безрассудность. Но вот мы уже в Молдавии, а я до сих пор цел и невредим. Иногда и мне самому это казалось чудом.

Обо мне много писали во фронтовых газетах, особенно в нашем дивизионном "Сталинском знамени". Я пытался сохранять такие номера в планшете, но из-за частого отсутствия бумаги приходилось сворачивать "козьи ножки" из этих газет. Постепенно все их постигла эта участь. Равным образом я не сохранил и фотографии — некоторые из них я отправлял в тыл, но там их некому было беречь, другие потерял я сам. Весьма сожалею о том, что не сохранились также многочисленные благодарности командования за участие в освобождении городов и сел нашей родины. Может быть, такое отношение к свидетельствам моей фронтовой жизни объяснялось и тем, что я не очень рассчитывал вернуться с войны живым.

Но кое-что осталось. Я весьма благодарен научному сотруднику Института истории АН Таджикистана А.Н. Секретову, которому удалось отыскать в архиве Министерства обороны ходатайство о награждении меня орденом Красной Звезды. В наградном листе было указано: "Как агитатор полка, Б.И. Искандаров находился все время в боевых порядках батальонов, воодушевляя бойцов на подвиги и борьбу против фашистов. Капитан Искандаров лично ходил в атаку вместе с бойцами в боях за деревню Боровое. Проведенная капитаном Искандаровым агитработа и личное его участие в боях воодушевляли бойцов и командиров на подвиги и содействовали успешному выполнению полком боевых задач. 18 августа 1943 г. Командир 1288 СП (стрелкового полка. — *Прим. ред.*) подполковник Логинов".

За форсирование Южного Буга в 1944 г. я был награжден орденом Отечественной войны I степени. В наградном листе говорилось: "Капитан Искандаров Б.И. непосредственно находился с начала наступательных боев в боевых порядках. Там, где обстановка требовала, он лично, во главе личного состава шел в бой. В боях под станцией Куцовка 9.3.44 и под Лозоватка 17.3.44 г. он всегда шел впереди бойцов. При форсировании р. Южный Буг в районе Виноградный Сад, т. Искандаров Б.И. проводил большую подготовительную работу. Его митинги перед форсированием р. Южный Буг воодушевляли бойцов на

героические подвиги. В тяжелые минуты переправ на правом берегу р. Южный Буг, он сам под сильным артиллерийским ураганным огнем противника, переправился на ту сторону р. Южный Буг и в течение дня с бойцами, ломая сопротивление противника, выбивал немцев из домов и траншей, тем самым обеспечив возможность для переправ остальных подразделений. 25 апреля 1944 г. Командир 1288 стрелкового полка майор Потемкин".

За годы, проведенные на фронте, я видел много и хорошего и плохого. Иногда нам приходилось расстреливать подлецов и негодяев, обнаруженных в наших собственных рядах. Один из таких мерзавцев, пока его товарищи днем вели бой, уходил в близлежащую деревню, варил себе картошку и отсиживался там, а вечером возвращался на перекличку. Наши ребята это заметили, и его расстреляли. Однажды в Бессарабии, во время боевых действий, предатель пытался помешать нашим бойцам добраться до переднего края. Он был отдан под полевой суд и тоже расстрелян. Был и такой случай. Меня вызвали в штаб фронта в качестве переводчика. Оказалось, что некий Саттаров уговорил нескольких узбеков и таджиков, семь-восемь человек, бежать с ним в тыл. Часть дезертиров была схвачена, но самого главаря так и не удалось задержать. Мне пришлось быть переводчиком при допросе двух таджиков из этой группы. Потом их отправили в штрафбат.

Из-за давности лет невозможно вспомнить все, что довелось пережить на фронте. Но одно навсегда осталось в моей памяти, и мне хочется сказать об этом: фронтовое братство — не красивые слова. На фронте люди действительно становились истинными друзьями, почти братьями. Какие задушевные разговоры велись вечерами в землянке при лучинке или в минуты затишья перед боем! Были и шутки, хохот и веселье. И никто из нас не думал, кто завтра останется в живых, а кто погибнет.

11. Последние годы военной службы

К лету 1944 г. мы уже не сомневались в скорой победе. Все желали, чтобы быстрее началось новое наступление. Мы просто рвались подать руку помощи народам Восточной и Центральной Европы. Однако в моей судьбе в это время наступил новый поворот. Когда мы уже были в Бессарабии, я подготовил подробный отчет об агитационной работе в нашем полку. Он попал прямо в политотдел армии, произвел там впечатление, и поступило предложение выдвинуть меня на

должность инструктора политотдела дивизии либо корпуса. Но вместо этого я был направлен на учебу в Высший военно-педагогический институт.

Институт находился в Ташкенте (по окончании войны он был переведен в Ленинград). В нем готовили офицеров-политработников кадровой службы. Слушатели института имели разный уровень образования и политической подготовки. Однако все они были фронтовиками, среди них были и Герои Советского Союза. Срок обучения по программе военного времени составлял шесть месяцев, в конце его вручался диплом политработника какой-либо категории. Начальником института был генерал Афанасьев, в прошлом активный участник гражданской войны. Преподавателями в основном были военные, но привлекались также гражданские профессора. Замечу, что в Ташкенте, в эвакуации, тогда находилось очень много высококлассных специалистов. В целом мы получили солидный багаж знаний. Учиться в институте мне было легко, а возможность расширить образование имела для меня большое значение. К тому же за несколько лет на фронте я многое забыл, нужно было восстановить и обогатить знания, особенно по политическим и военным наукам. Проучившись в институте шесть месяцев, я в феврале 1945 г. получил диплом с квалификацией армейского лектора.

В те дни на фронтах еще шли ожесточенные бои и мы, офицеры-политработники стремились быстрее вернуться в действующую армию. В конце февраля 1945 г. я и еще несколько офицеров прибыли в Москву в распоряжение Главного политического управления Красной Армии. В Главпуре тогда служили несколько человек, с которыми я учился в Ленинграде до войны. Они уговаривали меня остаться при Главпуре, но я не изменил своего решения ехать на фронт. Конечно, там было опасно, однако, когда у человека есть желание победить, он не думает о гибели.

Ознакомившись с моим личным делом, заместитель начальника управления сказал, что куда я захочу поехать, туда меня и пошлют. Видимо, свою роль сыграла исключительно похвальная характеристика, данная мне командованием военно-педагогического института. Я просил о направлении меня в мою "родную" 113-ю дивизию, к моим однополчанам, с которыми было столько пройдено и испытано. После долгих раздумий начальство в конце концов удовлетворило мою просьбу и направило в действующую армию, но не в 113-ю дивизию. В составе группы офицеров из числа выпускников военно-пе-

дагогического института я выехал в Словакию, через Румынию и Венгрию. Страны, через которые мы ехали к линии фронта, были сильно разрушены, города стояли в развалинах. Бои, конечно, здесь шли сильные, но разрушения причинялись отчасти сознательно американской и британской авиацией. Они усилили бомбардировки — под видом ударов по немецким войскам, — когда стало ясно, что эти страны будут освобождены Красной Армией.

После долгого пути мы прибыли в резервный пункт политработников, расположенный недалеко от Братиславы. Здесь ожидали назначения офицеры-политработники старшего и среднего звена. Много было очень образованных людей с большим боевым стажем, их силами ежедневно проводились лекции и доклады. Хотя все чувствовали, что конец войны близок, каждый все равно жил ожиданием того дня, когда должен будет отправиться на фронт. Наконец я был вызван в вышестоящий политотдел, где мне предложили отправиться на Дальний Восток. Я немедленно согласился, но беда состояла в том, что подразделение, которому требовался политработник, было кавалерийским. В кавалерии я раньше никогда не служил, поэтому, несмотря на мое искреннее стремление, моя кандидатура не подошла. Мое личное дело, к сожалению, так и осталось в политотделе и не было возвращено на резервный пункт.

Наступил счастливый, долгожданный день 9 мая, день нашей великой победы. Через некоторое время всех нас отправили на службу, но уже по другой линии. На мою долю выпала должность лектора в лагере репатриантов, которые после фашистской неволи возвращались в СССР. Лагерь находился на территории Австрии. Сюда свозили не только бывших военнопленных, но и людей, угнанных фашистами с временно оккупированных советских территорий. Кроме своей основной работы — чтения лекций, — я также выполнял обязанности секретаря парторганизации и входил в состав "тройки". Работы у нас было много — в лагере было несколько тысяч человек, и все они требовали тщательной проверки, особенно бывшие военнопленные. Среди них были разные люди, в званиях от рядового до полковника.

В лагере я служил несколько месяцев, после чего уехал в Баден, в штаб Центральной группы войск, а затем в Вену. Наступила осень, а с нею и холода. Гостиницы в Вене не отапливались, я простудился и заболел. Мой приятель-однополчанин, с которым я случайно встретился, устроил меня к одной старухе-чешке. Вскоре я и мой товарищ

были снова переведены в резерв. Резервный пункт находился в районе города Штоккерау, к северу от Вены. Здесь я встретил старых друзей — М.Тошмухаммедова и С. Исмаилова. Радость, конечно, была большая, я радовался бы любой встрече с земляками, но особенно приятно было видеть Тошмухаммедова, с которым мы выросли в одних и тех же местах.

Теперь я был полон решимости демобилизоваться, тем более, что здоровье мое было подорвано. Однако мои надежды на демобилизацию не осуществились. Дело было так. В первый же день по приезде ко мне подошел офицер и спросил, почему я не на занятиях. Я ответил, что только что приехал и неважно себя чувствую, но этот офицер не принял мои объяснения во внимание и приказал идти на занятия. Лекция о революционной деятельности российской социал-демократии в 90-х годах прошлого века (если память мне не изменяет, полковник, ее читавший, до войны работал редактором одной из газет на Украине) была весьма интересной. По окончании лекции желающим предложили выступить, но все молчали. Я сидел позади всех в большом полутемном зале, аудитория была мне совершенно незнакома. Но видя, что никто не хочет выступить, я попросил слова и говорил долго, 30–40 минут. Мое выступление произвело на аудиторию, в том числе на командование, довольно сильное впечатление. Вечером меня вызвали в политотдел, где поручили два раза в месяц выступать с лекциями. Для подготовки к ним я должен был выехать в штаб Центральной группы войск в Бадене.

Я был рад такому решению и собирался отправиться на следующий же день, но не тут-то было. Ночью меня вызвали в штаб и приказали ехать в Баден, но не для подготовки к чтению лекций, а за новым назначением. В Бадене, по решению начальника отдела кадров Центральной группы войск (если не ошибаюсь, полковника Угрюмова), я получил предписание явиться в распоряжение штаба 34-го гвардейского стрелкового корпуса 5-й гвардейской армии. В этом корпусе на должности старшего инструктора политотдела по пропаганде я служил вплоть до демобилизации.

Командовал корпусом Герой Советского Союза генерал-майор (затем генерал-полковник) Г.В. Бакланов, молодой и энергичный человек. Начальником политотдела был полковник Хвалей, на вид суровый, но справедливый и требовательный без придирчивости. Он всегда с уважением относился к подчиненным, за что все мы искренне уважали и любили его. Штаб корпуса размещался в Урфаре, “но-

вом городе" старинного города Линца. Урфар расположен на левом берегу Дуная и соединяется с Линцем мостом. Мост тогда с одной стороны охраняли наши, а с другой американцы. Входившие в корпус части были разбросаны по разным районам северной Австрии и мне приходилось посещать их все, порою передвигаясь на "гражданских" автобусах и поездах.

Я работал с командным составом и руководящими политработниками на уровне дивизии и бригады. Офицеры корпуса, особенно старшие, были людьми заслуженными, имели высокие награды. Я же был всего-навсего капитаном и имел только два ордена и несколько медалей. Некоторые офицеры корпуса встретили меня не совсем доброжелательно, но буквально через несколько дней даже тень недоверия исчезла, и у меня появилось много друзей. Помню своеобразное испытание, выдержанное мною. Я часто слышал, что ни один политработник не сможет подготовить лекцию о четвертой главе "Краткого курса истории ВКП(б)". Сначала я не придавал этому особого значения, но потом подумал, решился и обратился к заместителю начальника политотдела за разрешением выступить на эту тему. Спустя несколько дней были собраны все офицеры штаба корпуса, и я в течение почти трех часов выступал перед ними. Я и сам не ожидал, что мое выступление вызовет такой положительный отклик среди слушателей. Это во многом помогло наладить взаимопонимание с новыми сослуживцами. Очень скоро я был избран членом партбюро корпуса, участвовал в инспекторских проверках, читал лекции на темы дня.

Наступило лето 1946 года и наш корпус должен был возвращаться в Советский Союз. По распоряжению начальника политотдела я был откомандирован в город Мадхаузен с поручением наблюдать за движением идущих домой эшелонов, поддерживать порядок и дисциплину на железнодорожной станции. Местная полиция выделила нам комнату у хозяина одного из пивных баров, из окон которой была хорошо видна станция. Здесь я жил несколько дней, пока не ушел последний эшелон. Спустя несколько дней с последними подразделениями выехал на родину и я. Корпус прибыл на Украину, его штаб расположился в Староконстантинове (под Шепетовкой), а вокруг были расквартированы части и подразделения. Обстановка в западных районах Украины была еще не совсем спокойной. Республика переживала трудные дни, но ее народное хозяйство уже начало вос-

станавливаться. Подразделения Советской Армии тоже оказывали населению большую помощь.

Жизнь страны переходила на мирные рельсы, началась массовая демобилизация Советской Армии. На смену ветеранам, в том числе и в политотдел, приходило новое поколение офицеров. Я с полным правом мог считать, что выполнил свой долг перед Родиной, и окончательно решил демобилизоваться. Весной 1947 г. я подал рапорт о демобилизации по собственному желанию. Главное политическое управление сначала отказало, но в конце весны моя просьба была удовлетворена. Потом выяснилось, что тем временем из Ташкента был направлен запрос об откомандировании меня в распоряжение Туркестанского военного округа. Но пока письмо шло, я уже успел демобилизоваться.

Проводить меня собрались мои друзья, с которыми я прослужил более двух лет, такие же фронтовики, как и я. Все уговаривали меня остаться в армии, даже пугали, что на "гражданке" будет тяжело. Попрощались мы очень тепло и дружески, и воспоминания об этом я храню всю свою жизнь. Итак, почти шесть лет военной службы остались позади.

Глава IV
НАУКА

12. Защита диссертации и работа в Институте истории АН Таджикистана

Я так соскучился по родным местам, что поехал прямо в Таджикистан. Но радость возвращения омрачилась тем, что практически никто, даже мои хорошие знакомые, не выказал ко мне участия, не расспросил, где и как я служил, и самое главное — не посоветовал, как устроиться на работу. Я воевал честно, выполнил свой долг перед Родиной, и горько было чувствовать, что это мало кого интересует. Многие чиновники вовсе не считали, что фронтовики заслуживают какого-то особого внимания, обычной отговоркой было "все воевали". Между тем республика остро нуждалась в кадрах, в том числе в области народного образования и культуры.

За время моего отсутствия — с 1940 по 1947 год — положение с кадрами в Таджикистане изменилось отнюдь не в лучшую сторону. Очень много специалистов погибло на войне, другие уехали. Некоторые поднялись по служебной лестнице и нередко относились к возвращавшимся фронтовикам как к конкурентам или отмахивались от нас как от назойливых просителей. Единственный, кто захотел оказать мне "добрую услугу", был А. Маджлисов, тогда заведующий методическим кабинетом при Министерстве просвещения. Он посоветовал мне занять его место, так как сам он почти закончил диссертацию и собирался уехать для ее окончательного завершения. Нечего больше думать о науке, сказал он на прощанье, а лучше занять его должность, пока она свободна. Поблагодарив его за "помощь", я ушел. Хотелось мне позвонить Б.Г. Гафурову, который к тому времени был уже первым секретарем ЦК Компартии Таджикистана, но неловко было отвлекать такого занятого человека. Мне оставалось одно — сохранять достоинство и надеяться на будущее.

Я решил поискать работу в Москве. В Сталинабаде я зашел в обком партии, попросил, чтобы мою учетную карточку переслали в Москву, и уехал. В Москве я первым делом зашел в Институт истории АН СССР. Там мне посоветовали продолжить учебу в аспирантуре, а на мое возражение, что я уже "старый", я получил ответ, что для науки возраст значения не имеет. Окончательно меня убедил профессор И.М. Разгон, который тогда работал с академиком И.И. Минцем. Добрые советы и дружескую поддержку профессора Разгона я помню по сей день.

В июне 1947 г. я снова поступил в аспирантуру Института истории АН СССР в Москве. И.М.Разгон стал моим первым научным руководителем. Выбирая для меня тему диссертации, он исходил прежде всего из того, что в армии я был политработником, потому предложил тему "Предпосылки образования Таджикской ССР". Профессор Разгон считал также, что защищаться мне надо как можно скорее, а поскольку тема эта мне близка, диссертацию я смогу написать очень быстро.

После службы в армии жить на одну аспирантскую стипендию было непросто. К тому же ко времени моего восстановления в аспирантуре некоторые мои сверстники уже защищали докторские диссертации, что задевало мое самолюбие. Но отношение ко мне в институте было весьма доброжелательным, особых трудностей при сдаче кандидатского минимума и написании диссертации я не испытывал, так что все опасения, что я уже "в летах" и мне не стоит продолжать учебу, оказались напрасными. Я снова засел за книги, стремясь наверстать упущенное. Главным местом моего пребывания в то время была Государственная библиотека имени Ленина (сейчас Российская государственная библиотека), где я просиживал целые дни, с открытия и до закрытия.

В те годы среди аспирантов Академии наук было очень много фронтовиков. Одни только поступили, другие восстановились в аспирантуре и продолжали работу над диссертациями. Мы жили в общежитии на Малой Бронной и чувствовали себя очень счастливыми — мы живыми вернулись с войны и снова занимались наукой. Часто вспоминали мы товарищей, погибших на фронте. Из моих друзей, с кем я учился в аспирантуре до войны, не вернулся почти никто.

В первый год аспирантуры я не только сдал кандидатский минимум, но и завершил черновой вариант диссертации. Но мне не очень повезло по части научного руководства. Случилось так, что профес-

сор Разгон уехал работать в Томский университет, и после его отъезда я попросил назначить моим научным руководителем генерала С.П.Тимошкова, активного участника гражданской войны и борьбы с басмачеством (в 1919 – 1920 гг. он был командующим Закаспийским фронтом Туркестанской республики и Закаспийской армейской группой Туркестанского фронта, начальником 1-й Туркестанской стрелковой дивизии, в 1921 – 1922 гг. командовал войсками Туркестанской области).

Моя тема ему не понравилась. Помню его слова: "Вы солидный человек, а занимаетесь несолидной темой". Он рекомендовал мне тему по гражданской войне, а именно — провал английской интервенции в Средней Азии в 1918 – 1920 гг. Тема была сложной, потребовала большой работы в архивах, причем большую помощь в подборе материала оказал мне сам С.П.Тимошков. Через год, осенью 1949 г., диссертация под окончательным названием "Бухара в 1918 – 1920 гг.: ликвидация Бухарского эмирата — очага английских интервентов и российской контрреволюции в Средней Азии)" была в основном завершена. В ней, помимо истории интервенции, освещался также ход подготовки Бухарской народной революции и руководящая роль в ней Бухарской Компартии.

Но и С.П. Тимошков уехал из Москвы. Научным руководителем мне назначили профессора А.В. Пясковского. В 30-е годы он работал в Средней Азии, был высокообразованным человеком и прекрасным редактором. Однако по характеру он оказался довольно капризным и придирчивым. К моей диссертации он на первых порах отнесся неодобрительно, надолго ее задержал и вернул с множеством замечаний. Хотя не все его замечания я счел обоснованными, пришлось их учесть. В редактировании текста мне очень помог мой старый друг А. Шелюбский (во время Гражданской войны он был связистом у И.И. Минца, тогда комиссара дивизии). Тем временем мой срок в аспирантуре истек и пришлось испросить дополнительные три месяца, чтобы защитить диссертацию.

Наконец в 1950 г. я успешно защитил диссертацию в Институте истории. Одним из неофициальных оппонентов на защите был генерал-лейтенант Климентов, в прошлом активный участник Гражданской войны в Средней Азии, командир эскадрона в дни свержения бухарского эмира в 1920 г. Сам академик Б.Д. Греков на защите не присутствовал, но, как потом мне передали, очень обрадовался мое-

му успеху, сказав, что помнит меня еще совсем юношей и своим учеником в Ленинграде, в ЛИФЛИ. Не скрою, я был очень польщен.

Сразу после защиты большой раздел диссертации был опубликован в Москве в сборнике "Исторические записки"[9] под редакцией академика Грекова. Спустя несколько лет вся работа целиком вышла в издательстве Академии наук Таджикистана под названием "Бухара в 1918 – 1920 гг.: ликвидация Бухарского эмирата — очага английской интервенции и российской контрреволюции в Средней Азии"[10].

Осенью 1950 г. я вернулся в Душанбе и поступил на работу в Таджикский филиал АН СССР, в Институт истории, языка и литературы, на должность старшего научного сотрудника. Начался новый этап на моем "пути к знанию". Но прежде хочу рассказать, как проходило в Таджикистане становление академической науки, в частности истории.

Первым академическим учреждением республики стала база АН СССР, руководил ею академик С.Ф. Ольденбург[11]. Она была образована в 1932 г., в ее составе был создан и Сектор истории, языка и литературы. Научных сотрудников тогда было немного, в основном молодежь. В 1941 г. база была преобразована в филиал АН СССР, который возглавил известный ученый-биолог академик Е.Н. Павловский. Сектор истории, языка и литературы стал институтом в составе филиала. Благодаря созданию филиала научно-исследовательская работа в республике значительно расширилась. Но научных работников по-прежнему было недостаточно, в том числе и в сфере общественных наук. Исследования велись в основном в области филологии, историческими же дисциплинами никто особенно не интересовался, да и некому было руководить их развитием.

Жизнь требовала неотложной реорганизации филиала в республиканскую академию наук. Роль и значение Таджикистана в общесоюзном масштабе заметно возросли после войны и продолжали увеличиваться с каждым годом. Развитие экономики и культуры республики требовало масштабных научных исследований и соответствующего обеспечения их кадрами. Филиал уже не справлялся с этими задачами. Кроме того, организация академии в наиболее отсталом

---

[9] *Искандаров Б.И.* "Подготовка Англией Бухарского плацдарма для интервенции в Советский Туркестан (1918—1920 гг.)" // Исторические записки. —Т. 36. – М., 1951. — С. 32–63.

[10] В кн.: Труды АН Таджикской ССР. – Т. 19 (Материалы по истории Средней Азии и Таджикистана). — Душанбе, 1958. — С. 3–67.

[11] См.: Сергей Федорович Ольденбург. — М., 1986.

до революции регионе имела и большое международное значение, свидетельствовала об успехах ленинской национальной политики, проводившейся партией и правительством.

Весной 1951 года в республике была учреждена Академия наук. Это событие (вслед за созданием в 1948 г. по решению Совета Министров СССР Таджикского государственного университета им. В.И.Ленина) имело колоссальное значение для экономического и культурного развития республики. Огромная заслуга в создании нашей академии принадлежит Академии наук СССР, лично Е.Н.Павловскому и первому секретарю ЦК Компартии Таджикистана Б.Г. Гафурову, который уделял много внимания укреплению кадров Академии.

На долю первого поколения советской интеллигенции Таджикистана выпала огромная работа по организации нашей академии. Вице-президентами АН республики стали Б.И. Ниязмухаммедов, который некоторое время был заместителем академика Павловского, и В.Н. Смольский. Немаловажную роль в практическом руководстве академией играл И.К. Нарзикулов, крупный экономист, в прошлом председатель Госплана Таджикской ССР. Большое участие в укреплении и развитии академии приняли академик АН Таджикской ССР А. Плешков, И.С. Брагинский, А.Ю. Якубовский, И.Н. Антипов-Каратаев и другие.

С созданием академии развитие науки в Советском Таджикистане получило мощный импульс. Одновременно был образован еще ряд научных учреждений, и число их с каждым годом увеличивалось. В республике постепенно формировались научные силы, способные решать все более сложные и масштабные научные проблемы. К этому поколению интеллигенции принадлежат такие ученые, как А. Богоутдинов, З.Ш. Раджабов, А. Мирзоев и многие другие.

По инициативе Б.Г. Гафурова в Таджикистан был приглашен известный ученый-востоковед А.А. Семенов, который стал первым академиком АН Таджикистана и директором Института истории, археологии и этнографии, созданного в том же 1951 году в составе АН Таджикистана. А.А. Семенов пользовался большим уважением в СССР и за рубежом. Большую часть своей жизни он провел в Средней Азии и еще до революции опубликовал ряд работ по истории, этнографии и культуре народов этого региона, в том числе Таджикистана. Крупнейший знаток восточных языков, он изучал рукописные памятники на многих из них. Академик Семенов много сделал в об-

ласти подготовки квалифицированных научных кадров для Таджикистана и для Средней Азии в целом[12].

Одновременно с А.А. Семеновым, в институт на должность заведующего сектором археологии и нумизматики был приглашен тогда еще молодой археолог Б.А. Литвинский, впоследствии академик АН Таджикской ССР и заведующий отделом Института востоковедения АН СССР. Сотрудником сектора стала и его супруга — Е.А. Давидович, крупный специалист в области нумизматики. Впоследствии они переехали в Москву, но не прервали своих связей с Таджикистаном. Б.А. Литвинский являлся руководителем Южно-Таджикской археологической экспедиции.

Институт истории в то время был совсем небольшим, здесь работало 30–35 человек, некоторые еще даже не имели кандидатской степени. Но постепенно здесь начали собираться молодые ученые, только что защитившие кандидатские диссертации, — В.А. Козачковский, А.Д. Джалилов, И.А. Стеценко, Н.Н. Негматов, А.М. Мухтаров, М. Рахимов, Л.П. Сечкина, К.А. Богомолова (Гафурова), Н.Х. Нурджанов и другие.

По мере становления и роста республиканской академии перед Институтом истории ставились все новые задачи. Велись широкие исследования по истории советского общества, бурно развивались археология, этнография и другие исторические дисциплины. В "Известиях" Отделения общественных наук АН Таджикистана публиковались статьи, в которых рассматривались вопросы истории и культуры таджикского народа как до революции, так и в советский период. Значительных успехов достиг и сектор истории искусств, которым руководил доктор искусствоведения Н.Х. Нурджанов.

Множество открытий в те годы было сделано в области археологии Таджикистана. Были обнаружены уникальные памятники, свидетельства богатого культурного наследия таджикского народа. Большая заслуга в этом принадлежит И.М. и М.М. Дьяконовым, А.П. Окладникову, А.Ю. Якубовскому и другим. По их стопам начал вести активные раскопки в южном Таджикистане Б.А. Литвинский. Раскопки в древнем Пенджикенте, начатые в 1948 г. членом-корреспондентом АН СССР Якубовским, продолжили затем доктора исторических наук В.А. Беленицкий и Б.И. Маршак, кандидат исторических наук Исаков и другие. Начались раскопки шахристана (цитадели в

12 *Литвинский Б.А., Акрамов Н.М.* Александр Александрович Семенов (научно-биографический очерк). — М., 1971.

центральной части города) в древнем Бунджикате, которыми руководил Н.Н. Негматов (ныне академик АН Таджикской ССР).

Говоря о развитии этнографической науки в республике, нельзя не упомянуть члена-корреспондента АН СССР М.С. Андреева, одного из зачинателей этнографии в Таджикистане. Еще сравнительно молодым человеком он в начале XX в. приступил к планомерному изучению наиболее труднодоступных горных районов, веками оторванных от внешнего мира. На примере долины Хуф он сделал исчерпывающий этнографический обзор верховьев Пянджа. Его труды до сих остаются бесценным вкладом в этнографию[13].

Учениками М.С. Андреева были А.К. Писарчик и Н.Н. Ершов. Под их руководством сотрудники сектора этнографии М. Рахимов, И. Мухитдинов, М.А. Хамиджанова, З.А. Широкова, Н.Х. Нурджанов и другие приступили к комплексному этнографическому обследованию Таджикистана. К концу 50-х годов они собрали обширный материал, на основе которого были подготовлены серьезные труды по этнографии отдельных районов республики. Нельзя упустить из виду и крупного историка и этнографа, замечательного человека и подлинного труженика науки Н.А. Кислякова, автора многих работ по истории и этнографии горных районов Таджикистана.

Главная трудность при изучении истории дореволюционного Таджикистана — недостаток архивных материалов. Как в фонде кушбеги (главы правительства Бухарского эмирата) в Бухаре, так и в архиве канцелярии Туркестанского генерал-губернаторства в Ташкенте сохранилось очень ограниченное количество документов, в основном относящихся к позднему периоду существования эмирата. Это побудило сотрудников института предпринять поиски письменных источников среди населения. Энергичную деятельность развил сектор истории средних веков в главе с будущим академиком АН Таджикской ССР А.М. Мухтаровым. Была собрана масса документов, проливающих свет на социально-экономический и политический строй дореволюционного Таджикистана.

Все собранные исторические, этнографические, археологические и другие материалы стали хорошей основой для дальнейшего развития исторической науки в нашей республике. Уже к концу 50-х годов был собран достаточный материал для написания фундаментальной "Истории таджикского народа". Огромную роль в подготовке

---

13 Об этом замечательном человеке см.: *Акрамова Х.Ф., Акрамов Н.М.* Востоковед Михаил Степанович Андреев (научно-биографический очерк). — Душанбе, 1973.

этого капитального труда сыграл А.А. Семенов. Завершена эта работа была уже после его кончины.

Накануне организации Академии мне было предложено подготовить статью о развитии науки и культуры в Таджикистане. Помню, как туго она мне давалась, не только из-за того, что я почти десять лет провел вне республики, но и потому, что источников было явно недостаточно. Написанная мною статья была использована Д.Расуловым для доклада к открытию Академии. Позднее статью опубликовал журнал "Садои шарк" ("Голос востока") на таджикском языке. В преддверии открытия Академии я по поручению отдела пропаганды ЦК Компартии республики ездил по районам и областям Таджикистана и выступал с докладами о развитии науки и культуры.

В 50-е годы я, помимо основной работы, нес большую общественную нагрузку. На протяжении нескольких лет я постоянно избирался секретарем партбюро института, и надо сказать, это отвлекало меня от занятий наукой. Правда, я часто печатал популярно-просветительские статьи в республиканских газетах "Коммунист Таджикистана" и "Маориф ва маданият" ("Просвещение и культура") по самым различным вопросам истории Таджикистана, в том числе о революционных событиях начала века. Из научных работ мне лишь к 1953 г. удалось подготовить две статьи для "Известий" Отделения общественных наук нашей АН: "Из истории борьбы за установление Советской власти в Таджикистане" и "Восстание крестьянских масс Таджикистана (Восточная Бухара) под руководством Восе" (обе вышли в четвертом выпуске "Известий").

Первоначально я намеревался продолжить в Таджикистане исследования по истории советского периода. Это направление после долгой политической работы в армии более всего привлекало мое внимание, да и моя кандидатская диссертация в значительной степени затрагивала его. Но ко времени моего возвращения в Душанбе наиболее актуальным стало освещение истории Таджикистана до Октябрьской революции. За исключением небольшой работы Б.Г. Гафурова и Н.Н. Прохорова "Таджикский народ в борьбе за свободу и независимость своей Родины: Очерки из истории таджиков и Таджикистана" (Сталинабад, 1944), трудов по дореволюционной истории Таджикистана не было.

К моменту моего приезда директором Института истории, языка, литературы (тогда еще филиала АН) был А. Мирзоев. Именно он настоял, чтобы я подготовил статью о восстании Восе, и я начал соби-

рать материалы для нее. Очень помог мне А.А. Семенов, передавший в мое распоряжение ранее неизвестный документ об этом событии. Согласно документу, восстание произошло не в 1885 году, как утверждалось в других работах, прежде всего в книге Б.Г. Гафурова и Н.Н. Прохорова, а в 1887 либо 1888 году. А. Мирзоев принял мою статью в штыки, заявив, что я неправильно датировал восстание. Пришлось резко поспорить с ним. Я отстоял свое мнение и предложил А. Мирзоеву перенести дискуссию в печать. Однако он не смог представить убедительные данные, опровергающие мою датировку.

Изучая литературу, имеющую отношение к восстанию, я не мог не заметить, что некоторые авторы, даже 1940-х годов, грубо искажают историю Восточной Бухары и Памира. Наличие "белых пятен" в истории этого периода отмечал еще академик В.В. Бартольд. Осмыслив степень изученности — или, скорее, степень неизученности — этого вопроса, я укрепился в мысли, что мне следует перейти к исследованию истории дореволюционного Таджикистана. Немаловажную роль в моем решении сыграл опять-таки А.А. Семенов, который очень интересовался моей работой. Я решил досконально изучить и систематизировать социально-экономическую и политическую историю Памира и юго-восточных районов современного Таджикистана в XIX — начале XX вв. Это решение стало новым этапом в моей научной биографии.

Но работа не всегда шла гладко. Тогда, в 50-е годы, мне постоянно не хватало времени. Кроме работы в институте, я преподавал в университете и в пединституте. Как я уже говорил, каждый год, вплоть до 1956 г., меня избирали секретарем парторганизации института. Одновременно я вел кружок истории партии в каком-либо учреждении и выступал с докладами по поручению райкома и горкома партии. Как внештатному лектору ЦК Компартии республики, мне периодически приходилось выезжать в районы для чтения лекций на разные, в том числе атеистические, темы. Все это и многочисленные разовые поручения отнимали у меня много времени, бывало, что я едва успевал сделать свою плановую работу. В результате до второй половины 50-х годов я не мог сосредоточиться на одной магистральной теме, ограничиваясь написанием статей и научных докладов.

Условий для полноценной научно-исследовательской работы в те годы в республике еще не было. Централизованная архивная система только начала формироваться, республиканская и академическая библиотеки были недоукомплектованы. Одной месячной команди-

ровки в год далеко не хватало, и во время отпусков приходилось вместо отдыха сидеть в архивах и рыться в годами не тронутых пыльных бумагах в поисках сведений о дореволюционном Таджикистане. Да и получить командировку, даже в Ташкент, я мог не всегда. Отказ, как правило, объясняли тем, что мое присутствие в институте крайне необходимо. Нередки были случаи, когда мне не платили зарплату, если я задерживался в командировке.

Дело давнее, и теперь могу сказать, что ученый секретарь института И.А. Стеценко и заведующий сектором истории В.А. Козачковский относились ко мне не совсем честно, порой вводя в заблуждение нашего директора Семенова и не вполне объективно информируя его о моей работе. На все это я старался не обращать внимания — жаловаться или требовать для себя каких-то привилегий было не в моем характере. Я все равно упорно продолжал свои изыскания и уже начал думать о подготовке докторской диссертации по истории Восточной Бухары и Памира в XIX в.

Многие мои коллеги пытались уверить меня, что я не сумею справиться с этой темой, потому что она не обеспечена источниками. С особенным сомнением к моему замыслу относился А. Богоутдинов, не раз высказывавшийся в том смысле, что данная тема "недиссертабельна". У меня был один способ убедить скептиков — успешно защитить диссертацию. Избранная мною тема была не только актуальной — как я уже отмечал, история Таджикистана второй половины XIX в. оставалась тогда практически неисследованной, — но и захватывающе интересной. Жители Памира всегда дорожили своей независимостью и самобытной культурой и стремились сохранить их во что бы то ни стало. Этому помогала географическая изолированность высокогорных районов. Даже если народы Памира попадали во временную зависимость от других государств, то она была скорее номинальной.

Вопреки пессимистическим прогнозам, источниковая база оказалась достаточно обширной. Не буду перечислять использованные мною материалы, скажу лишь, что очень много времени заняла работа в архивах, нужные сведения приходилось собирать буквально по крупицам. Я долго работал, в частности, в Центральном военно-историческом архиве в Москве (сейчас Российский государственный военно-исторический архив) и в Государственном архиве Узбекской ССР. В этих и других хранилищах можно было найти ценные документы по истории, экономике и культуре Таджикистана и всей доре-

волюционной Средней Азии. Огромное значение для моей работы имели архивные фонды дипломатических чиновников Туркестанского генерал-губернаторства и архивы кушбеги. В фонде генерал-губернаторства сохранились обширные и ценные сведения о Туркестане и сопредельных странах, особенно за период управления Туркестаном генерала К.П. фон Кауфмана (1867 – 1882).

Много важной информации я почерпнул в издававшихся в Ташкенте до революции газете "Туркестанские ведомости" и журнале "Туркестанский сборник". В "Туркестанских ведомостях", официальном органе Туркестанского генерал-губернаторства (выходили с 1870 года) публиковались сообщения, исходящие от русских властей Туркестана, а также научные статьи русских исследователей Туркестанского края. В "Туркестанском сборнике" помещались материалы, касавшиеся почти всех отраслей знаний о Туркестане, включая статьи, переведенные с западноевропейских языков. Печатавшиеся в этих изданиях ученые, порою с мировыми именами, фактически открыли для европейской науки историю и культуру Средней Азии. Значение "Туркестанских ведомостей" и "Туркестанского сборника" как собрания материалов по истории и культуре Средней Азии сохраняется и по сей день.

Горные районы Бухары и Памира долгое время оставались практически не изученными, представляли собой сплошное "белое пятно". С присоединением Средней Азии к России русские ученые и путешественники приступили к планомерному исследованию этих районов. Результаты исследований оформлялись в виде многочисленных монографий, статей, публиковавшихся в журнале "Записки Русского Географического общества" и в других изданиях. Весь этот огромный массив данных по истории и этнографии Таджикистана и Памира, несмотря на неизбежную свою ограниченность, имеет первостепенное значение и для современного историка.

Но и этих источников было недостаточно для полноценного освещения некоторых вопросов. Поэтому я несколько раз объездил отдаленные районы Таджикистана в поисках документов той эпохи, сохранившихся у старожилов (чаще всего встречались купчие крепости, так называемые "восике"). Я также не упускал из виду и устную традицию и старался записывать рассказы и предания, передававшиеся из поколения в поколение. Эта работа оказалась трудной и не очень результативной. Испокон веку ни местные правители, ни подвластное им население не обращали особого внимания на

сбережение текущих документов. Поэтому, несмотря на мои усиленные поиски и расспросы, мне редко удавалось найти что-либо существенное. Более того, нередко местные жители избегали разговоров со мной или отказывались отдавать хранящиеся у них старые документы. Но тем не менее мои усилия не были совсем уж напрасными, и мне удалось записать некоторые важные сведения.

Из новейшей отечественной литературы заслуживали внимания труды ученых Среднеазиатского (затем Ташкентского) государственного университета. Наконец, я постарался по возможности внимательно изучить и труды, опубликованные на других языках. Но их было очень мало, а точность данных, приводимых афганскими и английскими авторами, часто оказывалась весьма относительной.

В дни работы над диссертацией мне нередко приходилось встречаться в Ташкенте с А.В. Станишевским. Об этом человеке я слышал давно, но познакомиться с ним мне довелось осенью 1944 г., когда я прибыл в Ташкент на учебу в Высший военно-педагогический институт. Тогда Станишевский неоднократно уговаривал меня остаться в Туркестанском военном округе, где он в то время служил. Еще в молодости, в 20-е годы, А.В. Станишевский не раз бывал на Памире, хорошо знал жизнь местного населения и написал несколько работ об этих краях. Позднее он работал в Москве и в Ташкенте, где был постоянным членом Ученого совета Государственного музея. Его хорошо знали Б.Г. Гафуров, А.А. Семенов и другие, он был дружен с Н.А. Халфиным. Станишевский хорошо знал историю Средней Азии и имел ряд работ по этой тематике, в том числе о Гражданской войне. Станишевский, несомненно, обладал дарованием публициста, но это достоинство оборачивалось и недостатком — он нередко излагал факты и делал выводы не опираясь на документы и источники, что в конечном итоге снижало научную ценность его трудов. Печатался он под псевдонимом Азиз Ниалло. Когда я собирал материал для диссертации, он часто давал мне добрые советы и даже разрешил воспользоваться некоторыми материалами из своего архива. Кстати, от него я узнал, что отдельные архивные работники просто скрывали от меня некоторые документы.

В ходе подготовки диссертации я проделал громадную работу, выявляя и сопоставляя факты и проверяя правильность своих гипотез. План будущей диссертации я представил А.А. Семенову, который отозвался о нем весьма положительно и сделал ряд полезных замечаний. Осенью 1956 г., когда черновой вариант работы был уже

готов, я случайно натолкнулся на объявление в газете "Известия" о выделении двух вакансий для докторантов при Институте востоковедения АН СССР. Я подготовил необходимые документы, приложил экземпляр своей будущей работы на 700 страницах и направил все это в институт. Я назвал диссертацию "Восточная Бухара и Памир в последней трети XIX века", хотя она охватывала фактически всю вторую половину XIX в.

Директором Института востоковедения в то время был академик А.А. Губер, крупнейший ученый и замечательный человек. Я знал его еще до войны, будучи аспирантом Института истории в Москве, где он тогда работал. Рукопись моя произвела положительное впечатление и в январе 1957 г. решением Президиума АН СССР я был принят в докторантуру. Когда А.А. Семенов узнал об этом, он удивился и даже немного обиделся. Оказалось, он сам хотел быть моим научным консультантом, но не сказал мне об этом из скромности.

В Москве я по совету профессора И.С. Брагинского попросил А.М. Дьякова, известного востоковеда-индолога, в прошлом крупного партийного и советского работника Таджикистана, быть моим консультантом. А.М. Дьяков и И.С. Брагинский отнеслись ко мне со вниманием и весьма помогли мне. Оба они были связаны с Таджикистаном, знали и любили его. Заслуги А.М. Дьякова, И.С. Брагинского и его супруги Х.Н. Дриккер в утверждении Советской власти в Таджикистане очень велики и до сих пор здесь с большим уважением и теплотой произносят их имена.

А.М. Дьяков, как я уже упомянул, в начале 1920 г. вместе со своим братом Таричаном работал на Памире — последний командовал Памирским пограничным отрядом, а сам Алексей Михайлович был врачом в этом отряде. Там он начал изучать таджикский язык, языки хинди и урду, историю Индии. По возвращении с Памира А.М. Дьяков некоторое время был наркомом здравоохранения Таджикской АССР, потом уехал в Ташкент, где работал в Среднеазиатском бюро ЦК ВКП(б), а позднее переехал в Москву.

И.С. Брагинский в начале 30-х годов был вместе с Х.Н. Дриккер направлен на работу в Таджикистан, в Дангаринский район, один из самых отсталых в Кулябской долине. Работать здесь было крайне тяжело. В этих полупустынных местах летом было неимоверно жарко, не хватало пресной воды, которую привозили на ишаках из горных источников. Жили здесь в основном полукочевые узбеки, эти места также использовали как зимние пастбища и скотоводы из других рай-

онов Таджикистана. Население было весьма отсталым и еще сохраняло пережитки общинного строя. По свидетельству И.С. Брагинского, здесь до конца 30-х годов довольно активно действовали басмачи. После Дангары Брагинский до 1940 г. работал в ЦК Компартии Таджикистана в отделе пропаганды и агитации.

Но вернусь к своей диссертации. Уже спустя год, осенью 1957 г., она была полностью готова. Однако к этому времени вышло постановление, что для защиты докторской диссертации необходима предварительная публикация некоторой ее части. Мне пришлось изрядно побегать, и весной 1958 г. в Москве вышла моя небольшая работа "Из истории Бухарского эмирата (Восточная Бухара и Западный Памир в конце XIX в.)". — Москва: Издательство восточной литературы, 1958. — 134 с. Очень помог мне в этом директор издательства О.К. Дрейер. Был выпущен и автореферат. Имея опубликованную книгу, автореферат и несколько опубликованных статей, я был уже готов к защите. Документы и печатные работы были представлены секретарю Ученого совета института Г. Петровскому. Петровский, весьма порядочный и добросовестный человек, живо откликнулся и обещал оказать необходимую помощь. Но обстановка в институте сложилась не совсем в мою пользу. А.А. Губера на посту директора сменил Б.Г. Гафуров, который только начал знакомиться с положением дел в институте. Видимо, не без влияния Н.А. Халфина и Бондаревского , он усомнился в подготовленности моей диссертации к защите.

Я решил, что мне надо защищаться там, где отношение ко мне и моей работе будет наиболее объективным. После долгих раздумий я последовал совету историка С.К. Бушуева и решил представить свою диссертацию на кафедру истории СССР Ленинградского государственного университета, видя в нем "нейтральную территорию". Там в принципе не возражали, поставив условием лишь предварительное обсуждение диссертации на заседании кафедры. Оно состоялось и моя диссертация была единогласно рекомендована к защите, получив высокую оценку, особенно со стороны известных историков С.Б. Окуня и В.В. Мавродина.

Таким образом, я приступил к оформлению документов для защиты в Ленинградском университете. Слухи об этом дошли до Б.Г. Гафурова, который через академика В.В. Струве передал мне предложение защищать диссертацию все-таки в Москве. Б.Г. Гафуров пригласил меня к себе и настоятельно просил защищаться в его институте. Он сказал, что мы, два земляка, должны жить в дружбе

между собой и помогать своему народу. После этого разговора я возвратился в Москву и заново оформил документы. Защита состоялась в феврале 1959 г. в Институте востоковедения. В состав Ученого совета входили крупнейшие востоковеды Москвы и директора многих научно-исследовательских учреждений. Из 30 членов совета 28 проголосовали "за" и 2 "против".

После защиты диссертации я вернулся в Таджикистан и почти два года работал старшим научным сотрудником Института истории, директором которого тогда был академик З.Ш. Раджабов. Наше заочное знакомство состоялось еще до войны, когда З.Ш. Раджабов работал директором Института истории в Узбекистане. После войны он был первым ректором Таджикского государственного университета. В бытность его директором Института истории в Душанбе отношения у нас были неизменно хорошими, хотя, конечно, совсем без трений не обходилось. Академик Раджабов много сделал для развития науки и культуры Таджикистана и подготовки научных кадров.

Тем временем моя диссертация проходила процедуру утверждения Высшей аттестационной комиссией. Первый рецензент дал ей высокую оценку, а второй, хотя также дал положительный отзыв, почему-то надолго задержал ее. Это вызвало у меня некоторое беспокойство, а в институте — сомнения. Весной 1961 г. в Душанбе приехал академик Е.М. Жуков, и как-то раз наша заведующая аспирантурой Соловьева сказала ему, что моя диссертация не будет утверждена. Откуда уж она это взяла, неизвестно. Но Е.М. Жуков ответил: "Нет уж, извините, у кого-кого, а у Искандарова диссертация днями будет утверждена ВАКом". Так и случилось — утверждение последовало 27 мая.

Из этого небольшого эпизода видно, что и в нашей научной среде проскакивали "искры" зависти, недоброжелательства и т.п. Помню, весной 1959 г., вскоре после моей защиты, в Ташкенте проходила Всесоюзная конференция по общественным наукам. Мне удалось присутствовать на ней, причем поехал я туда за свой счет. На конференции собралось немало представителей интеллигенции Таджикистана, но поздравления я услышал далеко не от всех. Правда, после защиты я получил множество телеграмм, и во многих были теплые поздравления и добрые пожелания. Жалею, что не сохранил их.

Надо признать, что трения подобного рода мешали нашему росту и развитию, и с ними надо было решительно бороться. Мелкие (да и крупные) конфликты возникали и на личной, и на научной почве,

иногда причиной была недостаточная научная квалификация, оборотной стороной которой становился избыток полемической энергии. Разумеется, это относилось не ко всем. Весьма достойно вел себя Б.И. Ниязмухаммедов, который держался в стороне от всякого рода споров. Такой же позиции придерживался А. Мирзоев, который на ежегодных общих собраниях академии, как правило, всегда выступал только с деловыми предложениями.

Среди нового поколения ученых уже тогда выделялся Н. Масуми, который умел найти подход к людям и пользовался заслуженным авторитетом. Не могу не вспомнить и Салиходжу Раджабова, также видного представителя нашей интеллигенции, человека отзывчивого и открытого. Эти черты он сохранял всю жизнь. Я всегда ценил его доброе отношение ко мне; в частности, он стал первым ответственным редактором моих работ.

Пусть не подумает читатель, что я перехваливаю себя, но за много лет работы в Академии наук я всегда старался сглаживать конфликты, поддерживать тесный деловой и творческий контакт с коллегами и помогать всем, кто в этом нуждался. Я не обращал внимания на отдельные случаи недооценки моих заслуг и никогда не таил зла за обиды или нападки. С Б.Г. Гафуровым мы стали подлинными друзьями, как и с З.Ш. Раджабовым и С.А. Раджабовым. В повседневной жизни я старался быть скромным, не допускать тщеславия, эгоизма, самоуверенности, зависти. Годы на войне научили меня разбираться в людях, ценить коллективизм, дружбу, взаимовыручку. Если возникали разногласия, я старался поставить себя на место своего коллеги или подчиненного. Можно сказать, что в жизни я следовал правилу американского философа и поэта Ральфа Уолдо Эмерсона: "Единственный способ иметь друзей — это самому быть другом". Все это очень пригодилось мне, когда я сам стал руководителем.

13. Директор института

Более тридцати лет я занимал должность директора Института истории имени А.Дониша АН Таджикской ССР (затем Республики Таджикистан), а в 1994 году я стал почетным директором своего института. История моего назначения вкратце такова. Весной 1962 г. академик Раджабов был назначен академиком-секретарем Отделения общественных наук АН Таджикистана. После его ухода, в мае того же года решением бюро ЦК Компартии Таджикистана я был назначен директором Института истории им. А. Дониша.

Никто — тем более я сам — не предвидел такого оборота. Я не имел ни малейшего понятия о готовящемся решении и уж конечно мне и в голову не приходило хлопотать о себе, хотя объективно по сравнению с другими кандидатами я имел больше шансов. Я очень давно занимался наукой, в институте работал старшим научным сотрудником более десяти лет, а моя квалификация как ученого была, прямо скажем, несколько выше, чем у некоторых соискателей этой должности. Надо признать, что мое назначение вызвало определенное недоумение у ряда сотрудников, в том числе у некоторых заведующих секторами. Кто-то был не совсем доволен моим назначением, поскольку сам претендовал на эту должность. Но заведующие секторами археологии и нумизматики Б.А. Литвинский и истории искусств Н.Х. Нурджанов вели себя по отношению ко мне лояльно и доброжелательно. С самого начала я постарался установить хорошие деловые контакты со всеми сотрудниками института, не обращая внимания на обиды и недовольство, и в ходе совместной работы отношение ко мне постепенно изменилось, даже со стороны тех, кто сначала с неприязнью встретили мое назначение. Без трений и споров, конечно, не обходилось, но они не стали "смыслом жизни" коллектива института.

Я принял институт, когда он уже твердо стоял на ногах. Как я уже говорил, Институт истории довольно быстро развивался с самого момента своего создания. В первые дни его существования здесь работала лишь небольшая группа молодежи. Академик А.А. Семенов, как правило, собирал нас раз в неделю и чаще всего рассказывал о событиях прошлой эпохи, многие из которых прошли у него на глазах. После кончины А.А. Семенова весной 1958 г. обязанности директора исполнял молодой историк А.М. Мухтаров. Спустя год его сменил доктор исторических наук З.Ш. Раджабов, который работал на этой должности полтора года. При нем институт динамично развивался, сюда были приглашены наиболее способные выпускники Таджикского государственного университета. Авторитет института к этому времени значительно возрос, во многом благодаря постоянной помощи и заботе С.У. Умарова, который после смерти Садриддина Айни стал президентом АН Таджикистана.

Передо мной стояла задача приумножить и развить достижения моих предшественников. Главной моей заботой стало расширение исследований, повышение качества научной продукции института и стимулирование научного роста сотрудников, воспитание научной

Слева направо: Б.А. Литвинский, Б.И. Искандаров,
М.А. Хамиджанова

молодежи. Наших историков, считал я, нужно было нацелить на изучение прежде всего истории советского периода, большое внимание следовало уделить археологическим изысканиям на территории Таджикистана, а также углубленному изучению его древней и средневековой истории. Нужно было развивать этнографию, постепенно переориентируя исследователей на изучение жизни советского общества. Большое значение я придавал расширению научных контактов с учеными как Советского Союза, так и зарубежных стран.

Режим моей работы в качестве директора был довольно напряженным, пришлось учиться сочетать административные обязанности и научную работу. В институт я, как правило, приходил к 10 часам утра, читал текущую периодику и знакомился с новинками литературы Центральной научной библиотеки Академии наук, занимался хозяйственными делами. Вторая половина дня отводилась текущим делам института: я подписывал документы и приказы, принимал сотрудников, вел заседания Ученого совета, председательствовал на защите диссертаций. Часто приходилось выезжать в служебные командировки, особенно в Москву.

Считая подготовку кадров наиважнейшей задачей, я продолжал преподавательскую работу. Наконец, в обязанности директора входило участие в мероприятиях вне института: заседаниях Отделения общественных наук АН, Президиума Академии наук и других. Мне приходилось участвовать и в многочисленных совещаниях в отделе науки ЦК КПСС, Отделении общественных наук АН СССР, Институте истории АН СССР. Нес я и общественную нагрузку — долгое время являлся председателем общества "Знание" Центрального района Душанбе, с 1962 г. был председателем Таджикского отделения Общества советско-индийских культурных связей.

Все мои знания и организаторские способности я старался поставить на службу главной цели — развитию исторической науки в нашей республике. Жизнь требовала осмысления новых проблем, которые ранее не находили полного освещения в трудах историков Таджикистана. Наш народ был веками связан с другими народами СССР, Средней Азии и зарубежного Востока, а значит, нашу историю необходимо было изучать в комплексе с историей этих стран. Именно на это и ориентировались в своей деятельности историки Таджикистана. Руководство института делало все, чтобы преодолеть узкий, местнический подход к изучению истории республики, на примере Таджикистана раскрыть роль интернационализма и, прежде всего,

освободительной миссии русского народа в Средней Азии. Особое внимание обращалось на раскрытие единства исторических судеб народов в многонациональном государстве.

Одним из удачных примеров целостного подхода к истории стала "История таджикского народа" в трех томах (пяти книгах). К моменту моего назначения подготовка "Истории" значительно продвинулась. Основа этой работы была заложена при А.А. Семенове, которому, к сожалению, не удалось увидеть ее окончание — "История" выходила уже после его смерти, в 1963 – 1965 гг. Большая заслуга в осуществлении этого масштабного проекта, несомненно, принадлежит Б.Г. Гафурову, который активно способствовал опубликованию "Истории" в московском Издательстве восточной литературы. "История" — плод коллективного труда историков Таджикистана, Москвы и Ленинграда, в том числе Б.А. Литвинского, Е.А. Давидович, А.М. Мухтарова, Н.Н. Негматова, Б.А. Антоненко, В.А. Козачковского, М. Рахимова и практически всех сотрудников нашего института. Сам я написал несколько глав второго тома и участвовал в редактировании всего труда.

Впервые на основе богатого исторического материала была показана многовековая история таджикского народа, одного из древнейших народов Средней Азии. Результаты археологических, нумизматических, лингвистических исследований и сохранившиеся уникальные рукописи использовались для подробного освещения древнего и средневекового периодов истории таджикского народа. Красной нитью через всю книгу проходила мысль, что на протяжении всей своей многовековой истории таджикский народ был теснейшим образом связан с другими народами Средней Азии. В "Истории" (как и в других работах), опровергались стереотипы, типичные для зарубежных востоковедов, отрицавших само наличие истории и культуры у народов Средней Азии.

Особенно большое внимание было уделено позднейшим периодам, когда историческая судьба таджикского народа после присоединения Средней Азии к России неразрывно переплелась с судьбой народов СССР, в том числе великого русского народа. Отмечалось величайшее значение Великой Октябрьской социалистической революции для ранее угнетенных народов Средней Азии, в том числе таджикского; подробно освещалось обретение Таджикистаном государственности — образование Таджикской ССР.

Опубликование "Истории таджикского народа" стало мощным стимулом к дальнейшему развитию исторической науки в республике. Вскоре была опубликована "История Коммунистической партии Таджикистана", подготовленная Институтом истории партии совместно с нашим институтом и другими научными учреждениями Таджикистана. Заслуживают внимания многие другие работы, изданные Институтом истории им. А. Дониша — коллективные труды и монографии по истории строительства социализма в республике, коллективизации, культурной революции и формированию рабочего класса в Таджикистане. Работой по изучению истории Таджикистана после Великой Октябрьской революции руководил доктор исторических наук Р.М. Мохов.

Важным направлением стало изучение истории средних веков, которое до создания Института истории практически не разрабатывалось. Отдел истории средних веков во главе с членом-корреспондентом АН Таджикской ССР А.М. Мухтаровым достиг больших успехов. Были собраны и опубликованы уникальные рукописные источники, ранее мало или вовсе не известные даже специалистам, касающиеся истории и культуры таджикского народа на протяжении длительной эпохи, начиная с V—VI вв. н.э.

Отдел археологии и нумизматики долгое время возглавлял профессор Б.А. Литвинский, ставший затем академиком АН Таджикской ССР. Под руководством его и В.А.Ранова были проведены раскопки замечательных памятников культуры таджикского народа. Открытие таких выдающихся памятников как Аджина-тепе, Кафиркала, Тахти-сангин и других по-новому осветило целую эпоху в истории таджикского народа. После переезда Б.А. Литвинского в Москву заложенные им традиции продолжили ученые нашего института во главе с талантливым археологом В.А. Рановым.

Мы также отчетливо сознавали, что историческая наука достигла той стадии развития, когда ею невозможно заниматься в отрыве от других наук. Институт истории АН Таджикистана изначально задумывался как многопрофильный, и теперь здесь были созданы сектора истории государства и права, истории науки и другие. С момента создания института в его составе работал Сектор истории искусств во главе с доктором искусствоведения Н.Х. Нурджановым, выпускавший работы по истории театра, кино, музыки разных жанров (в том числе музыкального искусства Памира) и т.д. Сотрудники этого сектора тесно сотрудничали с Институтом искусств, прежде всего в

области подготовки преподавателей-искусствоведов. Отделом истории культуры руководил известный археолог член-корреспондент АН Таджикской ССР Н.Н. Негматов. Под его руководством были подготовлены и опубликованы значительные работы по истории культуры таджикского народа раннего средневековья.

Больших успехов достиг отдел этнографии, который долгое время возглавляла старейший сотрудник института кандидат исторических наук М.А. Хамиджанова. Затем руководителем этого отдела был назначен доктор исторических наук И. Мухиддинов, воспитанник института. Сотрудники отдела ежегодно выезжали в экспедиции, привозя из них огромное количество ценнейшего этнографического материала, на основе которого было подготовлено множество научных работ. Собранные коллекции позднее составили этнографический музей, в котором были представлены уникальные экспонаты.

Институт истории им. А. Дониша стал подлинным средоточием исторической науки Таджикистана. Его коллектив активно участвовал в общественной и культурной жизни республики, оказывал большую практическую помощь высшим учебным заведениям. В институте защищалось множество кандидатских и докторских диссертаций, иными словами, профессиональный рост наших сотрудников был поставлен на постоянную основу. Из института вышло много талантливых историков, которые работают не только в Таджикистане, но и за его пределами — в научных учреждениях и вузах Москвы, Ленинграда, Ташкента, Ульяновска, Симферополя и других городов.

Институт завоевал прочную репутацию среди историков Советского Союза. Привычным делом стала публикация работ наших сотрудников в Москве, Ленинграде, Ташкенте. Вырос и международный авторитет института, его международные контакты с каждым годом расширялись и углублялись. Мы активно участвовали в международных конференциях и симпозиумах, организуемых по линии таджикской Академии наук. Труды ученых института, особенно по древней и средневековой истории и археологии, все чаще публиковались за рубежом. Из Вьетнама, Индии, Франции, США и других стран к нам приезжали историки, археологи, этнографы, некоторые — для участия в организованных институтом экспедициях. Был налажен регулярный интенсивный обмен научной литературой с зарубежными странами через Центральную библиотеку АН Таджикистана, и все работы сотрудников института поступали в фонд обмена с иностранными библиотеками.

Я горжусь тем, что руководил замечательным коллективом и делал все, что было в моих силах, для достижения этих успехов. Все мероприятия, проводившиеся в стенах института, осуществлялись не иначе как под непосредственным руководством дирекции, которая, в свою очередь, всегда могла рассчитывать на содействие Президиума АН Таджикистана. Я также счастлив, что моя научная работа и научно-организаторская деятельность получила признание ученых и широкой общественности. В сентябре 1966 г. я был избран членом-корреспондентом АН Таджикистана, а в апреле 1973 г. — действительным членом АН Таджикистана. Упомяну также, что в 1971 г. Верховный Совет СССР наградил меня орденом Трудового Красного знамени.

Я предъявлял достаточно высокие требования к научно-исследовательской деятельности сотрудников. Я всегда полагал, что любая работа должна предварительно утверждаться Ученым советом и рекомендоваться к печати только после тщательного рассмотрения. Поэтому я считал необходимым лично знакомиться с содержанием представленных к публикации научных трудов и воспитывать кадры института, прежде всего молодежь, в духе современных требований. Но я был не менее требователен и к себе, стремясь не остановиться в своем научном развитии и не превратиться в чиновника от науки. В течение всего периода пребывания на должности главы института я сочетал административную деятельность с научно-исследовательской работой.

После защиты докторской диссертации я занимался изучением в том числе послеоктябрьской эпохи, особенно гражданской войны. Однако меня больше интересовал период XIX — начала XX в., предшествовавший революционным преобразованиям в нашей стране. В связи с этим мне часто вспоминаются слова М.Горького: "Чем лучше мы будем знать прошлое, тем легче, тем более глубоко и радостно поймем великое значение творимого нами настоящего". Наиболее пристальное внимание я обращал на те "острые" проблемы, которые слабо или вовсе не рассматривались в существующей историографии, либо же были освещены в искаженном виде.

В своей работе по исследованию как дореволюционного, так и советского периодов, в частности гражданской войны, я не мог не затрагивать, хотя бы отчасти, историю соседних с советской Средней Азией стран. Это северная часть современного Афганистана, Восточный Туркестан (сейчас Синьцзян-Уйгурский автоном

район КНР), княжества Гиндукуша. Жители Средней Азии, особенно Таджикистана, издавна поддерживали тесные торговые и культурные связи с этнически близким населением этих регионов. Без знания истории этих стран, особенно новейшего периода, невозможно достоверно раскрыть историю дореволюционного Таджикистана. Мои научные изыскания в 60–80-е годы увенчались появлением нескольких монографий. О них будет рассказано в следующей главе.

Глава V
КНИГИ, ЛЮДИ И ПУТЕШЕСТВИЯ

14. Краткие сведения о выпущенных трудах

Самый очевидный критерий успешности карьеры ученого — ученые степени, звания и должности. В этом смысле я не могу пожаловаться на судьбу. Но для меня движение вверх по служебной лестнице, получение следующей ученой степени, руководящей должности никогда не было главной жизненной целью. Даже само приобретение знаний я никогда не считал самоценным. Я всегда был убежден, что знания, не побоюсь высоких слов, должны работать на пользу общества. Поэтому очень большое значение я придавал (и придаю) тому, чтобы донести полученные мною знания до других людей — через преподавание, научное руководство и печатные работы. Свою педагогическую и научно-организаторскую деятельность я уже описал в предыдущих главах и не буду повторяться. Этот раздел я хочу посвятить своим книгам. Работа над каждой из них была важной ступенью в моей научной и творческой биографии.

Первые научные труды я опубликовал в начале 50-х годов. Признаюсь, что до войны я не был ученым в полном смысле слова. Кроме того, чрезмерная загруженность преподавательской и общественной работой не оставляла мне времени для занятий наукой. Да и условий для ведения полноценных научных исследований, как я уже не раз говорил, в нашей республике тогда не было. Научная инфраструктура в современном понимании еще только начала зарождаться. Библиотеки получали далеко не всю новую литературу, и поступала она крайне нерегулярно. Централизованная архивная система еще только начала формироваться, а текущие архивы отдельных учреждений существовали, как правило, в виде груды папок где-нибудь в шкафу. Научные командировки тоже почти не практиковались.

Но даже если бы я имел доступ к необходимым источникам и литературе, я вряд ли нашел бы компетентного научного руководителя.

Республика испытывала острый дефицит квалифицированных научных кадров, то есть молодежь просто некому было учить. В результате мы не могли помыслить не только об аспирантуре, но даже хотя бы о сдаче кандидатского минимума.

Кадровая проблема, конечно, решалась, но недостаточно быстро. Многие местные уроженцы, получившие образование за пределами республики, не возвращались обратно из-за отсутствия условий для работы. Руководство же нашего пединститута заботилось только об укомплектовании штата преподавателей, практически не интересуясь повышением их научной квалификации. Вышестоящие органы просвещения также обращали мало внимания на подготовку собственных кадров, предпочитая приглашать специалистов со стороны. Но эти последние из-за плохих условий работы и бытовой неустроенности задерживались у нас в лучшем случае на год.

Возможность и условия для занятий научно-исследовательской деятельностью появились у меня лишь после защиты кандидатской диссертации — с переходом на работу в систему только что организованной АН Таджикской ССР. Правда, почти до самой защиты докторской диссертации (в 1959 г.) я печатал в основном статьи, научные и научно-популярные.

Первой моей большой работой стала монография "Из истории Бухарского эмирата (Восточная Бухара и Западный Памир в конце XIX в.)" (Москва: Издательство восточной литературы, 1958. — 134 с.). В ней был дан очерк политико-административного устройства эмирата, его налоговой системы и положения трудящихся масс. В частности, я описал (насколько возможно полно) восстание крестьян во главе с Абдулом Восе. Кроме того, в монографии рассказывалось о бухаро-афганских отношениях и положении западных районов Памира под властью Бухары. Все эти вопросы я по необходимости освещал довольно кратко, но максимально использовал сохранившиеся (к сожалению, немногочисленные) источники. Несомненным достоинством этой работы я считаю то, что здесь я — фактически впервые — дал марксистский анализ политического и экономического положения Восточной Бухары и Западного Памира в конце прошлого столетия.

В том же 1958 году вышла из печати другая моя работа — "О некоторых изменениях в экономике Восточной Бухары на рубеже XIX–XX вв." (Сталинабад: Издательство Академии наук Таджикской ССР, 1958. — 141 с.). В этой книге на основе архивных и опуб-

ликованных (главным образом до революции) материалов рассматривались некоторые аспекты экономического развития Восточной Бухары и, отчасти, Памира в конце прошлого века. Экономику этих регионов я исследовал в контексте экономического развития Бухарского эмирата в целом, в частности приводились конкретные данные о сдвигах в экономике эмирата после того, как он перешел под протекторат России.

Важнейшее место в работе занимало раскрытие причин кризиса в хозяйственной жизни юго-восточных районов Таджикистана после их вхождения в состав Бухарского эмирата. Вообще сельское хозяйство в дореволюционном Таджикистане характеризовалось очень низким уровнем развития. Положение усугублялось периодическими засухами, нашествиями саранчи и другими стихийными бедствиями, вследствие чего население пребывало в состоянии крайней нужды и постоянно голодало.

На фоне постепенного разрушения натурального хозяйства, сопровождаемого разорением и обезземеливанием мелких крестьян, происходило расслоение крестьянства, появлялись крупные торговцы и ростовщики — в стране начиналось развитие товарно-денежных отношений. Однако феодальный строй сохранялся при этом в полном объеме. Указанные процессы охватили прежде всего районы, расположенные в непосредственной близости к магистральной торговой линии, но имели место и в отдаленных окраинах.

Я подробно описал систему издольной аренды и "бунака" (задатка), которая распространилась почти на всю территорию дореволюционного Таджикистана, особенно широко — в хлопкосеющих районах. Агенты различных компаний, число которых увеличивалось по мере развития хлопководства, предварительными выплатами и задатками связывали непосредственных производителей по рукам и ногам. Задаток в конечном счете оказывался удавкой, из которой крестьянам почти невозможно было освободиться.

Значительное место в экономике региона занимало скотоводство, особенно разведение овец каракульской породы. Бухарские скупщики, агенты русских и западных фирм по дешевке скупали каракуль, перепродавая его в Москве, на нижегородской ярмарке и за пределами России. Возникновение золотодобычи привлекло внимание и к минеральным ресурсам Бухарского эмирата; важная роль в изучении этого вопроса принадлежала Русскому географическому обществу.

Бухарские чиновники во главе с самим эмиром всеми силами препятствовали исследованию и развитию края.

Среднеазиатская (первоначально Закаспийская военная) железная дорога, проложенная от Красноводска через территорию Бухарского эмирата до Самарканда, а позднее до Ташкента (к 1916 г. дорога была проведена от станции Каган к Термезу и Келифу), и деятельность основанной в 1887 г. Амударьинской флотилии способствовали развитию внешнеэкономических связей Бухары, открыли широкие возможности для проникновения в эмират русских товаров, а затем и капитала. Уже к началу XX в. здесь, в том числе в южных районах Таджикистана, начали появляться русские концессионеры, в Бухаре открылись филиалы многих русских банков и промышленные предприятия. Все это способствовало вытеснению из страны англо-индийских товаров. Налаживались и развивались экономические связи между юго-восточными районами Таджикистана и Бухарой и вообще Средней Азией. Интенсивность товарного обмена возрастала с каждым днем. В приграничных районах велась оживленная торговля с Афганистаном, откуда в обмен на русские товары поступало местное сырье.

Значительное внимание я уделил исследованию предпосылок революционного движения. На рубеже XIX—XX вв. в юго-восточных районах Таджикистана и на Памире появлялось все больше пролетарских и полупролетарских элементов, началось революционизирование масс. К началу революции 1905—1907 гг. во многих городах Бухарского эмирата действовали социал-демократические организации, имевшие влияние в том числе в Таджикистане. Большую роль в укреплении союза местного трудового населения с русским рабочим классом играл и такой фактор, как отходничество.

Вслед за этой работой была опубликована другая моя монография — "Восточная Бухара и Памир в период присоединения Средней Азии к России" (Сталинабад: Таджикгосиздат, 1960. — 214 с.). В ней раскрывались особенности социально-экономического строя и внутреннего положения Восточной Бухары (т.е. юго-восточных районов современного Таджикистана и Памира) ко времени вхождения Средней Азии в состав России.

Особое внимание я обратил на социально-экономические вопросы: господство патриархально-феодальных отношений, формы трудящихся эксплуатации масс, ответное недовольство населения. Описывались, в частности, некоторые архаические формы налогов и

методы их взимания. Предметом рассмотрения в работе явились и периодически вспыхивавшие междоусобные и внешние войны. Кроме того, я показал, что юго-восточные районы Памира находились под влиянием Бухарского эмирата, в то время как восточные и западные ориентировались скорее на Кокандское ханство.

Немалое место я отвел описанию ситуации в Восточном Туркестане: вступлению уроженца Зеравшана Якуб-бека на кашгарский престол, борьбе местного духовенства (в лице Ходжи) против маньчжурских властей, взаимоотношениям кокандских ханов с кашгарскими правителями и столкновениям между претендентами на кашгарский престол. В работе освещались также вопросы, касающиеся северных районов Афганистана и Бадахшана: взаимоотношения правителей Бадахшана и Западного Памира, положение населения восточной части Памира.

Разработку основных тем, поднятых в этой книге, я продолжил в работе "Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в.", вышедшая в двух частях (Душанбе: "Ирфон", 1962 – 1963. — Ч. 1–2. — 706 с.). В первой части рассказывалось главным образом о населении верховьев Пянджа. Здесь я впервые всесторонне осветил социально-экономическое положение жителей региона, представив при этом собственную реконструкцию международной и политической истории этих территорий до их вхождения в состав России. В книге довольно подробно проанализированы русско-британские противоречия и договоренности по Средней Азии. Большой раздел книги посвящен завоеванию этих территорий бухарскими войсками и борьбе коренного населения за сохранение своей независимости.

Несмотря на удаленность от России, жители горных районов современного Таджикистана всегда питали симпатии к русскому народу. Вынужденные отстаивать с оружием в руках свою свободу от внешних захватчиков, они неоднократно ходатайствовали перед русской администрацией Туркестана о добровольном вхождении в состав России. В конечном итоге это и произошло. С приходом русских войск на восточный Памир (в 1884 – 1885 гг.), а затем в его западную часть, положение здесь в целом стабилизировалось. Большая часть населения, ранее бежавшего от интервентов, возвратилась на исконные места. Эти события оказали громадное влияние на северный Афганистан, княжества Гиндукуша и даже на отдельные районы Индии.

Во второй части книги изложены причины сохранения Бухарского эмирата в качестве протектората России и описаны взаимоотноше-

ния царского правительства и Бухары. Положение Памира в этих отношениях было весьма своеобразным. Восточные его районы входили в состав Ферганской области Туркестанского генерал-губернаторства, западные формально принадлежали Бухарскому эмирату, фактически же население подчинялось начальнику русского Памирского пограничного отряда. Русские пограничные войска, в свою очередь, защищали жителей Западного Памира от чрезмерных притеснений бухарских чиновников.

В работе детально рассмотрен политический и административный строй Восточной Бухары, дана социальная характеристика эмирата, в том числе юго-восточного Таджикистана и Памира. Большое внимание уделено внутренним делам этих районов, в частности грабительской налоговой политике бухарских властей и их полному произволу в управлении краем. Показывая злоупотребления и бесчинства чиновников эмира, я опирался на уже упоминавшиеся мною материалы из фонда бухарского кушбеги. Жестокость и бесконтрольность бухарской администрации влекли за собой не только поток жалоб со стороны коренных жителей, но и вынуждали их к более активным формам борьбы. В книге подробно рассказывается о восстании крестьян, произошедшем в юго-восточных районах Таджикистана. Восстание было жестоко подавлено, а его предводитель Восе казнен.

Одна из глав книги посвящена зарождению капиталистических элементов в экономике эмирата и складыванию здесь предпосылок революции. Хотя этих вопросов я касался и в других моих работах, в данной книге они освещены гораздо полнее и на основе более обширного круга источников. Проникновение русского капитала, эксплуатация русской буржуазией природных ресурсов Бухары, торговый обмен с Россией ускорили развитие товарно-денежных отношений в эмирате.

Я постарался показать, что добровольное вхождение значительной части современного Таджикистана в состав России имело для его народа колоссальное прогрессивное значение. Под воздействием экономически гораздо более развитой и революционной России происходило дальнейшее сближение и взаимовлияние народов. Благодаря присоединению к России, народы Таджикистана (прежде всего Памира) были в какой-то мере избавлены от средневекового гнета.

О значении моих книг, особенно двух последних, самому мне судить очень трудно. Помню, что они быстро расходились и привлекали внимание рецензентов. Не хочу преувеличивать свою роль, но от-

мечу, что я впервые ввел в научный оборот многие материалы о Восточной Бухаре, и систематически изложил историю этого региона, ранее практически не изученную. Во всяком случае, до выхода моих работ найти обстоятельный и полный труд по этому вопросу едва ли было возможно. Конечно, я не мог полностью охватить все аспекты данной проблемы. Это сделали последующие исследователи

Я старался рассматривать историю Таджикистана в неразрывной связи с историей сопредельных стран, в том числе княжеств Гиндукуша. Я долгое время работал над этой проблемой и в 1968 г. вышла моя работа "Гиндукуш во второй половине XIX в." (М.: "Наука", 1968. — 93 с.). Первоначально рукопись имела гораздо больший объем, но по некоторым причинам ее сильно сократили, о чем я очень жалел — в работу было вложено столько труда... Но хотя книга получилась небольшая, затронутая в ней тема не стала от этого менее важной. Она была весьма положительно встречена читателями и, как и предыдущая, сразу разошлась.

В работе освещалась история мелких княжеств, расположенных к северу от Индийского субконтинента: Хунз, Ногар (или Канджутское ханство), Кафиристан, Читрал и ряд других. Основное внимание я уделил таким вопросам, как географическое распределение населения, социально-экономические отношения, обстановка в северо-западных районах Индии и укрепление позиций Великобритании в Гиндукуше. История княжеств прослеживалась до момента вхождения Памира в состав России и до захвата Великобританией Кашмира и Гиндукуша — в противовес действиям России.

Центральное место занимал анализ социально-экономических отношений. Изолированные в силу географического положения, княжества вплоть до завоевания их Великобританией, сохраняли самобытные культурные особенности, которые едва ли можно было наблюдать даже в соседних горных районах. Веками население этих княжеств сохраняло независимость, а если даже утрачивало ее, то подчинение носило чисто номинальный характер. Например, Хунз и Ногар в качестве ежегодной подати отправляли кашмирскому магарадже лишь несколько корзин абрикосов и пару овчарок.

С появлением на Памире русских войск англичане приступили к планомерному завоеванию княжеств. Наибольшее сопротивление английским войскам оказали Кафиристан, Хунз и Ногар во главе с Сафдар-Али-ханом, который от имени своего народа неоднократно

ходатайствовал о вхождении в состав России. Ожесточенно сопротивлялись захватчикам и сыновья умершего к этому времени правителя Читрала Аман-уль-мулька. Используя неприступность своих гор, свободолюбивое население Гиндукуша долго боролось за независимость, однако силы были неравны. Мешала и разобщенность княжеств, и к 1895 г. все они подчинились Великобритании, исключая Кафиристан. Его жители не раз сражались за свою независимость с войсками афганского правителя Абдурахман-хана, но после жестокой борьбы Кафиристан, с согласия англичан, был присоединен к Афганистану.

Вслед за этим трудом я выпустил работу по истории гражданской войны в Средней Азии и ликвидации Бухарского эмирата как очага английского империализма и российской контрреволюции в 1918 – 1920 гг. Работа вышла под скромным названием "Бухара (1918 – 1920 гг.)" (Душанбе: "Дониш", 1970. — 169 с.). В основу книги легла моя кандидатская диссертация.

В книге раскрывалось значение Великой Октябрьской социалистической революции в судьбе народов Средней Азии. Как известно, эмирская Бухара враждебно встретила Октябрьскую революцию, став прибежищем для сил контрреволюции, которые при содействии британского империализма пытались организовать единый фронт против Советского Туркестана. Удаленность края от центра революционных событий, бегство сюда контрреволюционеров, разгромленных в России и других районах Средней Азии, вкупе с воинствующей позицией местных реакционных кругов во главе с эмиром — все это угрожало не только революции в Бухаре, но и самому существованию Советского Туркестана.

Между тем внутри эмирата все больше нарастало недовольство и вызревала революционная ситуация. Бухарская Коммунистическая партия в условиях жесточайших репрессий вела большую революционную работу. Участились восстания против эмира. Подавляя их с особой жестокостью, власти Бухары пытались не допустить революционного переворота в собственной стране и навязать войну Советскому Туркестану.

Будучи не в состоянии свергнуть эмирский строй собственными силами, трудящиеся страны во главе с коммунистами обратилось за помощью к РСФСР. Верный принципам интернационализма, пролетариат России пришел на помощь своим бухарским братьям. Важную роль в ликвидации гнезда контрреволюции сыграла Туркестанская ко-

миссия ВЦИК и СНК РСФСР (Туркомиссия) и ее руководители М.В.Фрунзе и В.В.Куйбышев, направленные в Среднюю Азию по личному указанию В.И.Ленина. После четырех дней боев эмирские войска были наголову разбиты, и 2 сентября 1920 г. Фрунзе телеграфировал Ленину о том, что "пал последний оплот бухарского мракобесия и черносотенства".

Революция 1920 года в Хорезме и Бухаре явилась новым этапом революционного движения и носила народно-демократический, антифеодальный, антиимпериалистический характер. Она положила начало практическому осуществлению ленинских идей о некапиталистическом пути развития народов Востока. В результате революции образовалась Бухарская Народная Советская республика (БНСР), в которой должны были быть созданы предпосылки для перехода к социалистическому строю. На основе большого фактического материала я показал, какую помощь оказывало правительство РСФСР Бухарской республике в экономическом и культурном строительстве, в укреплении власти.

Вскоре я выпустил еще одну, небольшую по объему, монографию "Из истории дореволюционного Таджикистана" (Душанбе: "Дониш", 1974. — 76 с.). В ней на основе вновь обнаруженных материалов освещались следующие вопросы: "Русские исследователи дореволюционного Таджикистана"; "Некоторые сведения о припамирских народах и их стремлении перейти в подданство России", "Борьба народных масс Памира за добровольное вхождение в состав России".

У русских ученых и путешественников Таджикистан всегда вызывал особый интерес. Но исследование Средней Азии, в том числе Таджикистана, до революции было весьма затруднено. Места эти были труднодоступным, а местные феодальные правители недоброжелательно относились ко всем иностранцам. В целом вся Средняя Азия до вхождения в состав России была изучена слабо. Лишь после этого стало возможным более подробное исследование Туркестана и территории Бухарского эмирата, в том числе Памира. Но и после присоединения к России экспедиции в Среднюю Азию, особенно в высокогорные районы, были связаны с нешуточным риском. Отсутствие удобных дорог, враждебность местных властей, отдаленность от "центров цивилизации" осложняли исследование края. Но несмотря на исключительные трудности, ученые и путешественники все-таки проникали в самые отдаленные уголки и в своих трудах делали исто-

рию и культуру этих районов достоянием ученых и широкой читающей публики. Русские ученые сыграли огромную роль в изучении истории, культуры и географии моей родины.

Как я уже отмечал, жители Памира неоднократно ходатайствовали о добровольном вхождении в состав России. Вслед за присоединением Средней Азии к России симпатии к ней возросли и у народов сопредельных с Памиром районов. Я уже упоминал о неоднократных попытках правителей Хунза, Ногара и других княжеств Гиндукуша и северного Афганистана установить тесные контакты с Россией. Приведенные в работе сведения о внутреннем положении северного Афганистана и династической борьбе местных правителей позволяют понять причины этого. Жители западного Памира боролись против Абдурахман-хана, восточного Памира — против кашгарских и маньчжурских властей. Население долины Зеравшана, и отчасти даже Восточной Бухары, страдало от беззаконий бухарских чиновников. И те, и другие, и третьи так или иначе пытались войти в состав России. На том этапе другого способа избавиться от гнета и притеснений для них не существовало.

Следующей была монография "Развитие исторических наук в Таджикистане" (Душанбе: "Дониш", 1977. — 80 с.). Эта небольшая книга писалась с учетом положений марксизма-ленинизма об истории как науке. Вообще-то историография — материя суховатая, но писал я эту книгу с истинным увлечением. Ведь становление исторической науки в Советском Таджикистане происходило на моих глазах и не без моего непосредственного участия.

До революции историческая наука в Средней Азии, в том числе в Таджикистане, существовала в лучшем случае в виде рукописных трудов, которые хранились у авторов, их потомков или других частных лиц. Большая часть рукописей вплоть до Октябрьской революции оставалась "мертвым грузом". Лишь в отдельных работах русских и немногих западноевропейских ученых можно было найти отрывочные сведения об истории Таджикистана.

Новый этап в разработке общественных, в том числе исторических, наук наступил в Таджикистане в советский период. Уже в 1925 г. по инициативе крупнейших востоковедов и при поддержке ревкома Таджикской АССР было создано "Общество для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами". Общество издало ряд сборников, в одном из которых академик В.В. Бартольд впервые опубликовал статью о таджиках. В 1930 г. Академия наук

СССР создала специальную комиссию по организации научно-исследовательских работ в Таджикистане. Осенью 1932 г. в Душанбе по приглашению правительства Таджикской ССР был командирован вице-президент АН СССР академик В.Л. Комаров. В том же году была создана Таджикская база АН, во главе с выдающимся востоковедом С.Ф. Ольденбургом. В 1944 г. база была преобразована в филиал АН, который возглавил Е.Н. Павловский.

Академики Ольденбург и Павловский приложили огромные усилия для становления науки в Таджикистане. С.Ф. Ольденбург передал свою личную библиотеку с уникальной литературой библиотеке АН Таджикской ССР, Е.Н. Павловский много раз привозил из-за границы массу редких изданий для этой библиотеки. Большие заслуги в развитии исторической науки в Таджикистане принадлежат также академику Б.Г. Гафурову и первому директору Института истории академику АН Таджикской ССР А.А. Семенову. Последний собрал в небольшом институте талантливую молодежь и организовал систематическое изучение истории, как древнейшей, так и современной. В указанной книге я рассказал о работе историков и археологов республики, выпуске многочисленных статей и монографий, открытии замечательных памятников культуры таджиков, подготовке "Истории таджикского народа".

Большие успехи были достигнуты в изучении советского периода, был выпущен ряд трудов по истории рабочего класса, колхозного крестьянства, культурного строительства и проч. По мере развития в республике исторической науки расширялся круг задач, ставившихся перед учеными, усиливалось ее влияние на культуру таджикского народа и воспитание молодежи. Кстати, и сама историческая наука "помолодела", появилось целое поколение талантливых исследователей. Авторитет нашей исторической науки значительно вырос и в самой республике, и за ее пределами.

В 1976 г. вышла из печати моя очередная монография "Из истории проникновения капиталистических отношений в экономику дореволюционного Таджикистана (вторая половина XIX в.)" (Душанбе: "Дониш", 1976. — 143 с.). В этой книге на основе существенно расширенной источниковой базы я продолжил разработку темы, начатой в моей опубликованной в 1958 г. работе "О некоторых изменениях в экономике дореволюционного Таджикистана на рубеже XIX—XX вв". Я постарался показать эти изменения, вызванные проникновением сюда русского капитала, и доказать, что темп этих из-

менений был неодинаков, в зависимости от уровня развития разных районов. Территории, вошедшие в состав русского Туркестана, находились в более выгодном положении, сильнее испытывали влияние капиталистических отношений. Принадлежавшие же Бухарскому эмирату юго-восточные районы, в том числе Памир, оставались экономически слабо развитыми.

Я уделил большое внимание характеристике внутреннего положения эмирата. В Бухаре, религиозном центре Средней Азии, сохранялся средневековый государственный строй и уклад жизни. Крестьянские выступления подавлялись с особой жестокостью. Отношения царской России с эмиратом имели свою специфику: с одной стороны, покровительство царизма позволяло Бухаре сохранять в неприкосновенности прежние порядки, а с другой, Россия не вполне доверяла эмиру и его двору, опасаясь проникновения зарубежных влияний. В связи с этим в ноябре 1885 г. Россия учредила здесь политическое агентство. Оно не только защищало интересы русских купцов и промышленников, но и контролировало общую политическую ситуацию в стране. К 1897 г. был создан ряд укрепленных пограничных пунктов на границе с Афганистаном. В итоге, хотя Бухара пользовалась внутренней автономией, эмир полностью подчинялся царскому правительству.

Находясь на пересечении торговых путей из Индии, Афганистана и восточных провинций Ирана, эмират служил перевалочной базой между этими странами и Россией. С каждым годом Бухара тяготела к России все больше, экономические связи между ними развивались и укреплялись. Одновременно русские товары, а за ними и капитал постепенно проникали на рынки зарубежного Востока, особенно в северные районы Афганистана, которые все больше ориентировались на товарообмен с рынками центральной России.

Закаспийская железная дорога, проходившая через территорию Бухары, крепко связала экономику эмирата с российским рынком. Большое значение для "открытия" Средней Азии имели Ташкентская выставка 1890 г. и Среднеазиатская выставка 1891 г. в Москве. Появились широкие возможности для развития хлопководства, виноградарства и других отраслей сельского хозяйства. Русские промышленники, стремясь быстрее ликвидировать хлопковую зависимость от иностранных государств, активно взялись за развитие хлопководства в эмирате. Велось строительство оросительных каналов, площади под хлопком с каждым годом увеличивались. Успешно развива-

лись также шелководство и виноградарство. Русской буржуа
было выгодно создание здесь промышленных предприятий по пе
вичной обработке сырья, началось (чаще всего в районах с русски
населением — в Кагане, Чарджоу, Керки) строительство хлопкоочи
тительных, маслобойных, стекольных заводов. В северных районах
Таджикистана русские, а позднее и местные предприниматели начал
разработку полезных ископаемых — каменного угля, соли и других.

Даже в отдаленных районах эмирата открывались филиалы рус
ских фирм, таких как "Ярославская большая мануфактура", торго
вый дом "Н. Кудрин и Ко" (затем на его месте возникло "Среднеази
атское торгово-промышленное товарищество"), агентство свекло
сахарных заводов Бродского и других, вывозивших местное сырье в
Россию и даже за ее пределы. Начали операции многочисленные рус
ские банки, значительное развитие получил также местный ростов
щический капитал. Новшества в экономике стимулировали развитие
товарно-денежных отношений в Бухарском эмирате, в том числе в
юго-восточных районах современного Таджикистана. Следствием
этого было разорение дехканских масс, увеличение числа безземель
ных и малоземельных крестьян, развитие отходничества. В результа
те ускорился процесс генезиса капитализма, началась ломка феода
льного строя, ускорилось сближение народов Таджикистана и
России.

Наконец, следует упомянуть еще одну мою монографию — "Со
циально-экономические и политические аспекты истории памир
ских княжеств" (X в. — первая половина XIX в.)" (Душанбе: "До
ниш", 1983. — 160 с.). Этот длительный период не был достаточно
полно и систематически изучен отечественными историками. Точ
ных, особенно документальных, источников сведений об истории
этих княжеств (тем более раннего периода) очень мало, однако я опи
рался на данные новейших археологических, этнографических и
лингвистических исследований. В работу я включил также обзор ма
териалов об этом крае, которые приводились в трудах русских и за
падноевропейских ученых, особенно XIX века и периода после при
соединения Средней Азии к России.

Веками оторванное от внешнего мира, население этих районов
жило крайне обособленно и мало соприкасалось с соседними наро
дами. Однако время от времени жители горного Таджикистана все же
участвовали, иногда весьма активно, в событиях, происходивших в
Кокандском ханстве, Бухаре, Восточном Туркестане, северных райо

нах Афганистана. В этом контексте я и рассматривал родственные, экономические и культурные связи населения верховьев Пянджа с соседними территориями.

В целом восточная и западная части Памира представляли собой ряд самостоятельных владений. На восточном Памире с незапамятных времен кочевали киргизы-скотоводы, а на западном (Вахан, Шугнан, Ишкашим, Рушан, Язгулем, Ванч и Дарваз) оседло жили занимавшиеся ирригационным земледелием и скотоводством памирские таджики. Несмотря на различную этническую принадлежность, жителей восточного и западного Памира всегда связывали тесные экономические, политические и отчасти родственные отношения. Эти народы жили одной судьбой, испытывали общие невзгоды. Нередко население Памира объединялось, чтобы сообща противостоять чужеземным завоевателям. Правители из династий Гуридов, Тимуридов, Шейбанидов, бухарской династии Мангыт нередко предпринимали походы и против жителей Бадахшана. Население верховьев Пянджа то подчинялось более сильным соседям, то вновь обретало самостоятельность. Но если жители восточного Памира ориентировались на Коканд, то западные районы, в силу этнической общности, тяготели к Бухаре.

Изолированность края способствовала тому, что здесь долгое время сохранялись специфические бытовые и культурные особенности, которые в других местах постепенно исчезли. Вплоть до второй половины XIX в., а в некоторых местностях и дольше, важнейшую роль в экономике играли кустарные промыслы, обеспечивавшие население предметами ежедневного обихода. На западном и восточном Памире велась добыча полезных ископаемых в рудниках.

Кочевое и оседлое население края вело довольно оживленную торговлю. В то же время как те, так и другие не могли существовать без товарообмена с соседями — Ферганской долиной, юго-восточными районами современного Таджикистана и территориями, ныне находящимися в составе зарубежных стран. Торговля была меновая, поскольку деньги в ту эпоху имели хождение далеко не везде. Весьма живучими здесь оставались пережитки патриархально-родового строя, что типично для многих районов дореволюционного Таджикистана, особенно удаленных от экономических и культурных центров. Материальная и духовная культура памирских таджиков и таджиков других регионов имела много общих черт и с культурой северного Афганистана и Гиндукуша.

После написания этой книги я счел необходимым вернуться к теме борьбы за установление Советской власти. Следующая моя работа так и называлась: "Борьба за установление Советской власти в Таджикистане (1920 – 1922 гг.)" (Душанбе: "Дониш", 1986. — 167 с.). В ней рассматривались наиболее сложные периоды гражданской войны в юго-восточных районах Таджикистана, рассказывалось о помощи посланцев России и большевистской партии, о многих из тех, кто отдал жизнь за счастье и процветание таджикского народа. Я использовал широкий круг источников: архивные документы, периодическая печать того времени, воспоминания участников борьбы за Советскую власть. Книга была рассчитана на массового читателя, вызвала живейший отклик, получила положительные рецензии и спустя месяц после выхода в свет ее уже трудно было найти в продаже.

Как известно, после победы Бухарской народно-демократической революции бывший эмир с остатками своих сторонников эмигрировал в Восточную Бухару, в Душанбе. Здесь он пытался заручиться поддержкой других разгромленных контрреволюционеров и внешних врагов Советской власти и двинуться на Бухару. Эмиру удалось собрать довольно значительные силы, он навязывал молодой Бухарской республике вооруженные столкновения и на отдельных участках достиг успехов.

Само существование Бухарской республики было поставлено под угрозу, и правительство БНСР обратилось за помощью к РСФСР. Под непосредственным руководством полномочного представителя РСФСР в Бухаре В.В. Куйбышева в конце 1920 г. был сформирован и направлен в Восточную Бухару Гиссарский экспедиционный корпус. Весной 1921 г. эмирские войска были разгромлены, сам эмир бежал в Афганистан. Трудящиеся Таджикистана боролись плечом к плечу с Красной Армией.

Казалось, наступил мир. Трудящиеся БНСР под защитой Красной Армии приступили к строительству нового общества, началось восстановление народного хозяйства. Между тем внутренние и внешние враги не успокаивались и копили силы. Борьбу против Бухарской республики возглавил Энвер-паша, военный министр Турции в период первой мировой войны. Бывший эмир пустил в ход свой огромный капитал и обеспечивал контрреволюционеров оружием. В то же время буржуазные националисты, пробравшиеся на некоторые руководящие посты БНСР, поддерживали тесный контакт с идеологами пантюркистов и панисламистов. Все это сильно осложнило си-

туацию. Части Красной Армии и бухарские добровольцы были вынуждены временно покинуть территорию Восточной Бухары, и она снова оказалась под властью басмаческих банд. В юго-восточных районах Таджикистана, за исключением Памира, установился режим Энвер-паши. К нему присоединились крупные феодалы, бывшие эмирские сарбозы, всякого рода "соратники" из-за кордона. Большую поддержку Энвер-паше оказывали внешние противники Советской власти, прежде всего Великобритания.

Таким образом, врагам таджикского народа удалось достичь определенных успехов в борьбе против БНСР и Советского Туркестана. В этот критический момент, когда судьба Бухарской республики буквально висела на волоске, на помощь снова пришла Красная Армия. Вместе с трудящимися массами Узбекистана и Таджикистана она вступила в решительную схватку с басмачами Энвер-паши, Ибрагим-бека и других. Огромную помощь в борьбе оказывали посланцы русского народа — С.С. Каменев, Н.Е. Какурин, П.А. Павлов, И.Ф. Федько, Ч.А. Путовский и другие военачальники. В жестоких боях контрреволюционные банды были разгромлены, и к августу-сентябрю 1922 г. юго-восточный Таджикистан был полностью избавлен от угрозы со стороны врагов новой власти. Авантюра Энвер-паши провалилась.

Итак, я вкратце изложил основное содержание своих монографических исследований. Я не упомянул здесь множество научных статей, которые регулярно печатались и печатаются в различных журналах и сборниках (не говорю уже о статьях в газетах и многочисленных рецензиях). Должен признаться, что мне никогда не приходило в голову пересчитывать, сколько и где мною опубликовано трудов, какого объема и т.п.[11] Кроме того, я был ответственным редактором многих книг и сборников, вышедших в республике и за ее пределами.

Целые разделы из моих трудов перепечатывались за рубежом — в Афганистане, Великобритании, Италии. Отдельные мои рецензии публиковались в Греции, а в Чехословакии, по инициативе известно-

---

11 Перечень опубликованных Б.И. Искандаровым к началу 80-х годов работ можно найти в биобиблиографическом очерке о нем: Б.И. Искандаров — ученый-патриот, педагог, общественный деятель (К 70-летию со дня рождения). — Душанбе, 1982. К этому времени из-под пера академика Искандарова вышло более 100 научных и научно-популярных работ общим объемом 300 печатных листов. Библиография включает также рецензии на книги Б.И. Искандарова, статьи и информационные сообщения о его научной и общественной деятельности. — *Прим. ред.*

го востоковеда Иржи Бечки (одного из соавторов "Истории персидской и таджикской литературы") — рецензии и подробные аннотации моих книг, за что я искренне ему благодарен.

15. Люди науки

Казалось бы, человек, решивший посвятить себя изучению прошедших времен, должен примириться с тем, что жизнь его будет довольно однообразна и даже скучна: библиотека, архив, пожелтевшие листы старинных документов. Трудный, иногда просто мучительный поиск источников, необходимость охватить весь поток новейшей литературы, напряженное осмысливание фактов и затем долгие часы за письменным столом — не всякому такая жизнь покажется заманчивой. Но любой настоящий ученый знает, что за этой "рутиной" кроются восторг от больших и малых открытий, радость от мысли, что ты смог поделиться своим знанием с людьми, и своего рода эстетическое наслаждение от грамотно и "чисто" сделанной работы.

Не последнее вознаграждение для ученого — возможность общаться с товарищами по "цеху". Для начинающего историка многие из больших ученых — поначалу не более чем фамилии на обложках книг, но постепенно эти имена "оживают". Мне приходилось работать с многими выдающимися учеными, с другими я встречался на многочисленных научных конференциях и симпозиумах, совещаниях в отделе науки ЦК КПСС, Институте истории АН СССР, Институте Дальнего Востока, на конгрессах историков. В этом разделе я хотел бы вспомнить тех славных представителей науки, с кем мне посчастливилось встретиться. О некоторых из них — М.С. Андрееве, И.И. Зарубине, А.А. Семенове — я уже рассказал в предыдущих главах.

Я хорошо знал первого президента Академии наук Таджикистана, основоположника таджикской советской литературы Садриддина Айни. Готовя свои труды по истории Бухары, я часто сверялся с его работами, особенно по дореволюционной истории эмирата и истории бухарской революции, пользовался я и его воспоминаниями. Айни был мудрым и наблюдательным человеком, имевшим громадный авторитет. Но он недолго работал президентом нашей Академии — он скончался летом 1954 года.

После него обязанности президента исполнял первый вице-президент, ученый-селекционер Гулям Алиев. Он был человек неглупый и добросовестный, правда, по молодости отличался некоторой занос-

чивостью. Общаться с ним мне удавалось не часто, поскольку тогда я проводил много времени в командировках, работая над докторской диссертацией. Но у меня, как и у всех, кто с ним работал, остались о нем добрые воспоминания.

На протяжении длительного периода я работал с вице-президентом нашей АН Б.Н. Ниязмухаммедовым. Он был одним из старейших филологов, но мне приходилось слышать, что ученый он был среднего уровня. Написанные им учебники, по отзывам некоторых специалистов, не отличались особым новаторством. Человек он был отзывчивый и по мере сил всегда помогал тем, кто к нему обращался, но в то же время он часто уходил от самостоятельного решения наиболее ответственных вопросов, предпочитая ориентироваться на настроения руководства.

Я хорошо знал и философа А. Богоутдинова, талантливого ученого и прекрасного оратора. Он был заметной фигурой в республике и часто выступал с докладами и сообщениями на общественных и научных мероприятиях. В последние годы своей жизни А. Богоутдинов стал несколько высокомерен.

Б.Н. Ниязмухаммедов очень дружил с А. Богоутдиновым, но немного недолюбливал З.Ш. Раджабова. Б.Н. Ниязмухаммедов и А. Богоутдинов были старейшими работниками науки Таджикистана, им принадлежат большие заслуги перед республикой, особенно в области культурного строительства. Они оба хорошо относились ко мне еще со времен создания нашей академии и даже предлагали секретарю ЦК Компартии Таджикистана Тохиру Пулаеву выдвинуть мою кандидатуру в члены-корреспонденты АН Таджикской ССР.

Со вторым президентом нашей Академии физиком С.У. Умаровым, академиком АН Таджикской ССР и Узбекской ССР, я познакомился еще до войны, в Ленинграде, где он работал над кандидатской диссертацией. Позднее, будучи старшим научным сотрудником, а затем директором института нашей академии, я часто встречался с ним. Человек он был неплохой, знающий свое дело, справедливый и требовательный. При нем академия быстро развивалась и пополнялась молодыми специалистами, создавались новые институты. Он много сделал и для улучшения быта ученых: сотрудники обеспечивались жилой площадью, началось строительство дома отдыха. Из-за частых болезней, академик Умаров редко общался с сотрудниками академии, однако пользовался среди них большим авторитетом.

Хотелось бы сказать добрые слова об академике Б.Г. Гафурове, которого я хорошо знал и о котором уже говорил. Он был крупным государственным деятелем и одним из старейших представителей интеллигенции Советского Таджикистана. В его лице мы имели заботливого наставника и требовательного руководителя. Он внес большой вклад в развитие исторических наук в Таджикистане. Я познакомился с ним еще в 30-е годы, когда мы оба по совместительству преподавали в Комвузе. Уже тогда Б.Г. Гафуров выделялся среди нас умом и дальновидностью, раньше всех стал кандидатом исторических наук (я присутствовал на его защите в Москве). Долгое время являясь первым секретарем ЦК Компартии Таджикистана, он часто приходил к нам в институт, нередко присутствовал на заседаниях Ученого совета. По его инициативе в 50-х годах почти все сотрудники Института истории были награждены почетными грамотами Верховного Совета Таджикистана. Позднее, когда он работал в Москве директором Института востоковедения, он принял большое участие в издании "Истории таджикского народа", об этом я также упоминал. Когда я бывал в Москве, академик Гафуров всегда находил возможность встретиться со мной, расспросить о развитии науки в Таджикистане, прежде всего истории.

Хорошо я помню и видного экономиста И.К. Нарзикулова, который долгое время был вице-президентом нашей Академии. Его я также впервые встретил в Ленинграде в студенческие времена. И.К. Нарзикулов был талантливым руководителем и умелым организатором и пользовался уважением ученых и общественности всей республики. Он часто представлял Академию на всякого рода симпозиумах и конференциях. Ко мне он относился весьма дружески.

Из числа вице-президентов АН Таджикистана я был знаком также с В.Н. Смольским, К.Т. Порошиным, А.Н. Максумовым и позднее с П.М. Соложенкиным и А. Баратовым. Самое доброе впечатление оставил о себе К.Т.Порошин. Это был очень добрый и обходительный человек. Очень жаль, что он рано ушел из жизни. После него вице-президентом стал А.И. Максумов. Тогда он был еще молодым человеком, но хорошим организатором и талантливым ученым. Административные и хозяйственные вопросы его не слишком интересовали и он стремился решать их с ходу, что в условиях академии удавалось не всегда.

С 1965 г. около двадцати лет президентом АН Таджикистана был член-корреспондент АН СССР академик АН Таджикской ССР

М.С. Асимов. Обладая широкой эрудицией и спокойным характером, он легко находил с людьми общий язык. Его подчеркнуто уважительный стиль общения сделал его популярным и уважаемым среди "академистов". За время президентства М.С. Асимова наша Академия существенно расширилась, достигла немалых успехов в области точных, естественных и общественных наук, ее авторитет в масштабе СССР заметно возрос. Видную роль в Академии в те годы стал играть академик АН Таджикистана Х.М. Саидмурадов.

Из московских ученых, с кем мне довелось встречаться в 50—70-е годы, я помню академиков Ю.В. Бромлея, Е.М. Жукова, М.П. Кима, И.И. Минца, А.Л. Нарочницкого, С.Л. Тихвинского, В.М. Хвостова, С.С. Хромова, Б.Б. Пиотровского и других. Многие из них с искренним интересом и уважением следили за развитием исторической науки в нашей республике. Раньше чем с другими, еще до войны, я познакомился с Е.М. Жуковым. Это был очень образованный и интеллигентный человек и подлинный интернационалист. В бытность свою академиком-секретарем Отделения общественных наук АН СССР и на других должностях он очень много сделал для развития исторической науки в национальных республиках.

Большим уважением интеллигенции Таджикистана пользовался крупнейший археолог академик А.П. Окладников, далеко продвинувший вперед археологическую науку в республике. Я часто общался с этим выдающимся ученым и мудрым человеком. На нескольких совещаниях я встречался с академиком В.М. Хвостовым, крупнейшим специалистом по истории международных отношений. В.М. Хвостов был широко образованным, но очень простым человеком. Помню, я послал ему свою книгу "Гиндукуш во второй половине XIX в." и спустя несколько дней получил от него очень любезное письмо с выражением благодарности.

Хорошие отношения сложилось у меня с академиком А.Л.Нарочницким. Будучи директором Института истории АН СССР, он дважды побывал в Таджикистане, оказав большую помощь в правильной методологической ориентации наших историков. Познакомились же мы с ним на совещании в Андижане, где обсуждался вопрос о подготовке многотомной истории Средней Азии. Хотя этот проект не был осуществлен, там были подняты весьма актуальные вопросы, которые следовало учитывать при написании истории каждой республики. Обсуждалась, например, личность средневекового правителя Ти-

мура и его роль в истории. Помню, мне пришлось поспорить с теми, кто считал Тимура прогрессивной исторической личностью.

Не могу не вспомнить ставшего хорошим другом историкам Таджикистана академика Б.Б. Пиотровского. Как директор Государственного Эрмитажа он оказывал нам существенную помощь в изысканиях в области археологии и истории культуры и в подготовке реставраторов, всегда очень чутко относился к нуждам наших археологов. По его инициативе в Эрмитаже в конце 1984 и весной 1985 г. были организованы археологические выставки Таджикистана, которые, как и выставка в московском Музее искусства народов Востока, вызвали огромный интерес общественности.

Мне посчастливилось несколько раз слушать выступления старейшего историка И.И. Минца. Академик Минц также оказывал большую помощь историкам Таджикистана, особенно в исследованиях периода гражданской войны 1918—1920 гг. Подготовке научных кадров для Таджикистана очень способствовал академик Ю.В. Бромлей, с которым я встречался на многочисленных совещаниях в Москве и во время его приездов в нашу республику. Его работа "Этнос и этнография" (М., 1973) и сейчас является настольной книгой для этнографов Таджикистана.

Не раз мне приходилось встречаться с академиком Б.А. Рыбаковым, одним из ведущих советских историков. Хотя по своей специальности (история периода феодализма) он, казалось бы, был далек от истории Таджикистана, но, тем не менее, очень интересовался развитием археологии в нашей республике. Еще в годы моей учебы в ЛИФЛИ мне посчастливилось познакомиться и с А.Ю. Якубовским (ныне покойным), крупнейшим специалистом в области археологии Средней Азии средневекового периода. Мне общались и во время его пребывания в Таджикистане.

Из других видных ученых, тесно сотрудничавших с историками Таджикистана, назову известного историка и археолога доктора исторических наук А.М. Беленицкого. С ним я знаком с 30-х годов, когда он еще был аспирантом Ленинградского университета. В течение долгого времени А.М. Беленицкий являлся начальником археологической экспедиции в Пенджикенте, где под его руководством занимался раскопками сотрудник нашего института Б.И. Маршак. А.М. Беленицкий сделал очень много для публикации археологических памятников Средней Азии, выпустил целый ряд работ (в том числе за рубежом) по археологии и истории Средней Азии эпохи фео-

дализма. Знаток арабского языка, А.М. Беленицкий перевел многие труды средневековых классиков арабской литературы на русский язык.

Заслуживает упоминания покойный ленинградский ученый, доктор исторических наук Н.А. Кисляков, историк и этнограф, известный специалист по этнографии Средней Азии. Будучи еще молодым человеком, он в начале 30-х годов после окончания Ленинградского университета работал в Таджикистане, собрал здесь уникальные материалы, послужившие основой для его многочисленных трудов. Его дело продолжают в Таджикистане многочисленные ученики.

Я поддерживал дружеские и профессиональные отношения с учеными-филологами и литературоведами, многие из которых внесли неоценимый вклад в воспитание научных кадров для Таджикистана. Это, например, доктор филологических наук В.А. Лившиц, долгое время работавший в Таджикистане. Переехав в Ленинград, он не прервал научные связи с нашей академией. Немало сделали в области подготовки научно-педагогических кадров такие выдающиеся ученые, как А.Н. Болдырев и М.Н. Боголюбов.

16. Зарубежные поездки

Как уже знает читатель, я объездил буквально каждый уголок моего родного Памира и всего Таджикистана, побывал во многих городах и республиках СССР, в войну дошел до Чехословакии и Австрии. Словом, к тридцати пяти годам я успел, что называется, повидать мир. Впоследствии мне удалось побывать еще в нескольких странах. Как член Национального комитета историков Советского Союза, член правления Института Дальнего Востока, вице-президент общества Индо-советской дружбы , я участвовал во многих международных мероприятиях, проводимых как в СССР, так и за рубежом.

С момента создания Таджикского отделения Общества советско-индийских культурных связей в 1962 г. я был его председателем. Ежегодно мы проводили два торжественных собрания, приуроченных к национальным праздникам Индии: Дню независимости (15 августа) и Дню образования республики (26 января). На этих собраниях я выступал с докладами, во время моего отпуска или командировки эту обязанность выполнял мой заместитель профессор М.Р. Раджабов. В рамках работы Общества я почти каждый год выступал и в Доме дружбы с народами зарубежных стран в Москве.

По линии Общества мне в 1963 г. довелось совершить поездку в Индию. Советскую делегацию возглавлял академик Академии медицинских наук (затем академик АН СССР) Б.В. Петровский. Хотя группа была небольшой — пять человек, — задачи перед нами ставились важные, а график работы был весьма напряженным. Мы должны были посетить Дели и Мадрас, а я, кроме того, провел семь дней в штате Пенджаб. Я побывал почти во всех крупнейших городах штата — Патиале, Чандигархе, Амритсаре и других, и во многих уголках Пенджаба, даже на самой границе с Пакистаном. Здесь я побывал в гостях у известного писателя Гурбахш Сингха (позднее он дважды приезжал в Таджикистан).

Я был вторым человеком из Советского Союза, побывавшем в этом штате, — после литературоведа Е.П.Челышева, тогда члена-корреспондента, а затем академика АН СССР. Мой визит в Пенджаб вызвал у общественности штата большой интерес, тем более что я приехал из одной из среднеазиатских республик. С давних времен народы Средней Азии имели торговые и культурные связи с населением этой территории. Но подлинного представления о великих преобразованиях в жизни и культуре нашего народа после Октябрьской революции жители современного Пенджаба не имели. Не успевал я переехать из одного города в другой, как тамошняя пресса уже сообщала о приезде русского профессора Искандарова. В газетах часто появлялись мои фотографии, интервью и репортажи о моих выступлениях. Все эти статьи я передал потом сотрудникам нашего посольства.

В Пенджабе я присутствовал на официальных приемах, делал доклады почти во всех университетах, выступал на собраниях общественности с сообщениями о жизни народов Средней Азии и Таджикистана. В городе Патиала я встретился с местными учеными, в том числе известным историком Ганда Сингхом, который подарил мне свою книгу об афганском правителе XVIII в. Ахмад-шахе Дуррани и его походе в Индию. В Чандигархе я много времени провел в университете, познакомился с профессорами и студентами, оставил запись в книге почетных гостей. Весьма жалею, что в моей памяти не сохранились впечатления о всех встречах в этом штате.

Пенджаб — родина сикхизма и место компактного проживания сикхов. Эта секта в индуизме возникла еще в начале XVI в., превратившись со временем в отдельное религиозное течение, сочетающее в себе элементы индуизма и ислама. Сикхизм исповедует единобо-

Б.И. Искандаров председательствует на одном из собраний Таджикского отделения Общества советско-индийских культурных связей (1969 г.)

жие, отрицает идолопоклонство, деление общества на сословия и касты. Сикхи активно сопротивлялись английской колониальной экспансии, и только после англо-сикхских войн (1845 – 1846 и 1848 – 1849 гг.) Пенджаб был захвачен англичанами. В 1963 г. сикхская область в Индии насчитывала около 13 миллионов человек, и население здесь жило гораздо богаче, чем в других районах Индии.

В Амритсаре я осмотрел религиозную святыню сикхов — "Золотой храм". Назван он так не зря — храм буквально облит золотом. Войти туда можно только после тщательного омовения ног и босиком. Внутри храма было множество людей, ходивших по его огромным помещениям, отдыхавших и даже спавших в холодке. На втором этаже храма на столе стояла большая серебряная чаша, куда каждый посетитель должен был бросить монету. Как только чаша наполнялась, ее тут же уносили и заменяли другой. Во дворе я видел громадный котел, в котором варили гороховую похлебку для прихожан и служителей.

После посещения храма для меня была организована встреча с религиозным главой сикхов, авторитет которого огромен. Он принял меня в своей резиденции (вне пределов "Золотого храма") в поистине сказочном саду, где разгуливали красавцы павлины и летало множество других птиц. Сад был огромный, в нем абсолютно не чувствовалось жары, которая в апреле уже свирепствовала в этих местах. На прощание он подарил мне свою фотографию с Джавахарлалом Неру. Хозяйство у главы сикхов было обширное и включало громадный скотный двор. Работники, занятые в хозяйстве, приходили сюда по очереди из разных деревень.

Из Пенджаба в сопровождении Шила Сардара, владельца журнального издательства, и Ирины Константиновны Величко, супруги нашего дипломата, я прибыл в Дели, откуда через сутки вылетел в Мадрас, где присоединился к остальным членам делегации. Мы довольно подробно ознакомились с Мадрасом, крупнейшим городом южной Индии. Здесь оказалось значительно жарче, чем в Пенджабе и Дели, горожане выходили на улицу лишь по вечерам. Только бездомным, часто с детьми, негде было укрыться от палящего солнца, они сидели прямо на раскаленном асфальте. В Мадрасе и его окрестностях мы осмотрели множество достопримечательностей. Особенно большое впечатление на нас произвели величественные каменные скульптуры, обычно изображения животных, чаще всего слонов. Их в большом количестве можно видеть на берегу океана.

В Мадрасе нас встретили тепло. Мы познакомились с представителями Общества культурных связей с СССР, которые организовали для нас встречи с общественностью. О нашем визите много писала местная пресса, мы часто давали интервью, наши фото появлялись на страницах газет. По возвращении из Индии эти снимки и вырезки я отдал в Государственную библиотеку Таджикской ССР имени Фирдоуси. Наше пребывание в городе вызывало интерес и у иностранных корреспондентов. Помню, одна молодая американская журналистка постоянно сопровождала нас и записывала выступления, особенно мои.

Когда мы вернулись из Мадраса в Дели, советский посол И.А. Бенедиктов устроил в нашу честь большой прием, на который были приглашены представители делийской общественности и все члены делегации — академик Петровский, профессор А.И. Лепешкин, доктор исторических наук Никитенко, активистка нашего Общества И.С. Ершова и я. Помню, во время приема советник посольства сказал мне, что моя персона вызвала большой интерес в Индии, особенно в Пенджабе. Думаю, эти слова не были просто данью вежливости.

Меня сердечно встречали как простые люди, так и интеллигенция — студенты и профессора университетов. "Завоевание сердца" — так удачно выразилась о нашей миссии одна из индийских газет. Несомненно, наша поездка способствовала дальнейшему укреплению связей с великим индийским народом. После возвращения домой я не раз выступал перед разными аудиториями с рассказом об Индии и ее народе. Я также подготовил подробный отчет о поездке, который был направлен правлению нашего Общества и в Москву. Своим путешествием в Индию я был очень доволен и благодарен руководству нашей республики за доверие.

Следующая моя зарубежная поездка состоялась в 1965 г. В составе научно-туристической группы историков я отправился в Вену на Международный конгресс историков. На этот форум приехали представители многих стран, основные доклады были посвящены Второй мировой войне. Мы побывали и в других районах Австрии. Как известно читателю, я служил здесь в 1945 – 1946 гг. в советских оккупационных войсках, и мне особенно интересно было посмотреть страну, тем более, что после войны Австрия была разделена союзниками на зоны оккупации, и в "чужих" зонах я не бывал.

Весьма тяжелое впечатление на всех нас произвел бывший концентрационный лагерь Маутхаузен. Первый раз я видел это страш-

ное место в 1945 г. В то время в печах, где сжигали людей, еще сохранился пепел, на складах лежали мешки с женскими волосами, обувь и одежда уничтоженных узников, детские вещи, фотографии. Тогда мы узнали, помимо прочего, что сын коменданта "развлекался" тем, что по утрам сам расстреливал заключенных.

Лагерь расположен недалеко от берега Дуная, и, как нам рассказал гид, двум военнопленным однажды удалось бежать и переплыть реку. Местные жители пытались укрыть их, но гестаповцы узнали об этом, подожгли дом и в нем сгорели все — и беглецы, и те, кто хотел им помочь. Во дворе лагеря были установлены памятники погибшим — русским, полякам, венграм и другим, в том числе советскому генералу Д.М. Карбышеву, которого фашисты в сильный мороз обливали холодной водой до тех пор, пока он не превратился в ледяную статую. Еще там было несколько могил испанцев, но на их месте была посажена роща, деревья были уже совсем большие.

В 1970 г. по линии общества "Знание" была организована научно-туристическая поездка на Ближний Восток. В группу входило 15 человек — ученые из вузов и АН СССР. Меня назначили политическим руководителем этой группы. Поездка была рассчитана на 15 дней, нам предстояло посетить Ливан, Сирию и Иорданию. Наша основная задача заключалась в ознакомлении общественности этих стран с достижениями и успехами нашей Родины, а также в налаживании и укреплении дружественных контактов. Соответственно группа состояла из весьма подготовленных людей, способных в любой аудитории дать квалифицированный ответ на самый каверзный вопрос.

В ходе этой поездки мы убедились, что выражение "город контрастов", превратившееся у нас чуть ли не в шутку, не утратило своего прямого смысла. Контрасты здесь были всюду — между вполне европеизированными крупными городами и захудалыми, запущенными сельскими районами (хотя там картина скрашивалась богатыми восточными базарами). Да и между самими странами была заметна разница — беднее всех была Иордания, особенно по сравнению с Ливаном, который называли "ближневосточной Швейцарией".

В этом не было ничего удивительного. Большая часть территории Иордании (наиболее богатые районы на западном берегу Иордана) была захвачена Израилем. В страну хлынул поток беженцев-палестинцев, что отнюдь не улучшило положение местного населения. Положение же самих беженцев было и вовсе ужасным. В 50-е годы

они жили в лагерях в пустыне, в палатках, без всяких удобств. Потом эти палатки постепенно заменяли домиками из цементных плит либо шлакоблоков. Обычно в таком домике была всего одна маленькая комната. Несмотря на бросающуюся в глаза нужду, нас палестинцы всюду встречали очень хорошо, непременно стараясь пригласить к себе и угостить хотя бы чашкой кофе или чая.

Столица Иордании Амман, несмотря на то, что здесь было множество высотных зданий, особенно вблизи резиденции короля Хусейна, выглядел настоящим средневековым городом. Такой колорит ему придавало обилие мечетей, с минаретов которых муэдзины призывали правоверных на молитву, и многочисленные кладбища. Мы остановились в гостинице "Караван-сарай". К сожалению, в городе нам не удалось побывать почти нигде, за исключением небольшой суконной фабрики и пивоваренного завода.

Большое впечатление на нас произвел Дамаск, столица Сирии. Но самым красивым и богатым из всех городов, в которых мы побывали, был, конечно, Бейрут, столица Ливана, с его первоклассными отелями и небоскребами, выстроившимися вдоль побережья Средиземного моря. Владела всей этой роскошью местная арабская и армянская буржуазия. А рядом в ужасающей нищете жили палестинцы, изгнанные с западного берега реки Иордан после арабо-израильской войны 1967 года. Часть их поселилась в самом центре города в жилищах типа шалашей, другие вырыли землянки на морском берегу. Работали они чернорабочими у богатых торговцев и предпринимателей. Разумеется, хватало в этом городе и "своего" бедного люда.

Наше пребывание в Сирии не осталось незамеченным. По словам советника нашего посольства в Дамаске, о нашей группе, и в частности обо мне, очень много писали здешние газеты. Правда, я усомнился, что буржуазная пресса может положительно писать о советском историке, к тому же политическом руководителе группы. По возвращении домой я представил соответствующим инстанциям подробный отчет о поездке и об откликах на нее. В те времена простые люди на Ближнем Востоке почти не имели правдивого представления о Советском Союзе. И в этом смысле наша поездка была очень полезной, поскольку в значительной мере помогла росту взаимопонимания между народами ближневосточных стран и СССР. Я с полным правом могу отнести эту поездку к "народной дипломатии", как это стало называться позже.

Кроме общественно-политической, наша группа имела и большую культурную программу. Мы осмотрели множество достопримечательностей и исторических памятников. В частности, в этих странах, особенно в Сирии, сохранились многие из сооружений, построенных крестоносцами. Первые их отряды появились в Сирии, Ливане и Палестине в XI в., а впоследствии они создали здесь Иерусалимское королевство. Крепости и другие сооружения той эпохи и по сей день поражают воображение туристов своим величием и искусством строителей.

В 1972 г. я, как председатель Таджикского отделения Общества советско-индийских культурных связей, второй раз побывал в Индии. На этот раз я посетил штате Уттар-Прадеш, с которым наше отделение поддерживало особенно активные связи. Уттар-Прадеш — огромный штат, где проживает более ста миллионов человек, как индуисты, так и мусульмане, поэтому здесь нередки столкновения на религиозной почве. Сравнивая свои впечатления от посещения штата Пенджаб десятью годами ранее, я пришел к выводу, что уровень жизни населения Уттар-Прадеша в целом гораздо ниже. Я видел множество нищих и бездомных. Но простой народ тут приветливый и вежливый.

Я проехал по многим районам штата, посетил его крупнейший город Варанаси (Бенарес), административный центр Лакхнау, Агру и другие города. В Варанаси расположены наиболее крупные учебные заведения (известный мусульманский университет находится в городе Алигарх). Агра знаменита выдающимся памятником индийской архитектуры — мавзолеем Тадж-Махал. Это гробница правителя из династии Великих Моголов Шах-Джахана и его жены Мумтаз-Махал (XVII век). Этот памятник производит неизгладимое впечатление своим величием и изумительной, волшебной красотой. Я также осмотрел строящийся большой индуистский храм, который должен был стать как бы противовесом Тадж-Махалу и показать величие индуистской религии.

Насыщенность программы моего визита, к сожалению, не позволила мне более подробно ознакомиться с другими замечательными памятниками индийской культуры. Каждый день по несколько раз я выступал с лекциями перед самыми различными аудиториями. Дискуссии часто затягивались на два-три часа. Судя по всему, мои выступления имели большой успех, особенно в Агре, Лакхнау, Варанаси.

В Лакхнау я участвовал в большом митинге, посвященном советско-индийскому Договору о мире, дружбе и сотрудничестве (от 9 августа 1971 г.). На митинге выступали посол СССР в Индии Н.М. Пегов, президент штата, представители Общества культурных связей с Советским Союзом. Очень хорошие, теплые слова о нашей стране сказали председатель этого общества Шукло, генерал Хабибулло-хан и его супруга, министр просвещения штата. Вместе с генералом и его женой я на другой день выехал за город, где был устроен большой прием. Хабибулло-хан сказал мне, что он второй раз встречает человека из Советского Союза (первой была встреча с Н.А. Булганиным). Он отрицательно отзывался об англичанах и даже отговаривал нас от посещения музея, созданного еще в колониальные времена.

В Лакхнау мне довелось присутствовать на свадьбах и даже фотографироваться с женихом и невестой. Свадьбы (шоди), как правило, происходят в специальных, предназначенных только для этой цели, помещениях (в большинстве случаев их арендуют). Жених обычно приезжает на коне, его сопровождают музыканты, родственники и друзья, пешком или на автомобилях.

Перед моим отъездом из Лакхнау состоялся прием, на который пригласили учащихся здесь студентов из Узбекистана. До этого я виделся с ними во время моего выступления в университете. Кстати, в Лакхнау прилетела генеральный секретарь Общества культурных связей госпожа Литто Гхош, которая рекомендовала мне посетить Кашмир. Поскольку официального разрешения на это мы не имели, пришлось самым вежливым образом отказаться под предлогом холодной погоды (был конец ноября).

Последним городом штата, где я побывал, был Варанаси, миллионный город с древними архитектурными памятниками. Мэр города устроил у себя дома небольшой прием, на который пригласил меня и местных ученых. А Общество культурных связей просило меня быть гостем на большом концерте, который начался в 11 часов вечера и продолжался до 6 часов утра.

Университет в Варанаси занимает огромную территорию за городской чертой, в нем имеется довольно солидная библиотека. Некоторые профессора университета в свое время учились в Советском Союзе. Кроме того, в отличие от многих других университетов, здесь преподавали русский язык. Вели занятия советские преподаватели. Мы встретили девушек из Воронежа, которые работали здесь уже второй год. Ректором университета был бывший министр просвеще-

ния Индии при Дж.Неру, неоднократно посещавший Советский Союз, в том числе и Таджикистан, почетный доктор Киевского университета. Надо сказать, что во время нашего пребывания здесь среди студентов происходили волнения, вызванные несогласием с действиями ректора. Мне и моему переводчику даже рекомендовали не показываться на улице. Хотя, в отличие от Лакхнау, в Варанаси студенты некоторых учебных заведений встречали нас не совсем дружелюбно, открытой враждебности все-таки не было.

Варанаси — один из религиозных центров индуизма, хотя здесь живут также мусульмане (сунниты и шииты) и представители других вероисповеданий. Город расположен на берегу реки Ганг, и сюда ежедневно стекаются огромные массы паломников со всех концов штата и всей Индии. Ганг берет начало в Гималаях, и город Хардвар, возле которого река сходит с гор и начинает свой путь по Индо-Гангской равнине — наиболее почитаемая индуистская святыня. В бассейне Ганга живут почти четыреста миллионов человек. Эту реку почитают как священную, чудодейственную и исцеляющую. К Гангу приходят не только ради поклонения или омовения в его водах, но нередко — чтобы умереть на его берегу. Здесь же родственники усопших, обычно ранним утром, устраивают погребальные костры, на которых сжигают тела своих близких, а затем бросают пепел в воду. Бесчисленные калеки, слепые и прочие несчастные стучат своими котелками, прося подаяния у туристов и горожан. Тут же можно видеть людей с вымазанными мукой лицами, неподвижно сидящих на самом солнцепеке. Порою они сидят так годами, во исполнение обета. На противоположном берегу реки в тенистой роще стоят дома йогов, причем довольно комфортабельные.

В 1973 г. я был приглашен в Афганистан в качестве гостя Кабульского университета. Целью моей поездки был сбор материалов о взаимоотношениях и исторических связях таджикского и афганского народов. Я предвкушал богатый "урожай", но обманулся в своих ожиданиях. Научные архивы и библиотеки в Кабуле в то время только еще начали формироваться. Единственной более или менее укомплектованной была библиотека Кабульского университета. Но даже и там я не обнаружил многих известных книг по истории и экономике Афганистана, в том числе трудов советских ученых. Получить многие нужные мне документы было почти невозможно — самые важные из них хранились в дворцовой библиотеке короля Захир Шаха, доступ к ним имели лишь его родственники и самые близкие при-

дворные. Поэтому вместо работы с документами в Кабуле мне пришлось путешествовать по всему Афганистану. Ректор Кабульского университета доктор Джовид выделил мне в качестве сопровождающего старшего преподавателя языка пушту, родом из Нуристана.

Хотя история Афганистана, как часть общей истории Средней Азии, была у нас неплохо изучена, непосредственное знакомство с этой страной дало мне возможность обогатить мои знания о ней. На всех этапах истории народы Афганистана были теснейшим образом связаны с народами Средней Азии, во многом развивались сходным образом. Все, что я здесь наблюдал, очень напоминало происходившее в Средней Азии, в том числе в Таджикистане, до Октябрьской революции. Некоторые новшества, проникшие в быт и культуру, затронули лишь аристократические, то есть наиболее просвещенные, слои населения.

В 1973 г. королевская власть в Афганистане доживала последние дни. Передовая интеллигенция ничего кроме ненависти к существующему строю не испытывала. Народ уже едва терпел собственную нищету, произвол господствующего класса, процветавшую всюду коррупцию. За год до моей поездки в окрестностях Герата погибло от голода множество людей, но король и его двор ничем не помогли населению. Я до сих пор помню рассказ извозчика в Герате об этих ужасных событиях.

Нищета и отсталость были характерны не только для сельских районов, такими были и все крупнейшие города, и даже Кабул. В городе Газни я обратил внимание на солдат, носивших в кожаных мешках воду для своего подразделения, стоявшего в горах. И никому не приходило в голову подумать о менее утомительном способе водоснабжения. Мне приходилось видеть, как мальчики лет 12–13 выполняли в кузницах работу, которая и взрослому часто не под силу. Очень широко было распространено нищенство, особенно в провинциальных городах. Конечно, аналогичную картину можно было наблюдать и в Индии, но там прогрессивные и дальновидные лидеры стремились как можно быстрее покончить с наследием колониализма.

В тот раз я побывал во всех крупнейших городах Афганистана, кроме Кундуза и Файзабада. Города были неблагоустроенными и очень грязными, многие кварталы невозможно было отличить от захудалых кишлаков. В некоторых местах, например в Балхе, электричество было лишь в нескольких домах. Впрочем, с наступлением темноты ходить по улицам любого города, кроме Кабула, было не то-

лько небезопасно, но и трудно — и проезжая часть, и "тротуары" состояли из одних колдобин. Да и в Кабуле на улицах было малолюдно. Почти все взрослые женщины носили чадру или паранджу. Просветительных и культурных учреждений не было в принципе. В Кабуле наиболее привлекательным зрелищем для горожан были собачьи бои — дикое, на мой взгляд, увеселение. Своего рода развлечением были и свадьбы. Кинотеатры посещали практически одни мужчины. В общественных местах, столовых и чайханах неизменно гремели магнитофонные записи местных певцов.

Западноевропейский капитал активно проникал в экономику Афганистана. Страна была наводнена китайцами, американцами, западными немцами. Эти государства пытались укрепить здесь свои позиции. К советским же гражданам отношение часто было недоброжелательным и подозрительным. В Кандагаре и Балхе в коридоре гостиницы перед дверью моего номера постоянно дежурил полицейский. Возвращаясь в Кабул, я каждый раз замечал, что полиция рылась в моих вещах. Стоило выйти из гостиницы, как тут же появлялся "гид", предлагавший всяческую помощь. В Мазари-Шарифе, когда мы с моим сопровождающим однажды сидели в чайхане, за наш стол уселся незнакомец, который заглядывал мне чуть ли не в стакан. Однако представители передовой интеллигенции и простые люди относились ко мне тепло и дружелюбно.

Вопреки препонам со стороны полиции, я старался рассказывать людям о нашей стране, о переменах, которые произошли у нас после Октябрьской революции. В свою очередь, я узнавал о бедственном положении населения, о том, что за малейшее проявление симпатии к Советскому Союзу людей арестовывали, а то и убивали. В том числе и по этой причине подавляющее большинство населения Афганистана едва представляло себе жизнь в СССР. Королевская власть распускала о нас самые невероятные слухи, держала афганский народ в неведении, воспитывала недоверие к Советскому Союзу. Между тем общеизвестно, что именно наша страна оказывала Афганистану огромную помощь.

Вспоминаю, что когда мне захотелось ознакомиться с книгой известного афганского историка профессора Губара, то к его дому советские товарищи смогли провести меня лишь ночью, окольными переулками. Профессор дал мне книгу на два-три дня и просил не выносить ее из гостиницы. Книга была редкостью, выпущен только 31 экземпляр, затем ее запретили — за критическую оценку полити-

ки правительства Афганистана. Профессор Губар (находившийся в те дни под домашним арестом) и его друг, имя которого я, к сожалению, забыл, несколько часов рассказывали мне о положении в Афганистане, о жизни народа, очень критически отзывались о властях страны. Фактически, они открыли мне глаза на то, что происходило в Афганистане. Другие ученые, с которыми я общался, в том числе профессор Абдулхай Хабиби, были значительно более сдержанны. Мне хотелось повидать также профессора Кух-зода, но он тяжело болел, и я не счел возможным беспокоить его.

В Афганистане в те дни существовало Историческое общество (Анджумани-тарих). Руководил им философ Маджру, который на самом деле историей интересовался мало. Но меня он встретил любезно и разрешил брать книги из библиотеки общества. Ознакомившись с его лекциями по философии, которые он читал в университете, я отметил для себя, что они носят весьма эклектичный характер и посвящены в основном арабской философии. В разговоре со мной Маджру был осторожен, хотя и позволил себе несколько откровенных высказываний. Маджру был твердым приверженцем королевской власти. После Апрельской революции он эмигрировал в Пакистан. Его неприятие новой власти ярко проявилось в том, что он отказался участвовать в очередной Кушанской конференции, которая состоялась в 1978 г.

Я планировал выступить перед студентами Кабульского университета, но моя поездка пришлась на февраль — время каникул, так что мне это не удалось. О настроениях студенчества я получил представление, когда в сопровождении группы студентов Кабульского университета выехал в Герат. Их вовсе не смущало, что я из СССР, да и я чувствовал себя так, будто нахожусь среди своих учеников. Студенты не скрывали своего недовольства отсталостью страны и политикой королевской власти, так что порой мне приходилось сворачивать излишне откровенные разговоры на политические темы.

Накануне моего отъезда из Афганистана ко мне приехал советник посольства Слесаренко и пригласил меня выступить перед сотрудниками посольства с докладом о моих поездках по стране. Более полутора часов я рассказывал об увиденном. Я говорил о тяжелом положении афганского народа, о том, что королевская власть ничего не делает, чтобы его облегчить, а если пытается, то социальные проблемы от этого только обостряются. На другой день я выступил в Доме дружбы при посольстве СССР перед афганцами, которые учились в

Советском Союзе. Я не мог не сказать о крайней отсталости страны и о недовольстве населения существующим строем.

От поездки у меня осталось довольно безотрадное впечатление. Хотя я родился в Средней Азии и не понаслышке знаю, что такое жить в отсталой стране, то, что мне пришлось наблюдать, в полном смысле потрясло меня. Я был поражен тем, что во второй половине XX в. может существовать фактически средневековое государство. Но уже тогда чувствовалось, что в Афганистане назревают важные события. Действительно, буквально через две недели после моего отъезда, Захир Шах был свергнут, к власти пришел его двоюродный брат Мухаммед Дауд. Однако кардинально положения это не изменило, разве что Дауд открыл двери для западноевропейского и американского капитала.

По возвращении домой в своем отчете о поездке я подчеркнул, что любой представитель СССР, выезжающий в капиталистическую или развивающуюся страну, должен прежде всего быть выразителем нашей идеологии. Даже простой переводчик в идеологическом отношении должен быть соответствующим образом подготовлен, чтобы достойно представлять Советский Союз. Позднее мне передали, что один из заместителей министра иностранных дел СССР на весьма представительном совещании в Москве упомянул мою командировку в качестве примера эффективной работы в этом смысле.

В 1978 г., уже после Апрельской революции, я был командирован в Афганистан для участия в Кушанской конференции. При этом мне было доверено руководить советской делегацией. На конференцию съехались ученые из многих стран Востока и Запада, в том числе из США. Так получилось, что как раз в те дни экспедицией советских археологов под руководством доктора исторических наук В.И.Сариани в северном Афганистане был раскопан замечательный памятник кушанской эпохи, были найдены великолепные ювелирные изделия.

Обстановка в стране была совершенно иной, чем пять лет назад. Предпосылки революции давно назревали в афганском обществе, однако из-за слабости рабочего класса, неразвитости профсоюзных и других общественных организаций, преобразование социального строя затянулось. Кроме того, оттеснив руководителей революционного переворота, в правительство проникли авантюристы. Хотя председателем Революционного совета и премьер-министром Демократической Республики Афганистан оставался лидер Народно-демократической партии Афганистана Нур Мухаммед Тараки, власть

фактически оказалась в руках Хафизуллы Амина, который сумел полностью войти в доверие Тараки. Соратники Тараки либо оказались не у дел, либо стали жертвами репрессий.

Амин чуть не ежедневно давал интервью иностранным корреспондентам, рассказывая о ходе "революционных преобразований", в действительности же всячески их саботировал. Во главе министерств оказались его ставленники — люди, которые раболепствовали перед ним и своими безграмотными действиями усугубляли трудности. Под видом ускорения революционных преобразований проводилась левацкая политика, например земельная реформа, осуществлявшаяся без учета реальной обстановки. Все это вызывало недовольство духовенства, представителей мелкой буржуазии и крестьянства. Этим пользовались реакционные силы, феодалы, сторонники бывшего короля Захир Шаха и иностранные покровители внутренней реакции.

Тем не менее конференция стала важным научным событием. Ее иностранных гостей поместили в столичной гостинице "Континенталь". Здесь же, в одном из залов проходили и заседания конференции. Мы почти не покидали гостиницу в течение всех двух недель работы конференции. Конференция дала новый толчок изучению Кушанского царства. Были уточнены его границы, степень развития его культуры, выявлены особенности языка. Для нового правительства Афганистана конференция стала своего рода первыми международными "смотринами", и власти сделали все, чтобы она прошла на высшем уровне.

Надо сказать, что отношение ко мне и вообще ко всей советской делегации было совершенно иным, нежели во время прошлой поездки, — подчеркнуто дружеским, мы были "нарасхват". Правительство принимало нас превосходно. Министерства по очереди устраивали для нас приемы и другие мероприятия, которые протекали под знаком укрепления советско-афганской дружбы. Более доброжелательно отнеслась к нам и общественность страны. Обо мне писали в газетах, печатали мои фотографии, брали интервью. На вопросы об отношении к событиям в Афганистане я отвечал, что советские люди считают Афганистан добрым другом своей страны и что СССР будет оказывать афганскому народу всемерную поддержку в его справедливой борьбе за торжество новых идеалов.

Перед нашим отъездом был организован большой банкет с выступлениями артистов. Мы получили в подарок книги на фарси и

пушту. Был также устроен обед в загородной правительственной резиденции, а затем в бывшем королевском дворце нас принял сам Тараки. Здесь я впервые увидел Амина, который, впрочем, только показался и тут же под каким-то незначащим предлогом исчез. Во время приема Тараки сидел не в зале с нами, а на сцене в кресле. Говорил он на пушту, его речь переводили на английский язык. На прощание Тараки сфотографировался с нами.

Осмотреть Кабул удалось лишь в последний день перед отъездом. Стрельбы не было слышно, но какая-то напряженность чувствовалась. По вечерам в городе было безлюдно, к тому же большая часть улиц не освещалась. Когда мы вечером ехали по, за нами следовали машины с охраной. Днем же в городе велась большая работа. Сносили старые одноэтажные дома, на их месте уже началось строительство новых современных зданий, улицы расширяли под троллейбусные линии. По свидетельству наших здешних знакомых, люди работали на стройках бесплатно, некоторые даже отказывались от выходных дней.

От очень многих афганцев, особенно представителей интеллигенции, мы слышали, что Амин сделался полновластным хозяином Афганистана, в то время как Тараки лишь номинально числился главой правительства, хотя его портреты по-прежнему висели всюду. Видимо, этим Амин хотел показать Тараки, что он по-прежнему пользуется всеобщим авторитетом. Мы узнали, что по распоряжению того же Амина лучшие представители страны постепенно отстранялись от власти, многих бросили за решетку, где затем с ними расправились. Эта участь постигла и известного лидера таджиков Бадахшана Тохира Бадахши. С ним я познакомился еще в 1973 г., когда впервые посетил Афганистан. Потом он часто передавал мне приветы через общих знакомых, которые ездили в Афганистан. Сейчас я хотел с ним повидаться, но он уже был арестован, а позднее, как я узнал, казнен.

Уже тогда наблюдалось довольно сильное недовольство новым режимом. Проявилось это и в нежелании многих видных представителей интеллигенции участвовать в Кушанской конференции, международном форуме, имевшем важное значение для престижа правительства. Если даже кто-то из них, главным образом бывшие послы или другие государственные деятели, приходили на заседания конференции, то лишь чтобы "отметиться" и надолго не задерживались.

Такие известные ученые, как философ Маджру, археолог Мухаммед Тарзи и другие эмигрировали в Пакистан.

В промежутке между поездками в Афганистан, в 1975 году, я принял участие в работе Международного конгресса историков, который проходил в США, в Сан-Франциско. Поездка была научно-туристической, наша группа посетила также Вашингтон, Лос-Анджелес и Нью-Йорк. Хочу вспомнить добрым словом моего товарища — востоковеда-индолога Г.М.Бонгард-Левина, тогда члена-корреспондента АН СССР, вместе с которым мы участвовали во многих мероприятиях в рамках этой поездки.

Наша группа входила в состав большой советской делегации, мы наравне с ее членами принимали участие в работе конгресса, выступали на заседаниях. На конгресс съехались ученые из многих стран мира, в том числе из Африки и Азии. Здесь обсуждался широкий круг вопросов по истории разных периодов, причем многие дискуссии носили довольно острый характер. Споры были особенно ожесточенными, если в них участвовали американцы. Они весьма энергично, даже агрессивно "пробивали" свою точку зрения почти по каждой затрагиваемой проблеме.

По окончании работы конгресса наше консульство в Сан-Франциско устроило большой прием для его участников. Американцы, в свою очередь, приглашали делегатов к себе домой. Меня и еще двух историков — из Грузии и из Югославии — пригласила одна богатая американка. Ее дом был расположена за городом, тут были сад, прекрасный бассейн во дворе и большая библиотека. Другие гости были в основном профессорами Калифорнийского университета. Вечер прошел в дружеской и раскованной обстановке, хозяйка и ее дочь встретили меня очень радушно, гости были любезны и внимательны. Я произнес речь о дружбе между нашими великими странами и их учеными.

За все время, проведенное в США, никакой враждебности по отношению к себе мы не ощущали. Напротив, везде, где довелось побывать, нас встречали с искренним интересом. В Лос-Анжелесе почти всю нашу группу пригласил в гости известный археолог, имя которого, к великому сожалению, из-за давности лет я просто забыл. Мы были очень польщены его вниманием, он даже отложил поездку на Ближний Восток, чтобы встретиться с нами.

Правда, некоторые американцы и европейцы вели себя довольно высокомерно. Например, наш гид в Нью-Йорке, дама польского про-

исхождения, пользовалась малейшим поводом, чтобы подчеркнуть превосходство американского образа жизни. Были у нас и другие встречи — с эмигрантами из Советского Союза. Они говорили, что сожалеют об отъезде с родины, постоянно повторяли, что не теряют надежды вернуться в Советский Союз.

Наблюдая жизнь в Соединенных Штатах, я не мог не увидеть огромной пропасти между богатыми и бедными. По улицам современных мегаполисов бродили бездомные, с наступлением темноты улицы пустели — из-за частых грабежей и уличной преступности люди просто боялись выходить из дома. Это было особенно заметно в столичном Вашингтоне. В Нью-Йорке буквально каждую минуту слышалось завывание сирен, полицейские машины летели по вызову. Электромонтер в гостинице "Рузвельт" рассказал нам о разгуле преступности, убийствах и кражах в их городе. Во всех городах, где мы побывали, всюду ходили хиппи, мужчины и женщины, одни полуголые, другие босые, третьи и полуголые и босые одновременно. На тротуарах сидели бродяги и просили денег. Все это было для нас странно и дико, и в нашем тогдашнем восприятии вполне согласовалось с тем, что мы слышали об Америке дома.

Не все, конечно, было так мрачно. Трудно было не заметить красивые благоустроенные дома, фешенебельные отели, бесконечные потоки автомобилей на ровных как зеркало автострадах. Самое яркое впечатление произвела на меня неугомонная и оживленная улица — Бродвей в Нью-Йорке, днем и ночью заполненный разноязыкой толпой.

Мои поездки помогли мне лучше узнать и понять жизнь и культуру стран, в которых я побывал, ознакомиться с уровнем развития в них исторических наук. Даже, может быть, несколько беглое знакомство с повседневной работой зарубежных историков убедило меня, что советским ученым, особенно молодежи, предоставлены гораздо большие возможности, что в нашей стране развитие науки и просвещения ведется с наибольшим размахом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На этих страницах нашли отражение лишь ключевые эпизоды моей жизни. Я постарался как можно честнее рассказать о своих достижениях и неудачах, не приукрашивать ничего, и прежде всего — собственную личность.

События далекого прошлого я помню до мельчайших подробностей, как будто все это произошло вчера. Особенно дороги мне воспоминания о счастливых днях раннего детства, когда я был окружен любовью и заботой родителей. Это чудесное время длилось недолго и первыми "моими университетами" стали жизнь в чужом доме и тяжелая работа. Я часто терпел несправедливость и незаслуженные упреки.

Сейчас трудно даже представить, как жилось нашему народу в те времена. И без того нелегкое существование на памирском высокогорье становилось для бедного человека просто невыносимым с наступлением холодов и сезона снежных лавин. Не хватало топлива, теплой одежды и еды. Но это была только одна сторона нашей жизни. Везде царили неимоверные темнота и отсталость, население было поголовно неграмотным.

Судьба сберегла меня, и я по мере сил участвовал в великих преобразованиях, которые происходили в нашей стране. В моей памяти остались радостные дни 1923 года, когда в нашем кишлаке Поршнев открылась первая советская школа. Это были светлые дни для меня и всех тех, кто переступил порог школы и взял в руки советский букварь, это был первый шаг в большую, настоящую жизнь. Мои первые учителя в поршневской школе и хорогском интернате — охун Назар-бек, Мухабатшо (Шофутур), Курбан-Мухаммед-зода (охун Сулаймон), Абдулалишо Зинатшоев и другие — не только давали нам знания, но и воспитывали из нас достойных граждан нашей родины, строителей нового общества и новой жизни.

Я прошел долгий и не всегда легкий путь к знанию, не останавливался на достигнутом и не отступал перед трудностями. Я сумел мно-

гое понять в истории нашего народа и Востока в целом. Не боясь повториться, скажу: для меня всегда было главным не просто овладеть знанием, но и передать его другим людям.

Сын неграмотного крестьянина-бедняка с далекого Памира, круглый сирота, я вырос и многого добился только благодаря заботе и поддержке Советской власти. Сейчас мы знаем гораздо больше о трудных и трагических страницах истории Советского Союза. Но вряд ли можно отрицать, что только национальная политика советского государства вывела миллионы таких как я, представителей прежде отсталых народов, из темноты средневековья.

Все огромные перемены в нашей стране происходили на моих глазах. Я счастлив тем, что не остался от них в стороне. Совсем молодым человеком, только что окончившим вуз, я включился в преподавательскую работу в Таджикистане, внося свой посильный вклад в культурную революцию. С самого начала Великой Отечественной войны я встал в ряды защитников Родины, честно воевал, "пулям не кланялся" и местечка поспокойнее не искал.

После войны, защитив кандидатскую и докторскую диссертации, я полностью посвятил себя научно-исследовательской работе, к чему всегда стремился. Как директор Института истории им. А.Дониша АН Таджикистана и академик нашей республиканской академии, я много сил отдал организации и развитию науки в республике.

На моем счету более ста научных работ, от объемистых монографий до статей в сборниках и журналах. Это плоды многих лет кропотливого труда, поисков и неустанного изучения документов и первоисточников, многие из которых до этого практически не вводились в научный оборот. Круг моих интересов в области истории и востоковедения всегда был весьма широк. Я никогда не замыкался на истории одного народа или страны, старался максимально раскрыть исторический контекст событий, показать взаимосвязь между разными странами и культурами.

В своих работах я старался не обходить и не сглаживать острые вопросы, а историки постарше хорошо помнят, что в те времена существовали "запретные темы", касаться которых было в некотором смысле рискованно. Но меня укрепляла простая истина: без знания прошлого, без глубокого уважения и бережного отношения к нему нельзя понять настоящее и предвидеть будущее. Мне трудно оценить собственный вклад в историческую науку, да и не хочется выглядеть в глазах читателя хвастуном. Знаю, что, несмотря на ограниченные

тиражи моих книг, они доходили до специалистов и получали признание. Хочу верить, что они интересны и молодому поколению историков.

По моим наблюдениям, современная молодежь в целом продолжает интересоваться историей, но больше ценит литературу мемуарную, дневниковую, документальную — иными словами, отмеченную печатью достоверности, искренности, правды "из первых рук". Такие книги позволяют во плоти представить жизнь прошлых поколений, дух ушедших эпох, оживить историю, которая в научных исторических трудах может выглядеть суховатой, "пресной", а то и быть намеренно искаженной.

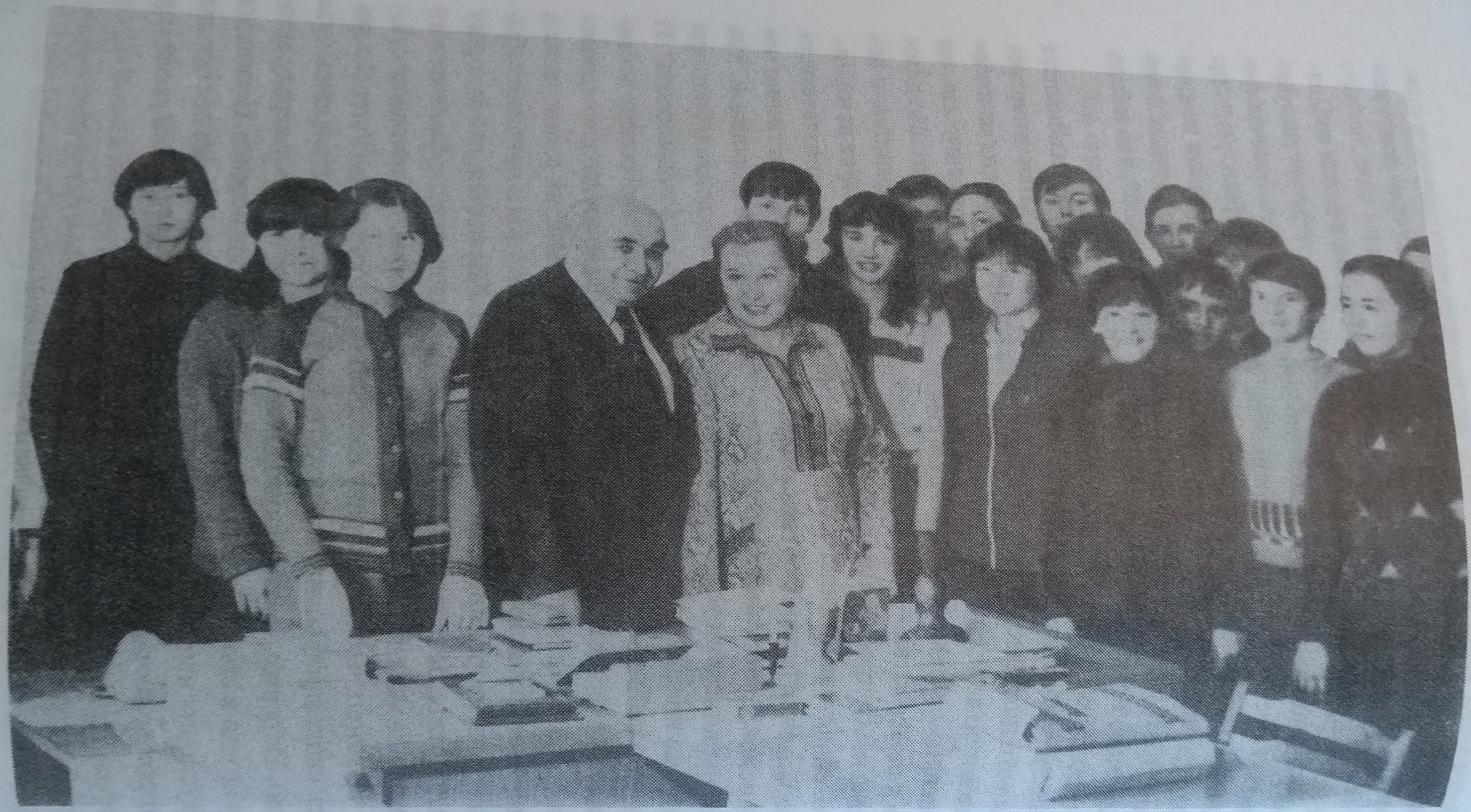
Чего греха таить — историки моего поколения профессионально не всегда оказывались на высоте. Бывали явные попытки интерпретировать или замолчать факты так, чтобы подогнать их под малоубедительную концепцию, документальную точность подменить самым банальным резонерством, "лакировать" действительность. Но история человечества — это история противоречий и конфликтов, и попытки игнорировать их сводят на нет главную задачу науки истории.

Сейчас жизнь ставит перед историками большие и ответственные задачи. Мы приступаем к изучению истории на качественно новой основе, восстанавливаем то, что было упущено в прошлом. Мы должны видеть историю такой, какая она есть. Не должно быть для историка ни забытых имен, ни белых пятен, как и "розовых очков". И позволю себе заметить, что существует единственный рецепт достижения этого: честность и опора на факты. Только с помощью кропотливого сбора фактов, их сопоставления и анализа, их соотнесения с историческим контекстом можно восстановить ход и причины событий и дать им реалистическое объяснение. Разумеется, найти дорогу в лабиринте безграничного и часто противоречивого фактического материала можно, только вооружившись правильной методологией.

Наконец, чтобы по праву называться историком, мало только любить свою профессию и служить, пусть искренне, одной лишь музе Клио. Историк должен служить своей родине и своему народу, и только тогда в его работе появится настоящее вдохновение. И когда все эти условия выполнены, труд окончен и последняя точка поставлена, историк может с полным правом сказать: *Felix qui potuit rerum cognoscere causas*[15].

---

[15] "Счастлив, кто смог узнать причины вещей" (*лат.*).

Б.И. Искандаров принимает гостей — *делегацию из школы № 52 г. Барнаула*

Признание со стороны молодого поколения — одна из главных наград, которой может желать ученый и педагог. Я старался уделять особое внимание подрастающему поколению, воспитывать его в духе преданности нашей родине. За работу по военно-патриотическому воспитанию молодежи я несколько раз был награжден грамотами Советского комитета ветеранов войны. Но завершить свои воспоминания мне хотелось бы рассказом об одном небольшом эпизоде, который меня когда-то очень тронул.

А началось с того, что однажды, по раз и навсегда заведенному обыкновению, я просматривал новые книги. Каково же было мое удивление, когда в одной из них я увидел такие слова: "Босым, с горстью ягод шелковицы за пазухой, пришел в Хорогский интернат из кишлака Сохчарв неграмотный мальчик Боходур. Прошли годы. Теперь далеко за пределами Таджикистана известно имя крупного ученого, заслуженного деятеля науки, доктора исторических наук, члена-корреспондента Академии наук Таджикской ССР, директора Института истории Боходура Искандаровича Искандарова"[16]. Не скрою, я был польщен и рад. Но еще больше удивило и порадовало меня письмо из далекого города Барнаула, от школьников и учителей средней школы № 52. Оказывается, в школе действовал музей истории ВЧК, и члены совета музея тоже прочли эти строки. В письме они просили прислать им мою биографию и фото. Я с радостью исполнил их просьбу, а кроме того, выслал им однотомник "Таджикской советской энциклопедии", "Атлас Таджикской Советской Социалистической Республики", книгу "Наука Советского Таджикистана", этнографический альбом и несколько моих книг из собственного "неприкосновенного запаса".

Так завязалась наша переписка. Дети рассказывали мне о своих успехах в учебе, помощи народному хозяйству, встречах с ветеранами партии, труда и войны. Я тоже писал им письма и поздравлял с праздниками. Наконец, мои новые друзья спросили, нельзя ли им приехать в Таджикистан. Мы с радостью исполнили их просьбу, и они приехали в Душанбе на зимние каникулы. Они познакомились у нас с учеными Академии наук Таджикистана, встречались с ветеранами войны и труда, посетили несколько школ и пообщались со свер-

---

16 *Блохин Л.И.* Враги — голод и детская беспризорность // Военные контрразведчики (Особым отделам ВЧК—КГБ — 60 лет). — М., 1978. — С. 139. К моменту выхода этой книги в свет Б.И.Искандаров был уже действительным членом Академии наук Таджикистана. — *Прим. ред.*

стниками. Их наперебой приглашали в гости, побывали они и у меня дома. Дети из Барнаула съездили также в Нурек, Варзобское ущелье и Гиссарскую долину. Наша дружба продолжалась много лет, старшеклассники заканчивали школу и передавали эстафету своим товарищам из младших классов, которые продолжали регулярно слать мне письма.

Эта дружба со школьниками из Барнаула еще раз подтвердила, что "эстафета поколений" действительно существует. Поэтому я уверен: по проторенному нами пути к знанию пойдут новые люди, которым откроется то, что не сумели узнать и понять мы. Новые поколения "весь мир пройдут, чтоб знанье обрести". И я очень надеюсь, что наши скромные достижения и открытия помогут им в этом поиске знания. И если будет так — значит, я прожил свою жизнь не зря.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Глава I. ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ

1. Ранние детские годы 7
2. Школьные годы 15
3. Учеба в интернате 22
4. Отъезд в Ташкент 28

Глава II. УЧЕБА, РАБОТА, НАУКА

5. Работа в Таджикистане 37
6. Учеба в Ленинграде 45
7. Педагогическая деятельность 53
8. Начало учебы в аспирантуре 60

Глава III. ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

9. Первый год на войне 64
10. В 113-й стрелковой дивизии 69
11. Последние годы военной службы 84

Глава IV. НАУКА

12. Защита диссертации и работа в Институте истории АН Таджикистана 90
13. Директор института 105

Глава V. КНИГИ, ЛЮДИ И ПУТЕШЕСТВИЯ

14. Краткие сведения о выпущенных трудах . . . 114
15. Люди науки 130
16. Зарубежные поездки 135

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Научно-популярное издание

Искандаров Баходур Искандарович

ТРУДНЫЙ ПУТЬ К ЗНАНИЮ

Текст публикуется в авторской редакции

Обложка художника
В.К. Бисенгалиева

Художественный редактор
Ю.М. Добрянская

Технический редактор
З.С. Кондрашова

Корректор
Т.И. Алейникова

Компьютерная верстка
В.А. Согласнова

Изд. лиц. № 040414 от 18.04.97 г.

Подписано в печать 19.08.99
Формат 60x90/16. Бумага офсетн. № 1.
Гарнитура Таймс. Офсетная печать.
Усл. печ. л. 10,0. Уч.-изд. л. 8,54.
Тираж 1000 экз. Заказ 2588 . Изд. № 6830

Ордена "Знак Почета"
издательство Московского университета.
103009, Москва, ул. Б. Никитская, 5/7.

Отпечатано с готового оригинал-макета в
Производственно-издательском комбинате ВИНИТИ.

140010, Люберцы, Октябрьский пр-т, 403
Тел. 554-21-86

2007328638

ЭК

-38427